



Владимир Костров: Я отрицаю отрицание

«Но были мы одна стихия,
Но были мы одна волна.
Была Советская Россия.
Была великая страна»

— так признаётся в
одном из стихотворений,
публикуемых в этом
номере, замечательный
поэт, давний друг и
любимый автор «ЛГ»
Владимир Костров.

СТР. 6

Фальшивые копии

О том, как обходятся
с русским языком
деятели ТВ, говорилось
множество раз. И
всё-таки тема эта
неисчерпаема! Сколько
в ней находишь
комичного, горького
и трагического, стоит
только включить
телевизор.

СТР. 10

Фермер на распутье

Колхозы развалили,
но львиная доля
сельхозпродукции
по-прежнему
производится крупными
предприятиями. У
мелкого частника нет ни
свободных средств, ни
залоговой базы, лишь
допотопные технологии
и ручной труд. А если
удастся фермеру всё
же вырастить хороший
урожай, тут же встанет
новая проблема — как
его продать.

СТР. 11

Гром победы – раздавайся!

В Год истории открылся Музей войны 1812 года



В масштабном праздновании 200-летия
Отечественной войны 1812 года замечается
отчётливая и конкретная цель – просто позна-
комить наших сограждан с этапами, собы-
тиями и героями той великой войны, чтобы
можно было в полной мере осознать гранди-
озность нашей в ней победы, почувствовать
нашу национальную гордость за неё...

Одной из самых важных, уже, наверно,
исторических вех этого празднования стало
долгожданное – со 100-летним ожидани-
ем! – открытие Музея войны 1812 года.
Государственный исторический музей во
внутреннем двореке выстроил 2-этажный
павильон с экспозиционной площадью
около 2000 м², выполненный архитектурной
мастерской под руководством П. Андреева.
Конструкция вертикали чугунных свай
пронизывает пространство по периметру,
а одна из стен павильона является свиде-
тельницей того достопамятного пожара

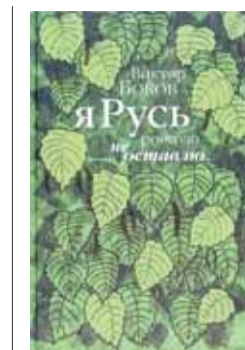
Москвы. За этой стеной – сама Красная
площадь.

Уникальность экспозиции, пожалуй, в
том, что она отлична от первоначальной,
столетней давности, концепции музея.
Тогда, в 1909-м, в Московском Кремле и в
1912-м в залах Исторического музея откры-
лись две большие юбилейные выставки, и
значительная часть тех раритетов так и
осталась в фондах Исторического музея
ждать новой круглой даты... Сейчас здесь
отражён не один лишь «музейный образ»
Отечественной войны в противоборстве
России и Франции, но охвачен и пери-
од освобождения Европы от Наполеона,
затронута тема «переживания войны» её
современниками. Всё построено по хроно-
логическому принципу в десяти тематиче-
ских разделах из более 2000 экспонатов:
Александр и Наполеон: дипломатия ней-
тралитета. 1801–1805; Военные кампании

1805–1807 годов; Русско-французский
союз. Расширение Французской империи;
Подготовка к войне. 1809–1812; Начальный
период войны: от Немана до Смоленска;
Бородинское сражение; Великая армия
в древней столице. Московский пожар;
Изгнание неприятеля из России; Дорога к
триумфу. Заграничные походы; Память о
войне – в галерее прекрасных лиц защитни-
ков Отечества.

Конечно же, «Недаром помнит вся Россия
про день Бородина!». И прекрасно, что эти
знаменитые леермонтовские строки раньше
учились нами наизусть в школе, а сегодня
автоматически встают в память, отзы-
ваясь на гул юбилейных литавр, рассекая
поток светливой и пустой болтовни «сен-
саций». Учат ли «Бородино» в современной,
нещадно режущей программы истории и
литературы школе? Разве что к юбилею,
для галочки?..

«ЛГ»-РЕЙТИНГ



● Боков В.Ф. Я Русь родную не оставлю... / Сост. Алевтины Боковой, Веры Калмыковой). – М.: Русский импульс, – 2011. – 464 с.: ил. – 3000 экз.

В книгу патриарха отечественной поэзии Виктора Фёдоровича Бокова (1914–2009) включены как широко известные произведения автора, так и никогда не печатавшиеся, относящиеся преимущественно к раннему периоду творчества. Кроме того, поэмы, статьи и мемуары, многие из которых практически неизвестны современному читателю. Также сюда вошли мемуары дочери Бокова, Татьяны Викторовны Сорокиной, рассказывающие о ранее неизвестных фактах из биографии поэта. Издание включает в себя литературоведческие статьи о творчестве Бокова, фотографии из семейного архива. Книга станет не только приятным подарком почитателям автора стихотворения «Оренбургский пуховый платок», но и всем, кто интересуется отечественной словесностью.

● Сомерсет Моэм. Карусель. – М.: Астрель, 2012. – 446 с. – 4500 экз.

Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) – один из самых издаваемых в нашей стране зарубежных авторов. Трудно подсчитать русскоязычные тиражи этого писателя и перечислить количество издательств, выпускавших его книги. Тем не менее далеко не всё наследие Моэма доступно нашему читателю. Роман «Карусель» впервые опубликован на русском языке и уже стал лидером продаж. Дочь священника, посвятивший себя юному поэту, аристократ, разрывающийся между чистой любовью к леди и плотской страстью к красивой официантке, жена уважаемого политика, ставшая жертвой хищного и циничного альфонса, – каждый из них, в сущности, хочет всего лишь быть счастливым. Кому из них удастся обрести счастье и какую цену даже самым «судачливым» придётся заплатить за исполнение желаний?

● Грифцов Б.А. Теория романа. – М.: Совпадение, 2012. – 224 с. – 1000 экз.



Исследователь литературы Борис Александрович Грифцов (1885–1950) хорошо известен специалистам. Он автор книг по искусству, теории и истории литературы: «Искусство Греции» (1923), «Как работал Бальзак» (1937), «Психология писателя» (1923–1924; издана в 1988-м), а также многочисленных переводов с французского и итальянского. Его работы давно вошли в научный оборот и являются по сию пору основополагающими для историков и филологов. «Теория романа» – одно из первых отечественных исследований, посвящённых генезису этого жанра, переиздаётся впервые с 1927 г., снабжена историко-культурным комментарием и справочным аппаратом. Издание предназначено для специалистов, а также для всех интересующихся историей литературы.

СКАНДАЛ

Читай, Европа!

Имена победителей премии «Читай Россию/Read Russia» за лучший перевод произведений русской литературы на иностранные языки названы. Ими стали четыре переводчика и четыре издательства. По крайней мере половина из них сомнений не вызывает.

В номинации «Русская литература XIX века» победил Виктор Гальего Балестеро (Испания) за перевод романа Льва Толстого «Анна Каренина». Два года трудился выпускник Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина над одним из самых сложных русских романов. А до этого перевёл на испанский рассказы Толстого и Чехова, поэмы Пушкина и повести Тургенева, «Дневник писателя» Достоевского, «Миргород» и «Шинель» Гоголя. Шляпу снять и поклониться!

Лучшим переводчиком в номинации «Русская литература XX века» назван Джон Элсворт (Великобритания). Он одолел роман Андрея Белого «Петербург». Этот гениальный памятник русскому символизму прочли далеко не все носители русского языка. Сложная, затейливая проза, да ещё ритмическая. Честь и хвала британцу!

Чудеса начинаются со второй половины списка лауреатов, где значатся переводы современной нашей литературы. А там, где современность, там политика. Но если чудо предсказуемо, оно уже не вполне чудо. В номинации «Поэзия» лихую победу одержал итальянец Алессандро Ниеро. Он представил на конкурс перевод книги Дмитрия Пригова «Тридцать три текста». У героя концептуального труда Пригова текстов наберётся, как известно, все тридцать три тысячи. Блоку не силно. Писал покойный, как телеграфом стучал. Предположим, Ниеро не в курсе, что Пригов – это миф, много лет раздаваемый либеральной критикой, заурядный коммерческо-провокационный проект «свободомыслия в России», за которым нет ни грана таланта, вкуса, даже усердия. Учредитель премии – Институт перевода – в лице председателя гильдии «Мастера литературного перевода» А. Ливергант – ещё в прошлом году обещал давать гранты «переводчикам серьёзной художественной литературы, чтобы «серьёзные, трудные книжки можно было долго переводить и, что называется, ни в чём себе не отказывать». Допустим, слукавил Ливергант. Но синьорто Ниеро имеет о современной поэзии Рос-

сии далеко не отдалённое представление. Неужели самодельные тексты про «милицианера» требуют от переводчика такого же мастерства, как стихи Е. Рейна, которого тоже переводил А. Ниеро? Чудны дела твои, премия «Читай Россию»! Чем жюри премии не угодила М. Якобсон с переводами И. Анненского, безусловного классика русской поэзии? А почему жюри не глянулся перевод переписки Цветаевой, Пастернака и Рильке, выполненный крупнейшим китайским русистом Лю Вэньфэем? Представляете, как было трудно, почти невозможно донести до читателей Поднебесной множественные смыслы этого любовно-поэтического эпистолярного треугольника. Донёс! Совершил невозможное! И что? Фиг! Сделать из графомана Пригова мирового классика куда как важнее!

Номинация «Современная русская литература» насмешила уже на уровне шорт-листа. Три имени сияли здесь ослепительным светом абсолютной предвиденности. Три богатыря обязательного премиального ассортимента последних лет: Л. Улицкая, Д. Быков, В. Сорокин. При этом, чтобы угадать победителя, к гадалке не надо было ходить. Лучшей в номинации признана Элен Анри-

Сафье (Франция) за перевод книги Д. Быкова «Пастернак». Хочется надеяться, что для переводчицы, работавшей с текстами Мандельштама, Анненского, Набокова, Ахматовой и Бродского, первичен был всё же нобелевский лауреат, а не его необязательный биограф. Правда, Анри-Сафье, кавалер Ордена искусств и литературы, переломачила как-то дацзыбао Л. Рубинштейна, но с кем не бывает! Человек внушаем, а если заклинание именем повторять годами, да ещё устами российского госучреждения, то устоять трудно. Впрочем, о каком мастерстве перевода можно говорить на примере успешных заметок на тему «Я и Пастернак»? Да, книга вышла толстая, ибо поток сознания у Быкова бурный, да, мадам Анри-Сафье потребовалась усидчивость... Но мастерство?!

Повторяем, дело не в иностранцах. Премия «Читай Россию/Read Russia» – это единственная российская премия за лучший перевод произведений русской литературы на иностранные языки. Она призвана продвигать за рубеж лучшие произведения современной отечественной литературы. А чем она занялась с самого начала? Политикой. Среди множества наших известных писателей лишь единицы являются активистами Болотной площади. Но почему-то именно эти единицы и оказались среди номинантов. Ну и что этим хочет нам сказать власть?! Ведь премия-то казённая. Нет, решают, конечно, жюри. Но ведь жюри

кто-то формирует? Почему же там числится известный либерал Жорж Нива, а, например, не Ренэ Герра, знаток традиционных ценностей русской литературы, спасший от исчезновения целый её эмигрантский пласт? Почему переводчик с английского А. Ливергант повсеместно присутствует, а крупнейший на сегодня германист Ю. Архипов повсеместно отсутствует? Ну да, он – не либерал. И что теперь?..

Мы бы не стали поднимать эту щекотливую тему, если хотя бы для приличия, пусть в длинном списке, присутствовали заявки на премирование переводов произведений писателей, продолжающих русскую традицию. За писателей-патриотов даже не просим. Бесплезно... Странное неприятие куратором Института перевода Е. Гениевой тех авторов, которые имели неосторожность посвятить себя русской теме, давно стало притчей в литературных языках. Даже сорочкинская «Метель», вероятно, оказалась ей слишком русской. Теперь итальянские и французские читатели обречены наслаждаться белибердой Пригова и многословным самолюбованием Быкова, в очередной раз изумляясь загадочной славянской душе и зияющим высотам русской изящной словесности. Не верьте, дорогие зарубежники: вас обманули. К сожалению, за счёт российского налогоплательщика...

П. ХОХЛОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК»

- * Издание книг и их реализация.
- * Набор, вёрстка, корректура и редакция книг.
- * Публикация прозы и поэзии в журналах «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник».

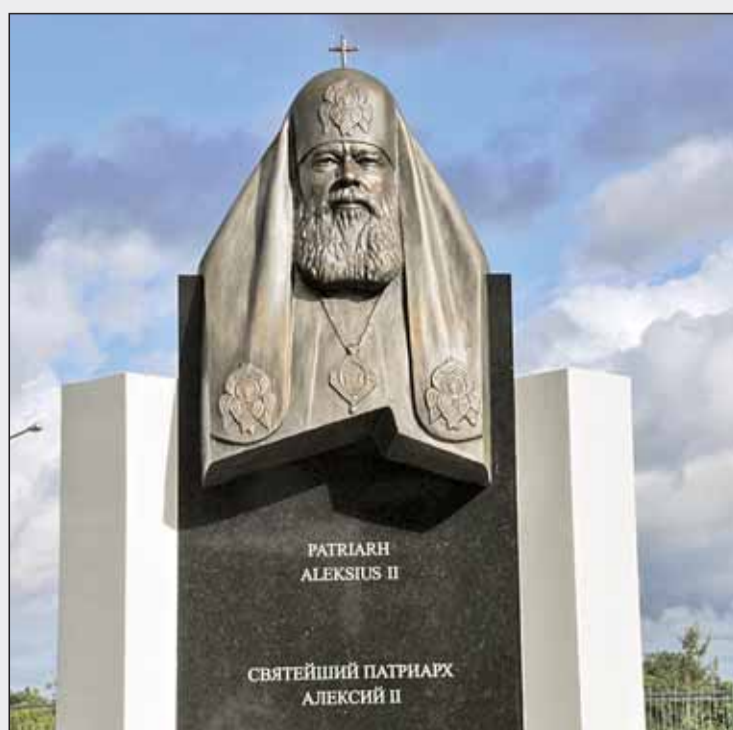
Всё это предлагает вам издательство «Спутник+».

109428, г. Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
www.sputnikplus.ru
E-mail: sputnikplus2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 18 583 человека. Заходите!

9 1770233430004 1 2 0 3 6

ФОТОГЛАС



В минувшую субботу в Таллине состоялась торжественная церемония открытия памятника Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Бронзовый бюст патриарха установлен рядом с храмом в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница», который строится в жилом массиве, где проживает русскоязычное население города. Памятник осыпал митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий. Патриарх родился и жил здесь в течение многих лет (с 1961 по 1986 год), управлял Таллинской епархией.



Ежегодно в Москве проходит торжественное посвящение в студенты, в котором принимают участие более 40 тысяч первокурсников. А на все мероприятия парада московского студенчества приходят более 100 тысяч студентов. Каждый год в московские вузы поступают тысячи абитуриентов, приехавших практически из всех городов России и многих стран ближнего и дальнего зарубежья. Парад студенчества – это своеобразный старт первокурсников в студенческую жизнь, демонстрация сплочённости, исполнение Гимна московского студенчества и огромный концерт с участием звёзд всех музыкальных направлений.



89-й сезон в Московском академическом театре сатиры открылся традиционным сбором труппы. Звёзды радостно приветствовали друг друга, целовались под вспышки фотокамер и телевидения... Все живы-здоровы, через год – юбилей, в президиуме – лучшие артисты, рядом сидят А. Ширвиндт, Ю. Васильев. В зале скромно расположился режиссёр Роман Виктюк, который в конце сентября собирается удивить театральную Москву сенсационной премьерой пьесы «Рекем по Радамесу» А. Николаи, в которой заняты три народных артистки – Вера Васильева, Ольга Аросева и примкнувшая к ним Елена Образцова. Будут, разумеется, и другие премьеры.

ЗЛОБА ДНЯ

Сохранить нельзя секвестировать

Департаменту культуры Москвы предстоит решить, где поставить запятую

Обычно летом московское правительство проводит корректировку бюджета. В этом году некоторое сокращение предполагается и по статьям бюджетного раздела «Культура». Так дал понять прессе руководитель Департамента культуры Москвы Сергей Капков, рассказав, что его ведомство уже приняло решение прекратить финансирование некоторых творческих коллективов – театра Евгения Петросяна, ансамблей «Хор Турецкого» и «Русская песня», центра Людмилы Рюминой, которые, по его мнению, способны к самофинансированию. В связи с возможным секвестированием бюджета на текущий год по разделу «Культура» мне хотелось бы заострить внимание на программах, которым сокращение финансирования может нанести серьёзный ущерб.

В соответствии с принятой городской программой развития туризма в ближайшие три года на приведение в порядок московских парков планируется истратить почти в четыре раза больше денег, чем за предыдущие три года (всего более 14 млрд. рублей). Эти средства уже выделяются, представители парков подтвердили, что деньги поступают вовремя, и рассказали, на что их направляют. Недавно я общался с представителем дирекции ЦПКиО им. Горького, и она рассказала о переменах, которые произошли за последние полтора-два года в главном парке столицы, о культурных программах и фестивалях. Надо сказать, что культурная программа ЦПКиО настолько насыщена, что, например, провести фестиваль кузнечного мастерства, который рекомендовала наша комиссия Мосгордумы, не представлялось возможным из-за плотности графика мероприятий. ЦПКиО им. Горького действительно заметно изменился к лучшему: отменена плата за вход, парк почистили и благоустроили, в нём приятно гулять. Однако, несмотря на всё это, по имеющейся у меня информации, посещаемость парка по сравнению с показателями трёх-четырёхлетней давности заметно упала. Связано это, на мой взгляд, в первую очередь с выведением из парка детских аттракционов. Я уже не раз сталкивался с ситуацией, когда принцип «больше вложенных средств – больше пользователей» с объектами культуры не срабатывает. Можно вспомнить московские публичные библиотеки, куда в последние годы вкладывались солидные средства, но число абонентов не росло. В программе развития туризма кроме графы, в которой прописаны выделяемые на московские парки средства, есть графа предполагаемого роста посещаемости парков. За счёт чего будет обеспечен этот рост, пока непонятно. Нет сомнения: перед парками у городских властей накопился за последние полтора десятка лет немалый долг, их действительно надо приводить в цивилизованный вид. Поэтому выделение столь крупных средств можно только приветствовать. Но при этом, если истратить 14 миллиардов рублей и всего лишь привести в порядок территории парков, у москвичей будет полное право сказать: содер-

жать парки в пристойном виде – это долг городских властей, а что на эти деньги вы сделали собственно для нас? Например, большинству горожан сегодня приходится ездить с детьми на аттракционы на ВВЦ, что удобно далеко не всем. Возможен целый ряд решений. Например, организовать зону аттракционов на территории Московского зоопарка. Учитывая, что бюджетное финансирование на реорганизацию и развитие этого замечательного учреждения, возможно, будет сокращено, создание такой зоны помогло бы зоопарку подняться на более высокий уровень, обрести свою «изюминку», большую туристическую привлекательность, занять достойное место среди похожих европейских парков. Кроме того, я бы порекомендовал рассмотреть вариант строительства игровой или туристической зоны в Филёвском парке: он находится практически в центре города, а его территория позволяет не только разместить крупные конструкции, но и устроить в нём, например, этапе московское сафари. В апреле с.г. на заседании правительства мэр Москвы Сергей Собянин объявил, что в 64 московских кинотеатрах (т.е. практически во всех кинотеатрах постройки 1970-х годов, большинство из которых давно не работает) пройдёт капитальный ремонт. Я уже многие годы борюсь за сохранение в полном объёме условий функционирования в русле их прямого предназначения таких кинотеатров, как «Минск», «Талжикистан», «Планета» и других. При этом не понаслышке знаю, что, когда заходит речь об их капитальном ремонте или реконструкции, всегда появляется проект строительства вместо кинотеатра торгового центра с кинопоказом. Причём аргументы тех, кто за это ратует, убедительны: жителям нужен кинопоказ – они получат кинопоказ в современном качестве. Центр будет выстроен на деньги инвесторов, из бюджета не будет истратено ни копейки и в дальнейшем, в отличие от городского кинотеатра, никаких затрат не потребует. Казалось бы, почему нет? Последние 10 лет я последовательно отстаиваю другую точку зрения, объясняя, почему «нет!». В кинотеатрах должны создаваться современные культурно-досуговые цен-

тры (КДЦ), ориентированные на организацию досуга детей, молодёжи, пожилых людей. Не всё ведь измеряется деньгами! Изменяя статус кинотеатров как объектов культуры, мы получим в итоге: невозможность проката отечественного кино, поскольку в торговых центрах, как правило, показывают почти исключительно американскую продукцию; окружные управления культуры лишатся потенциальных площадей, где могли бы и хотели разместить досуговые учреждения – кружки, студии, секции, любительские театры, детские библиотеки и т.д.; жителям по-прежнему будет некуда отвести детей на занятия; пожилым людям по-прежнему некуда будет пойти, чтобы интересно провести время; торговые точки, офисы и откровенно развлекательные заведения создадут дополнительные транспортные и другие проблемы. Только КДЦ решают все вопросы культурно-досуговой жизни москвичей, в идеале они должны быть в каждом районе. При этом понятно, что в современных кинотеатрах вполне допустима и торговая инфраструктура, но важно сохранять определённое соотношение, не допуская полной замены объектов культуры на объекты рынка. Не могу не сказать о проблемах старых московских театров, большинство из которых работают в зданиях – объектах культурного наследия. Без капитального ремонта или реконструкции там невозможно установить современные системы вентиляции, пожаротушения, безопасности. Сегодня зритель, приходя в любимый театр, не только испытывает дискомфорт от отсутствия циркуляции воздуха (в любое время года), но и рискует в случае возникновения чрезвычайной ситуации оказаться в зале, как в ловушке. Вторая проблема – устаревшее сценическое оборудование. Оно устарело в первую очередь концептуально. Те, кто был в новых или недавно капитально отремонтированных московских театрах – «Мастерская Петра Фоменко», «Et Cetera», Музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко и др., – поймут, о чём я говорю. Сегодня театру, чтобы принимать активное участие в российской и международной театральной жизни, нужно располагать такой сценой, на которой можно поставить любой современный спектакль со всеми мыслимыми и немыслимыми звуковыми, световыми, трансформационными эффектами. Без этого коллеги из-за рубежа, да и из лучших театров России к ним просто не поедут. Большинство наших старых театров таких возможностей не имеют. Проблема не нова, я о ней говорил и писал не раз. Во многом благодаря этому была принята и работает программа реконструкции и капитального ремонта московских театров – два-три из них ежегодно «встают» на ремонт. В настоящее время это театры Романа Виктюка и «Геликон-опера» (здание на Большой Никитской),

в ближайшее время планируется начать работы в «Современнике». В этом году открылись после ремонта Театр Российской армии и Театр Наций, открыта новая сцена театра «У Никитских ворот». Однако, как оказалось, такие темпы ни зрителей, ни город не устраивают. Сколько ещё лет многие театральные здания будут находиться в полуаварийном состоянии, пока до них дойдёт очередь на ремонт? Эту ситуацию в полной мере оценил мэром столицы, побывав в одном из московских театров. Он пообещал выделить средства на то, чтобы в течение трёх лет был проведён капитальный ремонт всех театральных зданий, которые в этом нуждаются. Очень хотелось бы, чтобы это решение не было затронуту секвестированием бюджета. Я подробно остановился на ряде городских проблем, решение которых напрямую связано с ритмичным бюджетным финансированием. Понимая сложность положения Департамента культуры, которому, естественно, хочется сохранить все свои проекты и объекты, я считаю, что необходимо выделить приоритетные направления, которые не должны подвергаться сокращению ни при каких обстоятельствах. При этом, как показывает практика, на многое денег всё равно не хватает. Надо ли вообще в таких условиях проводить «секвестирование культуры»? Есть ещё один момент. До конца последнего театрального сезона (до июня сего года) культурная Москва жила под впечатлением открытия Большого театра. Его реконструкция – огромное дело, которым город (несмотря на имевшиеся издержки) может гордиться. Но возникает вопрос: чем жители Москвы, деятели культуры будут гордиться из сделанного за этот период? Что останется в памяти? Где та изюминка, тот креатив, которые позволяют сказать, что у нас в Москве в области культуры что-то сделано не хуже, чем в Европе, а может, и лучше? Хочу обратиться к правительству Москвы: в последние годы в Москве в области культуры действительно сделано очень много. Музейное и библиотечное дело, музыкальное образование, репертуарный театр благодаря городской поддержке действительно вышли на новый качественный уровень. Следует двигаться дальше, а не замедлять процесс секвестированием. Разумная оптимизация, а не сокращение бюджета – вот что, на мой взгляд, актуально сегодня. Важно, чтобы средства от сокращения определённых расходов остались в распоряжении Департамента культуры и были направлены на более насущные цели. И необходимо, чтобы все мы об этом знали. Нужна открытость.



Евгений ГЕРАСИМОВ, народный артист России, депутат Мосгордумы

ИнтерНЕТ-интерДА

- ▶ Саммит АТЭС... Часть объектов вполне может считаться полезной. Но это – обычные вообще-то объекты и мероприятия, которые надо делать в любом городе. *Naganoff*
- ▶ Мост на остров Русский был необходим и запланирован ещё в самом начале двадцатого века. Вот так и жили без него... *Sash-kan*
- ▶ У меня семья – 4 человека. Зарабатываю я один. Итого налогов из моего кармана потратили почти на 19 тыс. р. Мне как-то жаль их на бесполезную потёмкинскую деревню. *Straum_r*
- ▶ Показуха в чистом виде! Показуха стоимостью 679,3 млрд. руб. По-моему, побили рекорд по неэффективности вкладывания денег! *Martin_222*
- ▶ Мне кажется, не было ни одного мероприятия в истории человечества, связанного с производством реальных ценностей, которые не сопровождалось бы критикой умозрительных аналитиков) лень гуглить – но наверняка нашлось бы много ссылок о том, как неэффективны расходы на любую грандиозную стройку. Возьмём по аналогии: Золотые ворота в Сан-Франциско стоимостью 37 млн. долларов. *Vbulahin*
- ▶ Ни одна из стихий не осталась непокорённой национальным лидером: и земля, и вода, и огонь, и воздух – всё за него. Наверное, именно это отчаянно пытаются продемонстрировать кремлёвские пиарщики. А может быть, и сам президент, ведь, по словам директора заповедника, в котором выращивают стерхов, полёт был инициативой Путина. *U_malashenko*
- ▶ И правильно сделал, что полетел, вам, пожалуй, его не понять! Каждый изощряется, что б такого плохого сказать. Неба на всех хватит, а ну полетайте, получите! Только на гадости способны, на добрые дела у вас кишка тонка... Да ни один другой президент такого сделать не может, а вы, вместо того чтобы гордиться, его грязью поливаете, а сами и прыгнуть через лужу не сможете! *Glokaya Kuzdra*
- ▶ Им (участникам Паралимпиады в Лондоне. – Ред.) сочувствие ваше не надо, потому как они не считают себя неполноценными или ущербными. Вы, наверное, перепутали их с теми, кто у метро за мелочью сидит. Они Спортсмены с большой буквы, люди с характером, огромной силой воли и любви к жизни. *Slimehaf*
- ▶ Неужто интересно на инвалидов убогих смотреть? Напоминает шоу уродов, где всяких несчастных фрикков показывают за деньги. Так и здесь, эксплуатация. Ничего святого у людей. Главное – шоу замутить и рекламу показать, дабы бабло дали. *Vanger*
- ▶ Инвалид, фрик и убогий – это ты, в голове, к сожалению, это неизлечимо... А эти люди, реально сильные телом и духом, доказывают, что нет ничего невозможного. Полный респект им за это. *U96*
- ▶ Наши паралимпийцы зачастую выступают намного лучше, чем здоровые спортсмены, у меня осталось приложение ещё с Олимпиады, поставлю это, а потом сравню. *Dioxidizer*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

ИЗДАТЕЛЬ
АНО «Редакция «Литературной газеты»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Первый заместитель главного редактора
Леонид Колпаков

Заместитель главного редактора
Валерий Павлов (представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)

ОТДЕЛЫ:
«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 шеф-редактор Игорь Серков, обозреватель Владимир Сухомлинов
«Литература и библиография» тел. 8-499-788-02-05 ведущий редактор Марина Кудимова; Игорь Панин
«Искусство», тел. 8-499-788-02-12, Евгений Маликов

Анна Кузнецова, Арина Абркосимова

«ТелеЕдинице» тел. 8-499-788-00-53 ведущий редактор Александр Кондрашов; Олег Пухнацев

«Общество» тел. 8-499-788-02-08 ведущий редактор Людмила Мазурова; Наталья Гамаюнова

«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт

Обозреватели
Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Алесь Кожедуб, Игорь Гамаюнов

Спецпроекты
Анастасия Ермакова

Отдел оформления
тел. 8-499-788-01-13
бывл.-редактор Евгений Федоровский; художественный редактор Антон Меньшов

Собственные корреспонденты
Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Омская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратьев (Республика Македония), Всеволод Марьян (Закарпатье), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай)

Московский тираж – 60 351 экз.
Федеральный тираж – 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске)
Тираж в Крыму – 2500 экз.
Тираж в Европе и США – 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне)
Тираж в Израиле – 22 000 экз.
Тираж в Великобритании – 9000 экз.
Тираж в Греции – 3000 экз.
Общий тираж
138 558 экз.
Цена договорная

Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.

Номер подписан к печати **11 сентября 2012 г.**
Зак. № 12-09-00076

Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не возвращать письма и рукописи.

Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)

Подписка и размещение рекламы: тел. 8-499-788-00-52

Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications» Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № 77-37521 от 20.03.2000 г.
Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.

Адрес редакции:
Хохловский переулок, д. 10, стр. 6
Москва, 109028

Автоинформатор и соединение с отделами:
8-499-788-02-10

Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru

Факс: 8-499-788-00-52

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

Кафтан на чужом гвозде

Почему нам не надо становиться европейцами

Вроде как двигатель на старинной фабрике. Или электродвигатель на каждом станке.

Бердяев верно говорил, что именно славянофилы знали Европу. Именно они понимали, что русским это не годится. Европейец по масштабу и настрою личности — лавочник. (Это обстоятельство когда-то привело в ужас полунемеца Герцена.) Честный квалифицированный лавочник, любящий своё дело и не обчитывающий покупателей, потому что эдак можно, упаси боже, потерять — и «всё будет чрезвычайно хорошо», как говорил герой Ильфа и Петрова.

Удивительно даже, сколь живучи подобные воззрения. Когда-то с ними наперевес пошлы мы на штурм ненавистного совка, стремясь, если помните, «войти в европейский дом».

Вообще у нас господствует чисто туристическое представление о Западе: это место, где чисто и богато. А вот почему так — это совсем не простой вопрос. Запад — это вообще удивительный культурно-исторический феномен, к нему принадлежит процентов 15 человечества. Остальные, наверное, тоже не прочь жить богато и опрятно — так ведь не получается. Почему на Западе чиновники воруют всё-таки умеренно, даже в Италии, а в других странах — себя не помня? (Вообразить, что у нас воруют как-то по-особенному — это мания величия.) Почему у них так, а у нас вовек наоборот? Ответ прост: надо завести аналогичный образ правления и переменить надлежащим образом нравы — и всё получится. Наша интеллигенция вообще любит простые мысли — на это обращали внимание ещё авторы «Вех». Бердяев говорил, что идейный багаж наших интеллигентов исчерпывается «карманными катехизисами».

Вы приходите в дом к вашему приятелю и обнаруживаете, что живёт он не в пример лучше вашего. Почему? Оттого ли, что он получил доходную профессию, оттого ли, что женился на разумной жене, а не на вашей мегере, оттого ли, что в 90-м году не терял времени в аспирантуре, как вы, а сразу взял быка за рога и стал торговать спиртом «Рояль»? В чём тут причина? И в том, и в этом, и ещё во многом. Но главное — в характере вашего знакомца. Судьба хоть народа, хоть человека — это развращение его характера во времени...

Поэтому нам нужен хозяин, который бы отвечал за всё и при надобности сёл на конюшню за отклоняющееся поведение. Наш человек не любит, когда ему говорят: «Делай, что хочешь». Он активен только под давлением. Я наблюдаю постоянно, как наши продавцы (частники! заинтересованные!) бросают работу, как только слегка приподнимется в материальном отношении. Всё это настолько неизменно, что не может быть случайностью. Редкие люди работают без понуканий, способны сами себе установить сроки и дать задание. И главное — выполнить его. И при этом все свои неудачи вешают, словно кафтан на чужой гвоздь, как называл это проникновенный знаток русской души И.А. Гончаров. У нас всегда или правительское плохое, или климат, или среда заела.

Что они сами хотят свободы и чтоб никто не давил и не командовал — это верно. Так ведь и подлости постоянно мечтают освободиться от гнёта докучных и устаревших «родаков».

Русский человек — неоформлен, беспределен. Наблюдение старинное. Некоторые связывали это его свойство с беспредельностью и неоформленностью бескрайней Русской земли, где три года скачи — ни до какого государства не докачешься.

И что тут такого особенного, а паче того — оскорбительного? Напротив, оскорбительно обезьянничать, а не жить своей жизнью. А у нас именно так и есть: настоящим человеком считается европеец. Этот мотив очень выражен в статье: надо подтянуться и стать европейцами. Подтянуться надо, но европейцам нам стать всё-таки не удастся. И не требуется этого. Надо развиваться и совершенствоваться в качестве русских, а не «красненьких кукол европейского просвещения», как называл это Ключевский. Никто никому не должен подражать.

— постоянно существует при государстве и обеспечивается им необходимыми условиями жизни».

Мне кажется, большинство нашего народа — это те самые государственные жители. Они, как платоновский персонаж, стараются «бездирективно ни во что не соваться» — в том числе и в свою собственную жизнь. Они — прирождённые наёмные работники, люди на зарплате. Они не ищут новых путей, они, возможно, и добросовестные и квалифицированные труженики, но им непременно нужно указать их место и круг обязанностей. И по-

богашения («Ты сможешь путешествовать, купишь более престижную машину»), а у нас — идея спасения («Ты сохранишь здоровье, уберёшься от ужасов окружающей среды, защитишь детей от наркотиков, нищеты, паники»).

Разумеется, в любом обществе есть разные типы людей. Вопрос состоит в пропорции тех и других. Чтобы капитализм и вообще рыночная экономика были удачны, нужен некий критический процент людей, готовых действовать инициативно и самостоятельно. Если этого минимального процента нет — капитализм не удаётся. Настоящий, действующий, капитализм — это когда в народе силен этот самый капиталистический дух. Когда жизнь понимается (или, скорее, ощущается) как борьба, завоевание, приключение, путешествие с непредвиденным результатом. У нас (и вообще в традиционном обществе) жизнь ощущается как ритуальный танец, как предусмотренное, заранее заведённое кружение. Траекторию этого кружения определяешь не ты, а кто-то высший и главный, он же раздаёт блага. Дали тебе — спасибо, нет — на нет и суда нет.

Менее всего я склонна критиковать такое отношение к жизни. А чего его критиковать-то? Его использовать надо. Понимать и использовать. Строить жизнь с учётом народного характера.

Что следует из нашего характера? Очень простая вещь. Социализм следует. Внутренний, встроившийся в глубине личности движок экономического творчества у нашего человека очень слаб. Ну, может, кое-кому на малый бизнес хватит, но большое и серьёзное — не потянет. Именно поэтому наша приватизация привела только к повсеместному развалу и упадку (не единственно поэтому, но в значительной степени), а не к экономическому процветанию и скачку эффективности, как мнилось догматам экономиксы.

У нас нет никакой серьёзной силы, кроме государства. Мне лично, старой либералке и антисоветчице с дореволюционным стажем, очень печально это признавать, но что делать — истина дороже. Только государство способно расставить всех по местам и дать каждому задание. И этого — в глубине души — хочет народ. Не выдуманный либеральными мыслителями, не отдельные и избранные, но тот обычный «замкадский» народ, который есть на самом деле.

Когда-то в 90-е годы я работала в иностранной фирме, которая строила завод в Туле. Нам нужны были люди в администрацию завода. Я решила сделать «добренькое» моей подруге и предложила устроить её на работу — приличную работу, с оформлением по КЗОТу, с пенсионными и прочими начислениями. В своём училище она получила примерно 80 долларов в эквиваленте, на новой работе получала бы триста и даже больше. Она — откасалась. Мотив: «Да я тут привыкла, люблю свою работу». Тогда я по молодости крутила пальцем у виска. Сегодня смотрю по-другому. А крутить пальцем у виска надо на тех, кто пытается заставить народ жить чужой, не своей жизнью.

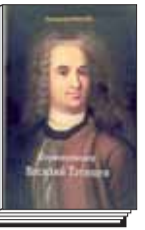


Татьяна ВОЕВОДИНА

ГОД ИСТОРИИ

«В спокойствии души и совести»

Валерий Иванов. **Первопроходец Василий Татищев**. — СПб.: Белка, 2012. — 68 с. — 100 экз.



Эта небольшая книжка посвящена личности поистине удивительной, громадного масштаба и дарования. Василий Татищев, сподвижник Петра Великого, был личностью возродительского плана — даровитой, энергичной и поразительно многосторонней. Учёный, автор первого научного многотомного труда «История Российская с самых древнейших времён», он был ещё отважным офицером, хитрым умным разведчиком, искусным дипломатом, талантливым администратором и крупным государственным деятелем, философом, географом, педагогом... И при этом чуть ли не во всех областях был именно первопроходцем.

Литературная деятельность Татищева, включая и труды по истории и географии, преследовала всё-таки скорее публицистические задачи: польза обществу была его главной целью. Он был сознательным утилитаристом, всегда и во всём искал пользы для страны. Мировоззрение его изложено в «Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ». Основная идея в нём — идея естественного права, естественной морали, естественной религии — заимствованная. Высшая цель, или «истинное благополучие», по этому воззрению заключается в полном равновесии душевных сил, в «спокойствии души и совести», достигаемом путём развития ума «полезной» наукой. К ней Татищев относил медицину, экономику, законоучение и философию.

Свой главный исторический труд, над которым он проработал 20 лет, Татищев передал в Академию наук на хранение, но продолжал работать над ним. Он постоянно связывал настоящее с прошлым: объяснял смысл московского законодательства обычаями судейской практики и воспоминаниями о нравах XVII века; на основании личного знакомства с инородцами разбирался в древней русской этнографии; из лексиконов живых языков объяснял древние названия...

Кроме истории Татищев составил большое количество сочинений публицистического характера, где даёт подробные наставления, обнимающие всю жизнь и деятельность человека. Он размышляет о воспитании, о разных родах службы, об отношениях к начальству и подчинённым, о семейной жизни, управлении имением и хозяйством, указывает меры к умножению доходов государственных.

Это был типичный «птенец гнезда Петрова» с обширным умом, способностью переходить от одного предмета к другому, искренне стремившийся к благу общества, имевший своё определённое мирозерцание и твёрдо и неуклонно проводивший его если и не всегда в жизни, то во всяком случае, во всех своих научных трудах. Память о людях такого калибра должна сегодня поддерживать в нас надежду, что российская элита может быть совершенно иной.

Виктор СТАРИЦКИЙ



расставлено по местам и чисто выметен пол. А кто мы? Бродяги. Ничего по-настоящему не ценящие, ни к чему по-настоящему не привязанные и готовые в митинговом азарте разрушить свою жизнь не за понюшку табака. Мы увлекаться идеями...

Поэтому нам нужен хозяин, который бы отвечал за всё и при надобности сёл на конюшню за отклоняющееся поведение. Наш человек не любит, когда ему говорят: «Делай, что хочешь». Он активен только под давлением. Я наблюдаю постоянно, как наши продавцы (частники! заинтересованные!) бросают работу, как только слегка приподнимется в материальном отношении. Всё это настолько неизменно, что не может быть случайностью. Редкие люди работают без понуканий, способны сами себе установить сроки и дать задание. И главное — выполнить его. И при этом все свои неудачи вешают, словно кафтан на чужой гвоздь, как называл это проникновенный знаток русской души И.А. Гончаров. У нас всегда или правительское плохое, или климат, или среда заела.

Что они сами хотят свободы и чтоб никто не давил и не командовал — это верно. Так ведь и подлости постоянно мечтают освободиться от гнёта докучных и устаревших «родаков».

Русский человек — неоформлен, беспределен. Наблюдение старинное. Некоторые связывали это его свойство с беспредельностью и неоформленностью бескрайней Русской земли, где три года скачи — ни до какого государства не докачешься.

Не потому нам не надо копировать Европу, что мы потеряем свою «самость». Бог бы с ней, с самостью, если б на смену пришли ответственный старательный труд и опрятная разумная жизнь. Подражать не следует, потому что это невозможно и вредно. Не в каком-то высшем и философском смысле, а в самом простом — житейски-практическом. Жизнь от этого становится не лучше, а хуже: беднее, грязнее, уродливее.

Люди не властны в своих учреждениях. Нам нужны не слишком сложные государственно-правовые конструкции. Советская власть была такой простой конструкцией, как и партийные комитеты. Простому человеку можно было куда-то пойти и так ли иначе доискаться правды. Сегодня это не-воз-можно. Об этом я думала, стоя на митинге протеста против вырубке лесов в лесопарковом поясе столицы. Когда-то нельзя срубить дерево на СВОЁМ участке, потому что это были «лёгкие столицы». А теперь рубят и застраивают. И всё, как объясняет начальство, «в рамках правового поля».

Противу обычного возражения: «А почему же у них всё это действует?» Потому что юридические законы, в отличие от законов природы, приводят в движение люди. А люди у них другие. Узкие, мелкие, склонные подчиняться правилам. Est modus in rebus. Как говорил Гораций, всему есть предел, всё имеет свою меру.

У Андрея Платонова есть рассказ «Государственный житель»: там герой постоянно повторяет: «Ждите движения государства, оно всё предвидит».

«Население, — рассуждал герой,

ка можно жить (а жить они могут в самых неприглядных условиях) — они будут ходить на это место и исполнять свои обязанности, как привыкли. Как птица летит по заложенному в гены маршруту. Пока не закрыется это место — радикально и навсегда.

Это фундаментальное свойство наших людей. Именно так объясняется на первый взгляд необъяснимое: им месяцами не платят зарплату, а они всё равно туда ходят. «Гордый взгляд иноплемённик» ничего не поймаёт: зачем? А они и сами не понимают, зачем. Положено так. А куда идти-то?

Презирать их и насмехаться свысока, как это было принято в эпоху разгрома либеральных ценностей, — не от большого ума. Благодаря таким людям у нас как-то ещё теплится жизнь: они как-то учат, лечат, кое-как латают изношенную инфраструктуру.

Наш — массовый! — человек не умеет и не хочет ставить перед собой какие-то там задачи, куда-то рваться, комбинировать что-то, чтобы улучшить своё положение, чтобы заработать что-то, чтобы вылезти куда-то. Его идеал — сидеть на месте и делать, что велит. И это он будет делать до самой последней крайности. Пока буквально есть крыша и кусок чёрствого хлеба.

Шевелиться он начнёт, только если этот кусок у него отнимется. Мотивации «вверх», к добыче — у русского человека нет. Или она слишком слаба. Есть мотивация — к спасению. Не в религиозном, разумеем, смысле — в самом обычном, житейском. Недаром в Америке закупают в сетевой маркетинг идей

праздник вместе с русскими. Заметьте, у нас много памятников, открываются новые. Но до сих пор не сочли возможным поставить в Москве памятник образотворителю государству Российского князю Владимиру». Абсолютно с этим мнением согласен.

И ещё. Руководители и члены КПРФ, покажите наконец на благородный подвиг покойника. Обратитесь к Патриарху Московскому и всея Руси, пусть он совершит достойный обряд похорон Ульянова-Ленина рядом с его последователем Джугашвили. А Мавзолей Ленина пусть станет историческим музеем «Россия в веках» с портретной галереей всех её правителей.

Виктор СТЕКАЧЁВ, ТУЛА

«Ну что, всё строишь электростанцию?»

Я читаю довольно много печатной прессы, в основном либерального направления. Но заметил, что только «ЛГ» поднимает серьёзные, даже судьбоносные вопросы.

Наши либеральные журналисты и близкие им люди постоянно обращаются к некоему новому, высокообразованному, креативному классу. Само слово «креативный» надо понимать в переводе с греческого как «творческий». Что же «творит» этот новый самодостаточный средний класс?

Если вспомнить фильм 1962 года М. Ромма «Десять дней одного года», то, думаю, никто не станет спорить, что это картина о людях твор-

ческих. Так вот, как те творческие люди в прекрасном исполнении А. Баталова, И. Смоктуновского и др. могли быть самодостаточными, не зависимиыми ни от кого, в т.ч. от государства? Они что же, как герой Ильфа и Петрова, должны ядерный реактор мастерить из консервных банок и пишущих машинок? И как могут быть самодостаточными, независимыми ни от кого создатели андронного коллайдера?

На заре хрущёвской «оттепели», в 1956 году, писатель А. Кузнецов создал повесть «Продолжение легенды», терой которой — молодой парень, выпускник московской школы едет строить Братскую ГЭС. И там, в Сибири, получает письмо от одноклассника: «Ну что, дурак, всё строишь электростанцию? Ну, строй, строй! Только в это время умные люди настроят себе дачи. Одну — в Крыму, другую — под Москвой, а третью — на Рыжском взморье».

С точки зрения современных либералов, надо понимать, что этот парень-строитель — действительно дурак. А его московский одноклассник и есть продвинутый представитель среднего класса.

Мой старый друг, к сожалению, скоропостижно скончавшийся в 2005 году, доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией в академическом НИИ в советские времена, в 90-е, оказавшись в бедственном положении, занялся бизнесом. Он возил с Тайвана компьютеры и продавал их в Санкт-Петербурге с большим «наваром» и таким образом какое-то время был весьма состоятельным человеком. Но ему никогда в голову не приходило, что, будучи исследователем в области ядерной физики, он состоял в сословии примитивных совков, а, перейдя

в коммерсанты, приобщился к креативному классу. Нет, он так никогда не думал.

Придя к власти в 90-е, либералы фактически уничтожили сотни научных центров (академических и отраслевых), лабораторий при вузах, массу высокотехнологичных производств. Полтора миллиона наших учёных уехали на Запад, не желая или не сумев трансформироваться в креативный класс, т.е. в ритейлов, ритейлеров, дистрибьюторов, промоутеров, дилеров, брокеров и т.п.

Далее. Либеральные журналисты к лавировочным характеристикам этого нового креативного класса добавляють ещё слово «высокообразованный». Но, простите, откуда в современной России могут появиться по-настоящему высокообразованные, если все наши даже лучшие вузы по рейтингу провалились из середины первой сотни аж в конце третьей? В тот же момент наша российская наука по индексу цитирования опустилась со 2-го места в мире после США (в 80-е годы прошлого века) на 14-е... Нескольк лет назад ректор знаменитого МВТУ им. Баумана в интервью радио «Эхо Москвы» с горечью признался, что его вуз готовит специалистов «для ударных строев Европы и Америки».

Настоящий креативный класс (в смысле творческий) в современной России не востребован, а то, к чему либералы приклеивают это определение, вовсе таковым не является. Это офисный планктон, который владеет компьютером и «мышкой» и занимается продажами-перепродажами, рекламой, туризмом и ещё чем угодно, но только не творчеством.

А. БУЛАТ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

НАМ ПИСЬМО!

За что любить Гайдара?

Узнав из статьи А. Замостьянова «Розовые уши» торчат» (№ 30) о том, что М. Чудакова написала хвалебную книгу о Е. Гайдаре, я совсем не удивилась, т.к. в нашей стране уже давно всё шиворот-навыворот. Восхваляют не тех людей, которые создали, строили, защищали страну, а тех, кто её разрушал, ломал, кто проклинал своё прошлое, плевал на предков. С именем Гайдара наш народ связывает шоковую терапию 90-х, развал страны, развал промышленности, науки, армии, безработицу, криминальные войны. Возможно, намерения у Гайдара были самые благие, но весь тот ужас 90-х народ до сих пор вспоминает с содроганием. Поэтому мы все тогда и обрадовались Путину, который сумел и страну от дальнейшего развала удержать, и хоть как-то жизнь тогда наладилась — это всё его заслуги. Но мы ожидали от Путина большего — дальнейшего развития страны, дальнейшего развития демократии, решительной и непримиримой борьбы с коррупционерами, реального улучшения жизни народа, чего нет, поэтому лично я не голосовала за него в марте. Но Путин хоть что-то сделал и делает для страны. А что сделал Гайдар, чтобы народ его помнил и любил? Конечно, молодым, не жившим в 90-е, можно внушить что угодно. Но даже они больше поверят своим бабушкам и дедушкам, чем М. Чудаковой, хотя она, конечно, имеет право на своё видение.

Как можно считать хорошим человека, который предал своего деда, воевавшего в Гражданскую и отдавшего жизнь за отечество уже на второй войне?

Не могу я понять этих сыночков, которые безбедно жили в советское время благодаря заслугам дедов и отцов, а потом, когда выросли, наплевали и на своё, и на наше советское прошлое, в котором всякое было, и на своих предков, которые бы в гробу перевернулись, узнав о предательстве внуков.

С. ШЕРБАКОВА, ЧЕЛЯБИНСК

Главный праздник — День Крещения Руси

Мой отклик на беседу в № 26 обозревателя «ЛГ» Владимира Сухомлинова с депутатом Госдумы кинорежиссёром Владимиром Бортко. Прав уважаемый автор кинофильма «Собачие сердца»: не праздник Великого Октября, но День Крещения Руси должен отныне и навеки стать общегосударственным праздником не только россиянина. Это должны узаконить совместно президенты России, Украины и Белоруссии. Хочу процитировать высказывание Бортко: «Мне кажется, надо внести изменения и в ряд наших праздничных дат. Несмотря на то что я коммунист, считаю, нужно учредить новый праздничный день — День Крещения Руси. Это ведь было великое событие, знаменовавшее создание нашего государства, никому не в пику, и все народы России будут отмечать

ДИСКУССИЯ «ПОСТМОДЕРНИЗМ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»

Жрецы русского постмодерна

Вот уже полгода в «Литературной газете» идёт полемика о постмодернизме. Но, обратите внимание, как узок круг обсуждаемых имён. Как и всё в нашей культуре, дискуссия замкнулась на десятке привилегированных либералов, навязанных всему обществу постперестроечной элитой. Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин, Михаил Шишкин, Дмитрий Быков... Из предшественников участники дискуссии лишь вспоминали Сашу Соколова и Андрея Битова... Больше никакой литературы вроде бы в России не было и нет.

При этом тот же либеральный критик Евгений Ермолин признаёт, что их либеральный постмодернизм оказался геоэологически и этически бездарен. И нашей литературе он не дал ничего столь же значимого, как проза Павича и Эко, Зюскинда и Борхеса. Естественно, Ермолин промолчал, что и сербская проза Павича, и итальянская проза Эко, и немецкая проза Зюскинда, и латиноамериканская Борхеса прежде всего глубоко национальны, а потом уже постмодернистичны. Наши безликие либеральные постмодернисты (так же как и безликие неореалисты, трансавангардисты и т.д.) без своего национального лица не способны чем-то поразить или хотя бы заинтересовать мир.

БЕЗ ЯРЛЫКОВ

Начнём с того, что любое литературное направление политически, социально, этически и даже национально — нейтрально. Акмеист Гумилёв — белогвардеец, а футурист Маяковский — большевик. Реалист Бунин — тоже белогвардеец, основоположник аналитического искусства Филонов — комиссар. У белогвардейца Гумилёва учились писать и Тихонов, и Багратиц, и Симонов. У белогвардейца Бунина в учениках ходит вся советская талантливая проза. Объединяет их всех и делает великими общий национальный дух. Конечно, есть приверженцы того или иного метода, есть гении в каждом направлении, и я не думаю, что Илья Репин увлёкся бы авангардной живописью, а Павел Филонов перешёл в последовательные реалисты. Это их чисто формотворческое противостояние. Но, кроме эстетического противостояния, есть и политическое, социальное, национальное, да и чисто человеческое взаимодействие и взаимопонимание. К примеру, мне Василий Иванович Белов не раз говорил: «Володя, мне чужд творческий метод Александра Проханова, но я его бесконечно ценю за преданность Родине, за его русский державный дух». Да и мы с тем же Михаилом Лобановым, моим и соседом по даче и учителем, даже не спорим на эстетические темы. Михаил Петрович так и говорит: «Я тебя никогда в этом не пойму. Ты смотришь на литературу по-иному. Но мы оба всегда за Россию. И я всегда с тобой!»

И потому не будем вешать на постмодернизм никаких политических ярлыков. Сама по себе стилистика постмодерна, взятая как сумма приёмов, не может быть ни хорошей, ни плохой. Постмодернизм передаёт состояние хаоса, фиксирует хаос, но, увы, не литературный постмодернизм создал в нашей стране этот хаос. Тот же постмодернизм в состоянии собирать осколки из разрушенного целого, систематизировать творющийся в стране хаос.

Конечно, постмодернизм связан со временем. У нас в России он, по сути, начался после крушения великой советской цивилизации. Начался в состоявшемся хаосе. Все отсылки к «Лолите» Набокова или к «Москва — Петушки» Венечки Ерофеева ничего не стоят. Можно сослаться и на «Золотого осла» Апулея или на «Ревизора» Гоголя. А уж когда участники дискуссии записывают в постмодернисты всех творцов позднего советского авангарда от В. Некрасова до Э. Булатова, давних моих знакомых концептуалистов, я развожу руками: может, и Малевича с «Чёрным квадратом» запишем в постмодерн или, наоборот, Дейнеку? У всех что-нибудь отщепило и хаотично, и цитатное.

Но, если говорить всерьёз, не связано ли возникновение русского постмодерна с попытками выпатчить из перестроечного хаоса хоть осколки, частички уцелевшей советской культуры? По всем понятиям, в том числе и по требованию ельцинской власти, предыдущая культура должна была полностью исчезнуть, уйти в небытие. И вдруг появляется постмодерн, который цитатно паразитирует именно на предшествующей советской культуре, сохраняя для будущих читателей хоть и осколочное её наследие. Как археолог осторожно собирает осколки ценнейших ваз или украшений, а то и целых зданий, так и постмодернисты, кто осознанно, кто неосознанно, вытаскивают на свет Божий руины великого прошлого. Прекрасный историк Умберто Эко сказал: «Каждая эпоха знает своё постмодернизму». В эпоху упадка культура становится заведомо маргинальной. Приходит время культурного варварства. Но культурное варварство постмодернистских неофитов рушит господствующую ныне либеральную модель жизни. Сохраняя, пусть в осколочном, хаотичном виде, мир великого прошлого.

Читайте внимательно: весь постмодернизм для потомков будет прочитываться едино вместе с самой советской культурой. Без знания, откуда взята постмодернистская цитата, не инверсия и самая едкая ирония над этой цитатой.

ОХРАНИТЕЛИ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

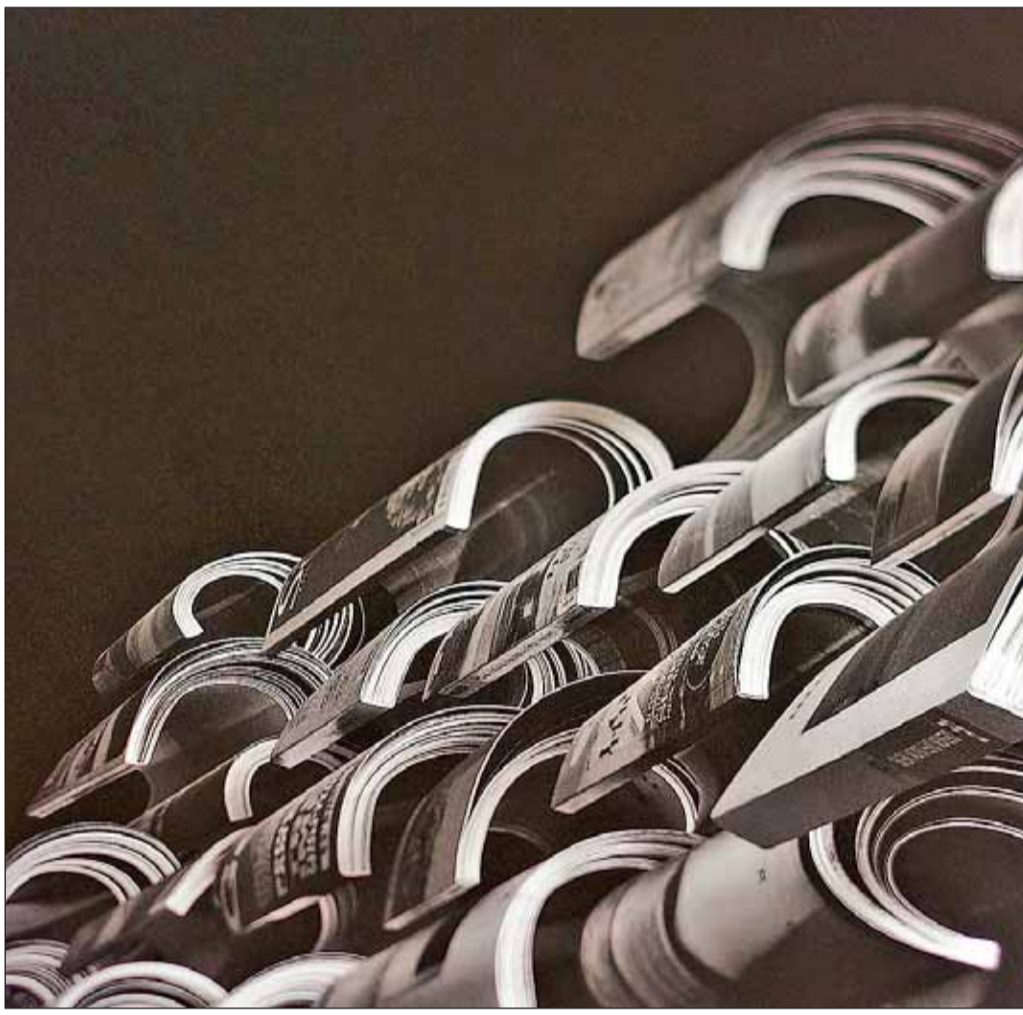
Рухнул Советский Союз, и из груды обломков постмодернисты достают то бесмертного комдива Чапаева, кто «хорошего Сталина», то чекистов, кто ту же самую женщину с веслом. Но либеральные постмодернисты делали свою охранительную работу неосознанно — ни Виктор Ерофеев, ни Владимир Сорокин, ни даже Дмитрий Быков сами не понимали, что они реставрируют советское прошлое.

В эту постмодернистскую работу по собираю осколков и обломков великой Державы вполне осознанно подключились патриотические, державные писатели. Постмодернизм — передышка перед новым взлётом. Да, постмодерн безыдеален, но сегодня и нет никаких идеалов, пока не сформировался в обществе новый идеал, надо собирать обломки старой великой культуры. Собственно, и все вершины западного постмодерна держатся на величии бывшей европейской культуры. Постмодерн должен быть национален более, чем даже реализм или авангард. Его величие держится на величии национальных предков нынешних творцов постмодерна.

Как не может это понять тот же Евгений Ермолин? Не может быть достижений у российский постмодерна, если он, в отличие от европейского, не связан с национальной русской историей и культурой. Вот почему вдруг уобразительного Сорокина возник такой резкий поворот к русско-национальному: «Сахарный кремль», «День опричника», «Метель». Вот почему проваливается нынешний Пелевин с его оккультными увлечениями, — этого не надо. И тому же Ермолину или Шемшученко настаивать достижения русского постмодерна надо искать совсем в другой, патриотической литературе. В постмодернистском её крыле.

Посмотрим же на нашу национальную русскую прозу, щедро использующую приёмы постмодер-

на. Может быть, если мы внимательно прочитаем явно постмодернистские книги Александра Проханова и Юрия Полякова, Юрия Козлова и Юрия Петухова, Анатолия Афанасьева и Вячеслава Дегтева или щедро использующие постмодернистский инструментариум романы Владимира Личутина «Миледи Ротман» и «Беглец из рая», Веры Галактионовой «5/4 накануне тишины», прочитаем поэзию Юрия Кузнецова и Тимура Зulfикарова, мы отчётливо увидим, что и на постмодернистском пространстве умалчиваемое и оттесняемое господствующей либеральной критикой державно-национальное направление явно завоевало все высоты. Меня лишь поражает, что даже отнюдь не либеральные критики, такие как Владимир Шемшученко, Лев Пирогов, Андрей Рудалёв и Дмитрий Колесников, ще-



дро критикуя либеральные пустоцветы, забывают о достоянии крупных достижений именно в области постмодернизма русской национальной литературы. Критиками, даже патриотическими, нашими недругами профессионально навязывается одна и та же обойма либеральных имён: хоть ругайте, но пишете только о них. Больше ни о ком.

Но давайте хотя бы вспомним, как блестяще высмелял ту же постмодернистскую либеральную прозу теми же приёмами постмодернизма Юрий Поляков в романе «Козлёнок в молоке». О нём не любят писать ни левые, ни правые критики, но книжки-то его точно почитывают.

Говорят, высокий британский чиновник Свифт тоже поражал подчинённых и начальников своими вольнодумными ироническими книгами. Говорят, и вице-губернатор Салтыков-Щедрин приводил в недоумение, а то и в ярость чиновных коллег своими резкими сатирическими произведениями. Вот ещё два великих постмодерниста по жизни.

Поляков — из самых читаемых и раскупаемых писателей, а критики любого направления молчат, будто его и нет. Пусть бы ругали, громили. Обвиняли бы в беллетризме, поверхностности, цитатности, хаотичности, в чём угодно. Нет. Молчат. И в дискуссии о постмодернизме о нём молчат.

Юрий Поляков как бы по второму кругу, после нашедших повестей в «Юности»: «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба» и «Работа над ошибками», входил в литературу уже как мастер со своими постмодернистскими книгами: «Демгородок» и «Козлёнок в молоке». Теперь ему в литературе сам чёрт был не страшен. Ещё до «Кыси» Толстой и до кабаковских литературных антиутопий, до постмодернистских изобретательств Пелевина, легко и изящно он сотворил «Демгородок», используя умело весь запас постмодернистских приёмов, и быть бы ему вновь обласканным прессой, если бы он затолкал в придуманную им лагерную зону старых коммунаж или же ретивых поклонников «Памяти». Но Юра почему-то умудрился в августе 1993 года в журнале «Смена», в самые напряжённо-кровавые дни, в повести «Демгородок» с изыщным бесстрашием выдуманным переворотом смести с власти легко удаваемого Ельцина и всех его сатрапов — более того, по велению своего ума и сердца упрял их в строго охраняемую зону. Всё своё ехидство развернул в сторону столпов демократии. Естественно, сразу же появились и разоблачители. Ниспровергатели таланта Юрия Полякова. Его попробовали списать за ненадобностью. Спешно перечекивали всё его творчество. Но читатель оказался умнее демократических ниспровергателей. На их глазах писатель заматерел, стал намного богаче его изобретательный язык, с сюжетом вообще Поляков делал всё, что хотел, и всё получалось. Хотите детектив — найдёте у него такой, что злодея не разгадает до конца никакой знаток Шерлока Холмса. Хотите постмодернизм — вот вам каскад приёмов, весь сюжет перерождается вокруг самого себя, всё становится игрой, весь мир разгрызывается, словно колода карт. Но сквозь литературную игру читатель доискивается до трагедии, в шутках прячется драматизм сегодняшнего человека.

Каково было действующим государственным чиновникам, каково было обслуживающей их придворной культурной элите читать про себя талантливые написанные постмодернистские разрушительные «гадости» и разоблачения в канун октябрьских событий? Роман Арбитман в испугленно-либеральной тогда «Литературной газете» устроил писателю маленький погром: «Юрий Поляков на бумаге отыгрался за все обиды, общественные и личные... Как выяснилось, писателю благоприятствовала атмосфера полуправды, в которой можно было показать себя на правах «разрешённого» обличителя... Пока существовали «белые пятна» и закрытые области, легко и приятно было делать полшага вперёд и открывать Америку. Когда игра в догонялки кончилась и читателя требовалось привлечь чем-то иным, кроме оперативности «отклика», Юрий Поляков был бессилён...»

Сегодня, когда Юрий Поляков, «бессильный и безработный», стал главным редактором той самой «Литературки», тотально провалившейся именно из-за её испугленно-радикального либерализма, читать эти живые строчки критика даже смешно. Что ни слово, то явная ложь. А написана и опубликована эта ложь в форме доноса بلا сразу же после октябрьского расстрела Дома Советов, когда ещё шли аресты противников ельцинского режима.

Роману Арбитману так же, как и другим его радикально-либеральным коллегам по разрушению культуры, от писателей требовалась и требуется ненависть ко всем устоям и традициям, ненависть к человеку вообще. К его святыням и идеалам.

маны Умберто Эко. Это один из самых талантливых писателей нашего времени, сумевший сказать новое слово в русском постмодернизме.

В романе «Колодец пророков» налицо и метафизичность, и имперскость, и острожность, и мистическая загадочность, и протестность, и даже социальность. Куда до него и по продуманному сюжету, и по художественному мастерству, и по смысловой многослойности тому же «Коду да Винчи» Дэна Брауна? Скорее я бы сравнил Юрия Козлова с его старшим современником, близким и по отношению к миру, и по стилистике, и по метафизичности мышления Александром Прохановым. Да и «Колодец пророков» скорее прочитывается как явная предтеча прохановского «Господина Гексогена». Творческая близость этих писателей была заметна ещё с «Геополитического романа».

Читаю новый роман Козлова «Закрытая страница». Как замечает либеральный критик Лев Данилин, «обскурантист и мракобес» Юрий Козлов «...тоже умеет жонглировать метафизическими тарелками в режиме реального времени, и это увлекательное зрелище. Его философский свиток развёртывается с удивительной естественностью, будто легоступый божок танцует над теллотрассой...» Есть в рецензии Данилина масса верных замечаний (так что же его упрёкнёт в непрофессионализме?), но сводит всю «Закрытую таблицу» к похождениям «отца и дочери — помешанной на смерти и сексе...» я бы не стал. Уши гламурной «Афиши» так и торчат из такого пристального прочтения. Скорее, да меня главная восемнадцатилетняя героиня нового козловского романа Альбина-Беба — это его писательский постмодернистский щуп в новое поколение, в новое время, его убеждённости, что и в этом якобы насквозь испорченном поколении лепсы господствуют совсем другие, отнюдь не потребительские инстинкты. И, заглянув в закрытую таблицу будущего России, он видит в этом будущем и место для Иисуса Христа, и место для нового прочтения Иосифа Сталина. Тонко чувствующий слово, ироничный прорицатель и метафизик погружается в русскую державную кондовость. Что делать с таким небожителем? Как подтвердить его от проникновения в главенствующие постмодернистские «списки голубых фишек русской литературы»?

СПЛОШЬ РУССКИЕ РЕБЯТА

Хотел бы отметить, что само предположение о либеральной сути постмодернизма глубоко ошибочно. В тех же США постмодернисты обычно выражают взгляды прорасистского реакционного настроенного «белого молчаливого большинства». Постмодернизм решительно отрицает саму либеральную толерантную культуру как доведённую до предела практику мультикультурализма. Постмодернизм направлен на разрушение, на разрушение разлагающегося либерального общества. Когда у нас с 1993 года после свержения советской власти и разрушения великой державы установился гибельный ельцинский режим, именно постмодернизм и должен был обрушиться на него.

Что он и сделал. Вместо заданного идеологами режима пафосного антисоветизма гуляет в нашем обществе спасительная постмодернистская ирония в адрес наших перестройщиков, благодаря ей не установить у нас ни культ Егора Гайдара и его друзей, ни культ «спасителей Отечества» Ельцина и Горбачёва. Вовремя пришёл к нам разрушительный русский постмодернизм. Я в восторге от статьи Валерия Рокотов, но он же признал — разрушили державу не постмодернисты, которых во время оно не было вовсе, а обуржуазившиеся партократы, самые примитивные социалисты, приравнявшие к своим рукам целую цивилизацию. Закончилось время постмодернизма, хаоса и осколков, неизбежно придут и новые лидеры, и новая литература. В советское время то же сначала в головах у народа вымывали дореволюционные ценности (плохие они были или хорошие — другой вопрос), а потом уже создавали советскую героиню.

Вспомните 90-е годы, когда на Ельцина молились миллионы людей (а это, увы, было!). Не будь разрушительного постмодернизма, вот и утвердился бы на века в сознании народа этот дикий дикий капитализм.

Когда мы лет пятнадцать назад с моим ныне покойным другом Юрием Петуховым задумали и стали выпускать серию «Библиотека сверхреализма», по сути, мы и выпускали нынешнюю классику русского постмодернизма. Этот термин уже тогда переухватили либералы, жаль, мы с ними не поборились. Я убеждён: в России всё должно быть русское — от русского реализма до русского постмодернизма. Все лидеры всех авангардных, модернистских и постмодернистских направлений — это заведомо национально-русские творцы. Николай Гумилёв и Александр Блок, Даниил Хармс и Александр Введенский (обрутили сплэш были русскими националистами), Василий Кандинский и Владимир Татлин, Павел Филонов и Велимир Хлебников, Всеволод Некрасов и тот же Дмитрий Пригов, вплоть до Владимира Сорокина и Виктора Пелевина — сплошь русские ребята. Они и доходят до своих крайностей и чрезмерностей чисто-русскими, безоголочно.

Когда мы с Петуховым говорили о сверхреализме, мы и имели в виду постмодернистское направление, отражающее весь хаос наших дней, воссоздающее из осколков разбитого новую картину мира. Мы успели издать в серии книги Александра Проханова, Владимира Личутина, Тимура Зulfикарова, Виктора Проница, Анатолия Афанасьева, самого Юрия Петухова... Готовились к изданию книг Юрия Козлова, Юрия Полякова, Веры Галактионовой, Юрия Мамлеева, Анатолия Кима, Владимира Орлова, Эдуарда Лимонова, хотели привлечь даже Владимира Сорокина с его новыми опричными романами.

Петухов сказал в беседе со мной: «Что касается традиционного русского реализма, то он не умер и никогда не умрёт. То, что создано веками, что увековечено русскими гигантами, от Толстого до Бунина, будет постоянно развиваться. Хотя, я уверен, у каждого реалиста есть и мгновения сверхреализма. Скажем, у Распутина в «Прощании с Матёрой», у Белова в «Привычном деле», у Личутина в «Беглеце из рая». Русский реализм — это осевое направление в литературе. Оно было, есть и будет. Столбовую дорожку никто отменить не может. А сверхреализм даёт возможность расширить поле реализма. Когда мы видим несуетную дружбу мира, в котором всё нелогично, всё не связано, нам требуется иное видение предмета. Иное постижение. Включается иное подосознание, иное сверхсознание. Мы даём отпечаток того, что происходит в мире. Пусть это — изменённое зеркало нашего подосознания, всё равно оно существует, и

значит, даёт возможность прояснить мир. Я считаю, что тенденция сверхреализма будет расти во всём мире. Ибо ушли былая ясность и простота событий... Дорог мне роман «Бойня», где я предвидел всё, с нами произошедшее. С «Бойни», несомненно, пошла вся обойма антиутопий в русской литературе. От «Кыси» Толстой до «Дня опричника» Сорокина. На «Бойню» написали даже пародию. Потом внезапно замолчали. Абсолютно все. Обидно, что царит заговор молчания. Не ругают, не хвалят — не замечают. Но есть читатели...»

Неслучайно же первым великим жрецом красного постмодернизма назвал священник Александр Шумский не какого-нибудь Пелевина или Сорокина, а Александра Проханова. Вот истинная глыба русского национального постмодернизма. Вот у кого могут поучиться и Павич, и Эко, и Зюскинд. Но, как водится, «лицом к лицу лица не увидать».

Меня поражает, что даже Проханова за полгода никто в дискуссии о постмодернизме не назвал. Какая же тупая у нас критика. Неужто видят всерьёз в Проханове замшелого реалиста? Как говорил Станиславский: не верю! Почему сводят постмодернистское литературное направление к одной политической либеральной группировке? Кто-нибудь знает, каких политических взглядов придерживался серб Павич? За какую партию проголосовал Зюскинд? А куда подевать ультраправого профашиста Борхеса? Так и в русской литературе — постмодернизм порождён Александром Прохановым.

Когда же закончится у нас вся эта либеральная жандармерия, диктующая свои взгляды в литературе даже отнюдь не либеральной «Литературной газете»? Ведь измени набор имён, назови в дискуссии имена Проханова, Козлова, Полякова, Галактионовой, совсем другая дискуссия получилась бы!

МИССИЯ НА ОБЛОМКАХ

Александр Проханов — это главный символ русского постмодернизма. Главное его достижение. Всё творчество Проханова, стиль его поведения, его работ, его публицистики, стиль самой газеты «Завтра» надо рассматривать как явления постмодерна, причём такого уровня, который никогда не снился самым либеральным постмодернистским идеологам. Не скрывая, я об этом писал и говорил уже лет десять, не меньше. Писал о том, что в своей прозе Проханов выглядит не умёртым националистом, а утончённым постмодернистом. Он своим романом «Господин Гексоген» раззадорил целое племя молодых постмодернистов. Не у Сорокина и Пелевина они учились, а у Проханова.

«Господин Гексоген» — роман не столько реалистичный, сколько постмодернистский по всем канонам этого направления. Классика постмодернизма. У Проханова цитаты даже названия романов: «Теплоход «Иосиф Бродский», «Человек Звезды», «Надпись». Уход «красной империи», по словам А. Проханова, настало радикальная тема в жизни страны, что на это разрушение надо было ответить своим постмодернистским тотальным разрушением нынешнего либерально-коррупционного строя. Постмодернизм как оружие в руках русского пролетариата.

Кто читает так называемых постмодернистов Михаила Шишкина, Александра Иличевского, Слаповского или Зайончковского, или Яркевича? Никто, кроме их друзей и родственников (увы, и преподавателей вузов, которым этих либеральных постмодернистов просто навязывают силой наши власти). У Проханова или Полякова, Козлова или Кузнецова читателей в десятки раз больше. Ибо, кроме постмодернистского инструментария, у них есть ещё русская национальная энергетика.

О своём постмодернизме не один раз заявлял и сам Александр Проханов. «Постмодернизм возникает на обломках того, что строилось веками и вдруг обрушивается. Постмодернизм есть исчезновение осей, эстетических, этических, каких угодно. Рухнул Кёльнский собор, и постмодернизм выхватывает из груды кирпичей кусочек витража, фрагмент алтара, какую-нибудь химеру с кровли. И втаскивает в свою копилку. Ведь творчество остановить нельзя. А материалов для творчества нет. И новое творчество пользуется этим распадом...»

Из постмодерна мы рано или поздно выйдем, как старые революционеры, ставшие строителями и охранителями, потеряв надежду на старые истины, но обретя в конце концов новые. И мы уже на новом уровне обрёмём свою новую русскую Истину. В эпоху постмодерна все бывшие константы теряют своё значение, и религии, и идеологии. Но если мы сейчас живём во мраке тотального разрушения России, то самое важное — разрушить эти константы разрушения, используя тот же постмодернизм. Неслучайно же движущей силой патриотической литературы нынче являются те традиционалистские направления, и на смену Василию Белову и Николаю Рубцову пришли во имя той же России Александр Проханов и Юрий Кузнецов и их более молодые соратники. Почему увлечены приёмами постмодернизма все наиболее яркие русские писатели: от Павла Крусанова до Владимира Личутина, от Веры Галактионовой до Марины Струковой? Потому что использовать его для создания нового Дивного мира. Хватит оплакивать погибший мир, надо собирать его обломки и осколки. Постмодернизм — это мир осколков. Ну что ж, будем через осколки всматриваться в великое прошлое, постигая великое будущее.

Всё-таки всегда именно русские национальные силы определяли развитие русской культуры во всех направлениях. Неслучайно и Пастернак с Мандельштамом прорывались в русскую национальную культуру «сквозь еврейский хаос», неслучайно Иосиф Бродский не ходил в синагоги и отказывался от поездок в Израиль. Дело не в еврействе, они понимали, что в мировую литературу они могут пройти только через русскую. Уничтожив в себе местечковость.

Русский постмодернизм для своей всемирности должен стать национальным русским постмодернизмом. Постмодерн, когда все старые смыслы утеряны, а новые ещё не обреты, должен стать временной опорой в своей цитатности и историчности, сосредоточивая всех нас на великих русских шедеврах прошлого. Надо не преодолевать постмодернизм, а сосредоточивать его на коллекционировании осколков великой русской культуры.

Мы и на самом деле жрецы нашего русского постмодерна!

Владимир БОНДАРЕНКО



ЛЮДИ И КНИГИ

Масса против интеллекта!

В Москве прошла 25-я Международная книжная выставка-ярмарка

О СОРАЗМЕРНОСТИ С ФРАНЦИЕЙ

Отношения с Францией у нас не только близкие, но и соразмерные.

Александр Ливергант

25-я, юбилейная, Московская книжная выставка-ярмарка принимала Францию как почетного гостя. Дело отчасти и в славному двухсотлетнему рубежу этих сентябрьских дней, но кабы причина заключалась только в нём, такое почётное участие можно было бы посчитать обидной насмешкой. Да, прямо напротив входа на ярмарку участники от издательства «Лабиринт», люди с фантазией, поставили бравых солдатиков в обмундировании а-ля «времена Наполеоновских войн». Солдатики расхаживали с ружьем, фотографировались с детьми и молодыми женщинами, а также время от времени принимались бить в барабан, и на авторской площадке по соседству подрастало напряжение, потому что барабан перекрывал выступающего автора. Таким образом «Лабиринт» представил читателям новую детскую познавательную книгу о войне 1812 года — «В грозную пору» М. Брагина.

Но Францию мы любим не только за то, что мы её победили. Главред журнала «Иностранная литература» А. Ливергант заверил, что у тех, кто положительно решил для себя вопрос: «А стоит ли читать вообще?», не возникает затруднений с тем, чтобы читать новые французские книги. «Издатель голосует за современную французскую литературу, потому что знает: на неё, выражаясь языком рыбаолова, идёт читатель. Интерес к французской культуре по-прежнему велик, хотя выбираются для переводов нелучшие образцы», — и редактор «Иностранки» тут же привёл в пример Бегбедера, при упоминании которого французские критики морщатся. Именно Бегбедера организаторы ММКВЯ-2012 выбрали в качестве приглашённого свадебного генерала. Профессор Сорбоннского университета, лауреат премии «Читай Россию — 2012» в номинации «Современная русская литература» Элен Анри-Сафье (премия за перевод книги Д. Быкова «Пастернак» добавила к «нелучшим» и Мишеля Уэльбека. Почти не известны в России Жан Эшноз и Пьер Мишон, заслуживающие куда большего внимания.

Такая ситуация симметрична тому, что происходит с русской литературой во Франции, где отбор русских новинок для перевода нередко обусловлен случайными обстоятельствами. Интерес России и Франции друг к другу, по заверению Ливерганта, соразмерен: французы в отличие от англоамериканцев русскую литературу читают — хотя сегодня русский находится лишь на пятом месте среди языков, с которых во Франции осуществляется перевод. Есть премия «Русофония» — за лучший перевод с русского языка, а также щедрые государственные дотации для переводчиков. Французские переводчики с русского зарабатывают от 21 до 23 евро за полторы тысячи знаков и при этом борются за свои права — например, за то, чтобы имя переводчика упоминалось в каждом мероприятии, посвящённом продвижению книги. В России такое сейчас может только снится.

Одним из ярких событий французской экспозиции стала презентация «эротического» номера «Иностранной литературы». Примечательным событием её сделала не только пикантная тема, но и тот факт, что французская эротическая лексика крайне трудно переводима на русский язык, который предлагает в таких случаях лексику либо сниженную до грубости, либо высокопарную до смешного. В подборке представлены переводы от Средневековья и до наших дней, и откровения мастеров перевода, вступивших в не-

лёгкую схватку с целомудренным русским языком, заставляли задуматься о различных психологических особенностях двух народов.

Однако мысли о культурных особенностях русского народа размыслились, стоило только ознакомиться с содержанием выставки.

ОТТЕНКИ СЕРОГО

Почему бы вам не сфотографировать это поближе?

Неизвестный охранник

В это сложно поверить, но самой частой, назойливо мелькающей в выкладках на ММКВЯ-12 была вовсе не книга о войне 1812 года и даже не русская книга вообще, а садомазохистский опус британки Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого», получивший прозвище «мамино порно». Книжки со строгим серым галстуком на обложке раскупались бойко, и, когда я фотографировала одну из многих, охранник посоветовал сфотографировать поближе, как будто это могло ещё усилить впечатление. Рядом лежали только что вышедшие мемуары Ходорковского, В. Панов и «Гражданин поэт». Регулярно обнаруживались пелевинский SNUFF, «Новый дозор» Лукьяненко и «кошачьи» книги С. Топилади. Именно они представляли передний план картины «Читающая Россия». Остальные книги были легче и дешевле найти на стендах издательства.

Некоторые интересные новинки, такие как «В поисках Аляски» Д. Грина издательства «РИПОЛ классик», ещё не добрались до магазинов, их можно было купить только на ярмарке. Но спросенная на стенде «Азбуки-Аттикас» новая биография Сэлнджера так и не нашлась: два продавца сообщили, что эта книга на ярмарке не продаётся. Да, идея за покупками на ярмарку, можно сэкономить. С другой стороны, купить некоторые книги в интернет-магазине было бы ещё дешевле. Пановы есть, кажется, даже в магазинах. «Оттенки серого» там тоже, несомненно, появляются: формат самый ларёчный. В чём же тогда прелесть огромной Международной выставки-ярмарки?

Хорошее впечатление о себе оставили петербургские издательства, традиционно выпускающие много серьёзной и качественной литературы. Сборники трудов Лотмана на стенде издательства «Искусство» стоили чуть ли не вдвое меньше, чем в магазине! Книжная коллекция «Россия, Наполеон и 1812 год» издательства «Альфарет» — прежде не публиковавшиеся портреты, карты, чертежи, документы, карикатуры; много лет не переиздававшиеся исторические труды — привлекала уважительное внимание строга красота и солидность, а также отличной упорядоченностью. Кое-где взгляд открывалось нечто уникальное — как, например, на стенде «Не-святыне святыне», где были представлены работы А. Саркисяна — сложные художественные отсылки на изгойленную

вручную, как бы «состаренной» бумагой. На стенде «Молодой гвардии» была представлена книга В. Есипова «Шаламов» из серии «ЖЗЛ».

Однако эти находки были островками в море поп-культуры. Неслучайно проблема противостояния массовой и интеллектуальной культуры красной нитью мелькала во многих публичных обсуждениях, состоявшихся на ярмарке.

О ТОМ, КАК ХРУПКАЯ МАССА ПОБЕДИЛА МОЩНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Слухи о смерти российского книжного рынка сильно преувеличены.

Дарья Донцова

Одна из дискуссий, организованных издательствами «Эксмо», так и называлась: «Как построить мост между интеллектуальной прозой и массовым читателем?» Унылая, но бодрящаяся А. Берсенева рассказала анекдот про лысого и волосатого в смысле софистическом: нельзя с точностью утверждать, с какого объёма растительности на голове заканчивается волосатость и начинается лысина. «Мы не можем определить, что такое майнстрим, и мы всё это читаем», — сделали унылый вывод унылые участники. А главное: во всём виновато общество. Что оно хочет, то и читает.

Вот так хрупкая Дарья Донцова, присутствуя лишь незримой тенью, победила интеллектуальных участников. Она и сама не смогла бы лучше сформулировать собственную победу! Но во время следующей дискуссии, посвящённой остротам литературы, Донцова развлекла на славу. Здесь не было и слова уныния — сплошные позитив и оптимизм. «Зарабатывая на нас, Донцова, Устинов, Марининой», — откровенничала за себя и за коллег по цеху детективщица, — издательства получают возможность выпустить интересную книгу, которую купят 200–300 человек!

О да, подтверждали издатели из «Эксмо»: «Мы издаём то, что вы покупаете. Покупаете больше это — издадим это». Вопрос, откуда множество читателей нашей огромной страны может узнать о том, что вихомолку издано в Москве тиражом в тысячу экземпляров, даже не возникло. Зато попутно были упомянуты в дурновкусе Достоевский (море кровищи, ужас!) и Шекспир (что такое «Гамлет»? Бедный принц ищет убийцу своего папы).

Здесь следует сказать пару слов о вечном виноватом российском обществе, которое жаждет остротам литературы, отвергая «серьёзную литературу». Самая многолюдная писательская встреча на ярмарке была с архимандритом Тихоном, автором книги «Не-святыне святыне». Книга о монашеском опыте за год разошлась миллионным тиражом и получила премию «Книга года». В зал, где беседовал с читателя-



ми Тихон Шевкунов, было невозможно пробраться.

КАК ВЫРАСТИТЬ ЧИТАТЕЛЯ?

Это настоящий крестьянин, который живёт в деревне, но не пьёт.

Наталья Иванова

Если правда, что дети особенно чувствительны к фальши, то книжная ярмарка оставила мало надежды на то, что диалог поколений состоится. Да, было представлено сразу несколько премий за детскую литературу. Конкурс «Новая детская книга», который учредило издательство «Росмэн», и всероссийский конкурс «Книгурю» уже открыли немало талантов, и мы, вероятно, вскоре увидим интересные новинки. Смущает другое: уровень общения и взаимопонимания. Вот один из организаторов «Книгурю» выступает с прочувственной речью: «Подроснуть нужно доверять. Он должен расти над собой». Вот очередной круглый стол «Эксмо», гости приводят статистику: оказывается, больше всего подростки доверяют рекомендациям сверстников. Но откуда берутся «рекомендации сверстников» — уже непонятно. «Все инструменты в руках родителей», — заявляют участники. Тут же сидит автор книг для подростков и сам ещё подросток, шестнадцатилетний Миша Самарский: «Прививать любовь к чтению нужно не через советы взрослых, а через интересные сюжеты и искренность. А нас в школе заставляют читать», — сетует Миша. Правда, уже через пару минут он проговорится, что сам обычно идёт с вопросом «что читать?» к родителям и совета родительского слушается. Но каков уровень отрицания!

25-я ММКВЯ во многом стала ярмаркой нереализованных возможностей. Интереснейшие, потенциально самые острые и важные дискуссии собирали минимум участников. Таким, например, был круглый стол «Снижение грамотности населения и социально-культурная ответственность издателей». Умные и весьма образованные люди, такие как М. Аксёнова (автор книги «Знаем ли мы русский язык?»), главный редактор газеты «Книжное обозрение» А. Набоков, в течение часа говорили аргументированно и здраво о том, что ответственность издателей необходима, а безответственность чревата; о том, что следует поощрять за грамотность и наказывать за неграмотность... Но издатели не присутствовали, слушателей не набралось и двух десятков человек, да и организаторы отвели под эту дискуссию самый удалённый и труднонаходимый зал.

Не смогли понять друг друга библиотекари и издатели, спорившие о том, кто имеет право оценивать книги. В общем и целом книжная ярмарка в Москве стала подтверждением крылатой крыловской правды: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт».

На встрече с редакцией «ЛГ» было многолюдно

Татьяна ШАБАЕВА

КОНКУРС

«АК Торна»: ждём победителей

Закончился приём работ на II Международном конкурсе переводов тюркоязычной поэзии «АК Торна» («Белый журавль»).

В адрес оргкомитета конкурса поступили 286 работ из Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Литвы, Молдовы, Узбекистана, Украины. Активно участвовали в конкурсе переводчики из российских регионов, среди которых — Республика Алтай, Астраханская область, Республика Башкортостан, Краснодарский край, Ленинградская и Московская области, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Челябинская область.

На конкурс представлены переводы с азербайджанского, башкирского, гагаузского, казахского, караймского, киргизского, крымско-татарского, ногайского, татарского, турецкого, узбекского, уйгурского, хакасского языков.

В этом году география конкурса расширилась, и это значит, что «АК Торна» развивается и становится более популярным. Оргкомитет особо хочет отметить высокое качество конкурсных работ, что свидетельствует об ответственном подходе переводчиков к участию в конкурсе, и это очень радует.

1 октября на сайте конкурса будет опубликован лонг-лист, а затем жюри в составе Бахытжана Канаянбаева (председатель, г. Алматы), Анны Дябло (г. Москва), Марселя Салимова (г. Уфа), Анастасии Ермаковой (г. Москва) и Валима Муратаханова (г. Екатеринбург) приступит к формированию шорт-листа, который будет объявлен 15 октября.

КЛАСС «ПРЕМИУМ»

Идущие с книгой

Объявлены обладатели ежегодной национальной премии «Книга года». Имена победителей были названы в рамках прошедшей 5 сентября торжественной церемонии открытия 25-й Московской международной книжной выставки-ярмарки. Гран-при присуждено двухтомному альбому «100 лет Государственному музею избранных искусств имени А.С. Пушкина. 1912–2012». В номинации «Проза года» победил сборник архимандрита Тихона (Шевкунова) «Не-святыне святыне и другие рассказы». В номинации «Поэзия года» награды был удостоен сборник избранной лирики Бориса Рыжего «В квартале дальних и печальных». Лучшей детской книгой признана серия «Древний Новгород». Награду в номинации «Недаром помнит вся Россия...» получила трёхтомная энциклопедия «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов». Лауреатом конкурса «Флёр-де-лис», приуроченного к 200-летию Отечественной войны 1812 года, стала программа содействия издателюскому делу Pouchkine, в рамках которой в 1990–2012 годах был поддержан выпуск в российских издательствах около 900 переводов французской литературы универсальной тематики. Лучшей «ART-книгой» стало издание «Книжная графика В.А. Фаворского». В номинации HUMANITAS победила книга «Советский художественный авангард: Инскрипты книжного собрания РГАЛИ». Учебником года признан учебно-методический комплекс «История современной России». В категории «Электронная книга» победил детский мультимедийный проект «Жужа», а в номинации «Отпечатано в России» награду получила «История денежного обращения в России: Альбом-каталог, монография в 2 томах».

ЛИТ-ИНФОРМБЮРО

ЛИТФОРУМЫ

В рамках Года истории в России и к 200-летию победы России в Отечественной войне Международной союз книгочелов провёл круглый стол «Поэты пушкинской эпохи об Отечественной войне 1812 года». Цель мероприятия — продемонстрировать важнейшую роль книги в деле сохранения культурных ценностей, обсудить шедевры Д. Давыдова, И. Лажечникова и К. Батюшкова.

В рамках Международной книжной ярмарки в Пекине проведён круглый стол «Русская книга в Китае: вчера, сегодня, завтра». В ходе круглого стола состоялась презентация изданий православного прихода в Гонконге. В работе приняли участие главный редактор издательства «Дар» Г.М. Фупало, настоятель прихода во имя св. ап. Петра и Павла в Гонконге пр. Дионисий Поз-

дней, профессор Пекинского педагогического университета Чжан Байчунь.

Второй Международный конгресс литературных переводчиков прошёл в Москве. Среди учредителей — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени Рудомана, Творческий союз (Гильдия) «Мастера литературного перевода», Международный фонд «Наследие Л.Н. Толстого», Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (фонд Филатова), крупнейшие лингвистические вузы страны: Московский лингвистический университет (МГУ), Литературный институт имени Горького, Российский гуманитарный университет (РГГУ), Санкт-Петербургский государственный университет, а также Высшая школа перевода МГУ, РИА «Новости» и «ТВ-Новости».

ЛИТФЕСТИВАЛЬ

Памяти поэта Заозёрной

школы Геннадия Жукова посвящён фестиваль «Малахов Камень — 8» на хуторе Недвиговка Ростовской области. В программе фестиваля приняли участие: Юрий «Торин» Грек (Ростов-на-Дону), Александр Сурнин (Краматорск, Украина), Евгений Муравьёв (Краснодар), Илья Оленев (Ростов-на-Дону), Лилия Савицкая (Ростов-на-Дону), Евгений Козюменко (Недвиговка), Никита Козюменко (Азов), Лев Колбачев (Ростов-на-Дону), Дмитрий Коваленко-Гусаров (Шахты), Виталий Фёдоров (Ростов-на-Дону), Алексей Богданов и группа «Другая сторона» (Ростов-на-Дону), Полина Ефименко (Ростов-на-Дону), группа Useleshead (Ростов-на-Дону).

ЛИТПРАВО

27 апреля 2012 года Государственной Думой РФ в первом чтении был принят законопроект, предлагающий новую редакцию статьи 1275 «Свободное использование произведения путём репродуциро-

вания». Поправка фактически предполагает нарушение имущественных прав авторов и издателя — ведь именно за их счёт, совершенно бесплатно читатель сможет получить в библиотеках электронные версии любых книг, а также передавать это право кому угодно через межбиблиотечный обмен и «виртуальные читальные залы». Руководители крупнейших учебных и научных издательств России подготовили открытое письмо-обращение к Президенту РФ В.В. Путину, в котором подробно изложили свою позицию относительно внесённой поправки и предложили свой вариант статьи, разработанный ведущими юристами отрасли.

ЛИТКОНКУРСЫ

Издательский дом «Петит» (IN Petits, Рига, Латвия), организатор недавно проведённого открытого чемпионата Балтии по русской поэзии (517 участников из 27 стран мира), объявил о начале нового литературного конкурса: Кубок мира

по русской поэзии — 2012. Среди членов жюри «Кубка мира» поэты: Бахыт Кенжеев (Казахстан), Сергей Пагин (Молдова), Галина Климова (Россия), Александр Кабанов (Украина), Андрей Коровин (Россия), Дмитрий Легеза (Россия), Елена Рышкова (Германия), Ольга Ермолаева (Россия), Евгений Лукин (Россия), Сергей Слепухин (Россия).

В Московском городском дворце детского (юношеского) творчества прошла презентация книги «Детские письма о главном. С чего начинается Родина». В книге собраны письма участников и победителей Всероссийского конкурса «Лучший урок письма». Со вступительным словом к читателям книги обратился президент Российской Федерации В.В. Путин. Инициатор и организатор конкурса — ФГУП «Почта России». Конкурс проводится с 2002 года и призван возродить российские традиции эпистолярного жанра, сконцентрировать внимание

детей на ценностях родного языка, а также дать возможность учителям проявить себя в разработке новых методик проведения уроков русского языка.

ЛИТАКЦИЯ

В Томске прошёл шестой «Большой праздник книги». На этот раз мероприятие было посвящено Году истории в России. Кульминацией праздника стал визит Наполеона. Император появился в Томске благодаря работе скульптора Леонтия Усова и коллектива колледжа индустрии питания. Торт «Наполеон», который, кстати, в этом году отмечает вековой юбилей, был разделён на тысячу порций и поглощён томичами меньше чем за 20 минут.

ЛИТУРАТА

В Петербурге скоропостижно скончался прозаик и сценарист Пётр Кожеников. Ему было всего 58 лет. Наши самые глубокие соболезнования семье покойного.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Булгаковский дом

Большая Садовая, 10

13 сентября — презентация книги «Серебряный век Ренэ Герра», ведущий — Лев Аннинский, начало в 19.00.

Дом русского зарубежья

Н. Радищевская, д. 2

19 сентября — программа «Годовой отчёт — 2011–2012», составленная из песен и романсов на стихи Н. Гумилёва, О. Мандельштама, И. Северянина, М. Лохвицкой, М. Цветаевой, А. Ахматовой, С. Клычкова, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Б. Окуджавы, Р. Рождественского и др., начало в 18.00.

Литературный клуб «Мир внутри слова»

Малая Пироговская, 5

19 сентября — исследователь рок-поэзии, профессор, доктор филологических наук Юрий Доманский (Тверь), ведущая — профессор РГГУ, писатель Елена Зейферт, начало в 19.30.

Издательство «Перо» предлагает:

- Издание книг, монографий, брошюр, научных трудов
- Также Вы можете опубликовать свои произведения в нашем литературном журнале «Современная литература России»
- Срочные публикации научных статей

г. Москва, 109052, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27 офис 105
www.pero-print.ru pero-print@yandex.ru
Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36

ПОЭЗИЯ

«Васильковое звёздное поле»



Дмитрий МИЗГУЛИН

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наваждение
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движение,
Реклам дрожжащее свечение,
Мерцающие тусклых фонарей...
Иду по Невскому. Знакомо
И всё почти известно мне...
На миг остановилось у дома,
Увижу яркий свет в окне.
Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли,

В какие именно года.
Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему видна была Россия,
Была судьба её видна...

А всё-таки спеши, спеши,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложись в трепещущее слово!
Когда молчания печать
Твои уста сомкнёт навечно,
Ему — звенеть, ему — звучать,
То дерзновенно, то беспечно.
Но, покорясь своей судьбе,
Не ожидай вознаграждения:
Нет ни спасения тебе,
Ни сострадания, ни прощенья.
Сомнений чашу ты испил
И не тверди молитв упрямо.
Ведь всё равно не хватит сил
Изгнать торжующих из храма.

ПТИЧЬИ ПРАВА

Не имею — как маленький птах
Ничего — только небо да ветер.
Я живу здесь на птичьих правах,
Улечу — и никто не заметит.
Самолёты летят высоко,
Неизбежно надёжны турбины,
Бороздить им привычно легко
Высоты голубые глубины,

А меня — не встречают. Не ждут.
Нет надежды — но нет
и сомненья,
Не имеет значенья маршрут
И отсутствует пункт назначения.
Как мне дороги эти права.
Пусть они называются —

птички —
Я лечу — и небес синева
Кружит голову вечным величием.
А когда я однажды умру,
То душа рассмеётся на воле,
Где печалью звенит поутру
Васильковое звёздное поле

Застыла на распутье — не знаюшь,
Проблемы — куда ни пойдёшь:
Налево — коня потеряешь,
Направо — любовь обретёшь...
Но ты молодой и упрямый,
Уверенно выбрал свой путь,
Решаешь — всё прямо и прямо
Вперёд — ни на шаг не свернуть!
Ни недруга рядом, ни друга,
Молчанье — зови не зови.
В тумане промозгом округа,
И нет ни коня, ни любви...
И нет ни привала, ни крова,
И нет ни покрывши, ни дна.
Тебе лишь дорога — основа,
Тебе только вечность дана.
И дали, туманные дали,
Где края достигнешь едва ли...

Из человека жизнь уходит,
А он, сердечный, мельтеша,
Ещё по жизни коллобродит
Не чуя, как скорбит душа.
Ещё он женщин ловит взоры,
Ещё он весел, жив-здоров.
Ещё не знает приговора
Уже бессильных докторов.
Ещё он сам — сама беспечность,
Ещё не ведом смерти страх...
Но вот уже застыла вечность
В его тускнеющих глазах.
И он ещё не понимает
В своей избушке ледяной,
Что постепенно убывает,
Что завершает путь земной.
Друзей в застолье угощая,
Смеется — всё пройдёт и пусть,
Но с удивленьем ощущает
Ещё неведомую грусть.
И зрелищ требует, и хлеба,
Но путь земной с трудом верша,
Уже готовится на небо
Его мятежная душа

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабее привычная хватка
Звенящих морозных оков.
Лишь солнце прогреет — синицы
Поднимут неистовый гам,

И отблеск лучей заискрится,
Скользая по лиловым снегам...
Но это — лишь завтра. А ныне —
Промёрзшие ключья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

В нашей жизни
всё предельно просто:
Вечность спрессовалась
до минут —
От роддома жизнь и до погоста,
Как один автобусный маршрут.
Всё размыто — судьбы, даты,
лица...

Жизнь, как неизвестная игра.
Школа, институт, завод,
больница,
Кладбище — конечная — пора!
И греша, вздыхаешь виновато, —
Эта жизнь даётся только раз,
Но об этом всем уже когда-то
Мудро написал Экклезиаст.
В час, когда нагрянет

смерть-старуха,
Подведёшь черту под «итого»...
Суета сует. Томленье духа,
Пустота и больше ничего.
В поднебесье тускло тают звёзды,
В темноте круги сужают бес,
Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до небес.

ЛИТРЕЗЕРВ

Гугл и СМС



Лера ДЕМИДОВА

15 лет. Родилась в Самаре.
Волга и Самарская Лука стали
источником вдохновения юной
поэтессы. Получила Гран-при
Международного фестиваля
поэтического искусства.

Вот по-волчьи чёрные души —
Кровушки свежей подайте на ужин.
Змейкой вползает новый Дантес —
Пушкин востребован позарез.
Мы задыхаемся в этой полярности,
Ну почему побеждают бездарности?
Ну почему строчки русских поэтов
Любит читать тяжкий взгляд
пистолетов?
Только природы нетронутый гений
Каждой весной в аромате сирени.

Гоголь находил в России
Родину для всех —
И для чёрта, и для Вия,
И для слёз сквозь смех.
Гоголь, веровавший в Бога,
Нёс свой тяжкий крест.
А теперь здесь правят блоги,
Гугл и СМС.

Вместо сёл и деревень,
мне сдаётся,
Площадь Сельского хозяйства
остаётся.
Вместо полей — улица Полевая.
Вот такая у нас топонимика
кривая.
Вместо садов — Садовая...
Жизнь приходит новая.

Как, наверно, страшно
для фламинго
Потерять способность жить в полёте,
Не кружиться в пламенном фламенко, —
На земле его гнездо — в болоте.

ПАРОДИИ
от Евгения МИНИНА



ШТРОБЛОННОЕ
Электрик я. Сверлю бетон.
Потом в патрон верну миньон
и вновь штроблю кирпич.
Николай Байтов

Электрик я, хоть и москвич.
Долблю бетон, штроблю кирпич
железною рукой.
Хожу на матч
«Спартак» — «Зенит»,
страдаю, что не знаменит
и славы — никакой.
И я решился.
Славы для,
по вечерам стихи штробля,
кручусь, как электрон.
Пишу, всё время начкую,
но каждому свою строку
верну я, как миньон.

МАРШРУТНОЕ
Проспект, автобус, лифт, квартира.
Усталость. Дальше — тишина.
Александр Елтышев

Когда иду домой устало
Запоминаю всё, поверь,
Ночь, ледяной асфальт квартала,
Подъезд, ступеньки, ручка, дверь.
Иду к квартире напрямую,
Рука, карман, ключи, замок...
Маршрут свой так я зарифмую,
Что обзавидуется Блок.

ОТЛИВНОЕ
под ним струя светлей лазури,
над ним луч солнца золотой,
ансамбль ангелов «Мизури»,
и зад попутчицы литой!
Алексей Остудин
когда попутчицу литую
я за такой же трюгал зад,
всем заявляя, что помятую,
что я не помню, что женат.
была та дама при фигуре,
зад ничего, но бост какой...
я сексуальной жаждал бури,
как будто в буре есть покой.
хотя вид принял молодецкий
но всё же остался не у дел.
и хор архангелов «Турецкий»
«бесаме мучо» тихо пел...

Охота на бозона



Владимир КОСТРОВ

Мы хлеб свой в Переделкине жуём...
Но вам, как мне, хотелось б очутиться
В Швейцарии, где церковским ружьём
Идёт охота на бозона Хиггса?
Зачем мы открываем супердверь,
Не признавая страхов и препонов,
Где в подземелье бродит суперзверь,
В роях летящих бешено протонов.
А вдруг, друзья, придётся нам понять:
Вселенские запреты непреложны.
А вдруг нам будет не на что пенять,
Когда поймём, что мы пока ничтожны.
Так надо ли стремиться на Парнас
Или расчёту сдать на поруки.
Туда, куда недолетел Пегас,
Вползёт упрямый крокодил науки.

Я потихоньку умираю,
Сажу на лавке у стрехи
И в памяти перебираю
Друзей любимые стихи.
Я не ищу себе забаву.
Я вслушиваюсь в быттьё.
Одни друзья познали славу,
Другим не выпало её.
Но были мы одна стихия,
Но были мы одна волна.
Была Советская Россия.
Была великая страна.
Стихи друзей придут оттуда
И возвращаются туда.
Такого пещерского чуда
Уже не будет никогда.

Пока синее синева,
Пока мерцают звёзд мерцанье,
Пока душа моя жива,
Я отрицаю отрицанье.
Любой всемирный пилигрим
Освоил право полной мерой
Гуашаться обликом моим
И над моей глумиться верой.
«Всеобщей смази» торжество —

Никто за слово не в ответе.
В какой ещё земле на свете
Так унижают большинство.

Нет. Звон трамвая не стреножишь.
Попсу вокзалов не уймёшь.
Мой город, ты меня тревожишь,
Укрыться мраком не даёшь.
Ярки твои боеприпасы
Манящих бликов и теней
И генеральские лампы
Бульварных венецианских огней.
Как будто некий гений юный,
Сжимая скрипку у ланит,
Играет ночью полнолуной
Безумный вальс оград чугуных
И железобетонных плит.

Бензиновый дух к бетонной трассе сплунув
И с рёвом отрываясь от земли,
Неся огонь в своих прозрачных клавах,
Железные взлетают журавли.
Но, не боясь уже глухого грома,
Весною прилетает соловей
В прижавшийся в углу аэродрома
Зелёный дворик старости моей.
Теплом нутряным ты боролась с морозом,
Как ворот овчинный была над спиною.
С тобою в больницах боролись гипнозом,
Пугали циррозом, глумились ценою.
Ты многих спасала, но больше сгубила.
Дурак посмеётся, а умный рассудит:
Уходит эпоха, что было — то было.
Приходит другая: и будет — как будет.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Вокзал Казанский. Клубы пара.
Полубульбужная Москва.
И с берега в конце бульвара
Прыжок чугунного моста.
В полувоенной кацавейке
Сойдя в столицу, как моряк,
Пью газировку по копейке,
В метро катаюсь за пятак.
Держинской площади ланита:
Москва нова, как за граница,
Хранит державный антураж
Нарком из тяжкого гранита,
Спортсменки гипсовый муляж.
Товар фасуется кулками,
Мука, горох и озурцы.
У школьников под языками
Ландриновые леденцы.
Гляжу вослед годам тем бедным
Из дней жратвы и кутерьмы.
Вот только воздухом победным
Когда ещё подышим мы?

ВОТ КАК...

С похмелья в ларёк
Устремлялся я пулей,
Как дельбель, с вокзала
Летящий к невесте.
В объекте всегда
Было двадцать семь булей.
Мы ночью втроём их делили в подьезде.



Чтоб утром в глазах расцветала палитра,
Другого не знала душа препарата.
Чудесный «сучок», дорогая пол-литра
В свиной косянке, бандане пирата.
Теплом нутряным ты боролась с морозом,
Как ворот овчинный была над спиною.
С тобою в больницах боролись гипнозом,
Пугали циррозом, глумились ценою.
Ты многих спасала, но больше сгубила.
Дурак посмеётся, а умный рассудит:
Уходит эпоха, что было — то было.
Приходит другая: и будет — как будет.

ЗАЧЕМ?

Зачем я видел белый свет,
Где цвёл кипрей и пели птицы,
Где солнце, как велосипед,
Вращает золотые спицы?
Зачем я слушал шорох звёзд
И вновь соединяюсь с мраком?
И мир на мне поставит крест
Кладбищенский за буераком.
С небесной вечной глубиной,
Под медной луною печатью,
С неопалимой кушиной,
С неуполимою печалью.

ДОЧЕРИ ДАРЬЕ К 50-ЛЕТИЮ

Как с верным шансом на бессмертье,
Я звёздный пересёк бульвар.
Тебя в младенческом конверте
Я внёс в свой дом, как божий дар.
Я умираю и жить вернулся,
Не сдавая горю и судьбе,
Не сник, вином не захлебнулся,
Что в близких я не обманулся,
Семье спасибо и тебе.
Мы перешли и сушь, и слякоть,
Делили радость и беду.

1962

ВПЕРВЫЕ В «ЛГ»



Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

Жизнь как камни раскидала
Нас. Пресытившись хлыстом,
Тяжкой поступью вандала
Входит память в старый дом.

«В предвкушении добра»

Родился в Минске. Окончил Сара-
товское театральное училище по
специальности актёр драматическо-
го театра. Живёт в Москве.

Без фанфар, без песнопений
Одолев промозглый тлен,
Входит, бродит... Чьи-то тени
Отделяются от стен.
Прорастает память телом:
Камнем выветлив версту,
Батка в платье чёрно-белом
Грубую танцует к кресту...
Прокричав вельсело: «Трожай!»,
Слёзы вытравив из глаз,
С повседневною голгофой
Мать смирилась ради нас...
Злая память сердце ложжет,

Ощетинившись, как зверь, —
Просчитает, подытожит
Горький перечень потерь.
Жизнь бивает ногу в стремя,
Грудь рубцует мошкар...
Ах, как сладко пахло Время
В предвкушении добра!

Октябрь. Слякоть. Листопад
Флиртует с ветром. День обвалом
Надежд отмечен. Двое спят,
Укрывшись плотным покрывалом.
Ночная мгла не так страшна
Содружеству... В застенках рая
Жена, как смерть, ему нюхна;
Ей нужен муж, как боль зубная.
Так — было, есть.
Так будет впреред.

Вновь умертвив в октавах звуки,
Она рискует растолстеть,
А он — состариться от скуки.

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую
предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забиты тревоги, бег в поисках
хлеба,
Надуманный страх
безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть
бездонное небо,
Рассвет и с туманом
флиртующий лес.

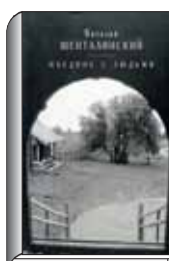
ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА
 Дмитрий Данилов.
Описание города.
 — М.: Астрель, 2012.
 — 253 с. — 2000 экз.



Какой-то город. Такой-то микрорайон. Гостиница имени другого города. Станция имени видного деятеля большевизма и стадион имени другого видного деятеля большевизма. Довольно красивый храм. Довольно безобразный памятник. Аллее не хватает аллеиности. Железнодорожность спадает и нарастает. Смысл существования неясен. Сперва кажется, что Данилов издевается. Вскоре приходит чувство: пусть себе издевается, у него хорошо получается. Затем наступает осмысление. Обычно так пишут или снимают триллеры, старательно переписывают Кафку. Показывают забубенную и невнятную серую глущь, в которой вырывает нечто макабрическое, паучье, ужаленное. Данилов огорчивает. Он рисует идеальную заурядность, в которой ничего не происходит. Почти ничего. Происходит жизнь. Вообще-то она иногда страшна. Как везде. А иногда пронзительно хороша. Тоже как везде. Описанный им город — как прибудный дворовый пёс. Ничего в нём такого особенного нет. Но ведь полюбил же. Теперь он твой.

ПОЭЗИЯ
 Виталий Шенталинский.
Наедине с людьми.
 — М.: Круг, 2012.
 — 264 с. — Тираж не указан.



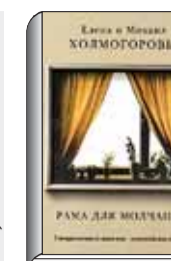
Шенталинский обладает способностью сохранять в душе добро. Остров Врангеля и Магадан, маленький Чистополь и большая Москва — все места, где он жил, окутаны теплом его памяти. Все они конкретны, узнаваемы, индивидуальны. Шенталинский — романтик, мощный, тот, что с осенними штормами, снежными бурями, уходящим за горизонт лесом, — но притом такой, что в бурю и снежинку непременно заметит, рассмотрит. Смысл для него важнее, чем звук, потому рифма иногда грубовата, приближительна: поэт искал нужное, верное слово и нашёл его. С течением времени его поэзия становится всё немногословнее, концентрированнее. Стихи. Четверостишия. Хокку. Вот уже просто афористичные возгласы. Но по-прежнему — поэзия. Сжатая дружина мысли, которая может и оцарапать, — или почка, что распускается на ладони. Шенталинский любит людей и любит жизнь. Это банально. Это оригинально. Это очень достойно уважения, когда поэт, как солнышко, согревает лучами души.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
 Невыдуманная история походов Иозефа Швейка в России.
 Кн. первая: 1926–1940.
 — М.: Центр книги Рудомино, 2012. — 368 с. — 1000 экз.



В этой необычной книге «в хронологическом порядке представлена история вхождения Швейка в культурную жизнь России». Мытарства Швейка Гашек во многом почерпнул из собственной биографии, и, может быть, самую интересную часть сборника составляют воспоминания тех, кто находился рядом с писателем во время работы над «Бравым солдатом», и кто, попав под мобилизацию, оказался в тех самых будейовицких казармах, где Гашек был притчей во языцех. Кроме того, это сборник рецензий и более развёрнутых отзывов: истории театрального постановок, рассказы о вариациях на сходную тему и анекдоты. Немало критиков как в Чехословакии, так и за её пределами называли эту книгу либо проявлением чешского шовинизма, либо «искажением портрета чешского героя мировой войны». Такие разные люди, как Илья Эренбург и Марина Цветаева, заворожённо читали о похождениях пройдох Швейка. Что он за фрукт? В России есть свои ответы на этот вопрос.

ЭССЕ, БИОГРАФИИ
 Елена и Михаил Холмогоровы.
Рама для молчания.
 — М.: Астрель, 2012. — 350 с. — 2000 экз.



Писатели Елена и Михаил Холмогоровы — коренные москвичи и рады этому. Они признаются в любви к Москве, которой не поколебало даже превращение города в каменные джунгли. Часть их книги, представляющей собой сборник эссе, посвящена московским писательским местам: домам, где жили Лермонтов, Тургенев, Чехов, Горький, Цветаева. Интересны биографические зарисовки Михаила Холмогорова о двух Юриях — Олеше и Казакове. Жанр «похвал», который супруги позаимствовали у Эразма Роттердамского, позволяет по-новому написать о привычных и даже привычно-неприятных вещах. Едва ли не самая притягательная часть книги — мемуары. Холмогоровым есть что вспомнить, и они умеют об этом рассказать. Почему же тогда «рама для молчания», по формуле Максимилиана Волошина? Потому что многое остаётся за кадром. Но в книге, как и в путешествии, главное увидеть не «всё», а «своё».

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
 Сергей Георгиев.
Собаки не ошибаются. Рассказы. — М.: Жук, 2012. — 192 с. — 2000 экз.



«Для тех, кому за десять», — аттестуют книгу издатели. Возможно, это правильно, если имелось в виду сильное эмоциональное напряжение рассказов Георгиева, написанных простым, ясным, чистым русским языком, с хорошим и добрым юмором. Поймёт написанное в них даже и шестилетка. Но вот справится ли шестилетка с тем сложным, глубоким чувством, которое пробуждают эти рассказы? Готов ли учиться принимать на себя ответственность за свои поступки? Сергей Георгиев воскрешает тему, почти угаснувшую в детской литературе: заботу о братьях наших меньших, через которую познаётся милосердие и отвергается жестокость. В его рассказов нет гаджетов, зато есть спорт и рыбалка, и детское познание мира. Что ещё важнее: детское познание самих себя, поиски собственной ценности, которую не так-то просто определить, хотя она, конечно, есть. Детям до поры до времени нравится себя испытывать, а рассказы Георгиева — это рассказы взрослого, который строго спрашивает с тех ребят, которых он очень любит.

Книги предоставлены магазинами «Фаланстер» и «Библио-Глобус»

Татьяна ШАБАЕВА

ОБЪЕКТИВ

Плотно для ангелов

Новую книгу Эллы Крыловой можно считать поэтическим дневником, хронологическая последовательность записей в котором — стихотворений — нарушается лишь несколько раз в угоду композиции и вёрстке. Стихи в этой книге

охватывают осень 2011 года («Вести осеннего ветра») и зиму 2011/12 г. («Шёллот зимнего очага»). Внимательно изучив оба дневника, я — для себя — пришёл к выводу, что между стихами Эллы Крыловой и посвящёнными

им критическими работами постоянно ощущается некий досадный дискомфортный зазор. Да, она прекрасно владеет поэтической формой, но какой именно? Да, она упорна в своём богоскательстве, но чем оно у неё оборачивается?

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Поэзия Эллы Крыловой весьма традиционна — в самом лучшем смысле этого слова. Не то чтобы она не могла блеснуть какими-то небывалыми ритмами или бенгалски-яркими рифмами, нет, такое у неё случается довольно часто, но всё-таки в основе её просодии лежат давно опробованные стихотворные метры и вполне традиционные рифмы.

Так, из первых 25 стихотворений книги 81,4% написаны классическими силлабо-тоническими размерами, остальные — дольником и логзадами, причём первое место среди классических размеров занимает пятистопный ямб — 54,5%, по 13,75% приходится на анапест и амфибрахий, 9% составляет четырёхстопный ямб, а по 4,5% занимают хорей и дактиль.

Словом, Элла Крылова в полной мере принадлежит русской поэтической традиции (своими учителями она считает Блока, Михаила Кузмина и Мандельштама), создавая при этом произведения, неизменно вызывающие пристальный читательский интерес.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ДОМЫСЛОВ

Последнее обстоятельство не может не радовать, потому что в пух и прах разбивает новомодные (якобы) теории, согласно которым ритмизация и рифмовка служат не более чем мнемоническими приёмами, отягощёнными избыточностью. Дескать, с развитием компьютерных поисковых систем необходимость во всякой избыточности отпадёт (но почему эта необходимость не отпала с изобретением письменности, тем более книгопечатания?).

В этих измышлениях на самом деле ничего нового нет. Николай Глазков давным-давно сказал в шутку: *Зачем нужны стихи? Кому кака польза / От ритма, рифм и прочих пустяков? / А вы попробуйте запомнить столько поэмы, / Сколько на память знаете стихов!* И вот теперь эту шутовскую мысль доморощенные гуру пытаются облекать в торжественные одеяния наукообразия. Поэзия, однако, неподвластна их схемам.

ВЗГЛЯД И ГОЛОС

Поэт не отворачивает взгляда ни от чего. Вот Элла Крылова пишет: *Глушица труб дымят угрозой, / в пруду бычки, мшки, ошметки, / и на газоне рядом с розой / блистят бутылка изпод водки.* Однако ощущения безысходности её строки не оставляют. Почему?

Наверное, многое здесь кроется не только в психологии, но в фонетике (хотя нельзя отрицать, что две эти стороны взаимосвязаны). Александр Пешковский в своё время выдвинул теорию благозвучия, основанную на соотношении «музыкальных» звуков (гласных, а также звонких и сонорных согласных) и «шумов» (аффрикатов и глухих согласных). Легко видеть, что в приведённом выше четверостишии о розе из 90 звуков «шумов» только 9, то есть музыкальные звуки составляют 90%. Не думаю, однако, чтобы многие сочли такой «количественный» подход достаточно убедительным. Разумеется, огромную роль играют просодия, интонация, масса других вещей, возвышающих стих, возвращающих слово его первоначальность или же поворачивающих его какой-то новой, неведомой ранее гранью. И тогда, о сколь бы тёмными сторонами жизни ни шла речь, стих излучает свет, сродный ликование.

ИГРЫ С БОГАМИ

«Христа и Будду водкой угощаю», — пишет Крылова. Можно ли после этого утверждать,

что она принадлежит хоть к какой-либо из конфессий? Нет, разумеется: она принадлежит им всем (или принадлежала). Всегда готова впитывать любой духовный опыт. Способна понять любого верующего — ведь у неё *на столике лежали Библия / и Дхаммапада, / друг дружку не казня обидю.* Окольными путями поэт выходит на свой единственный путь, когда уже не надо / *чужих благих вестей, ведь собственной / душа согрета: / быть в примирении пособницей / для тьмы и света.*

Такое круговращение ещё более явно обозначается самой Крыловой в статье о близкой ей по духу Елене Бондаренко: «Лирическая героиня Елены прижимает Будду к груди, как прижимают к груди ребёнка или просто близкого человека. И пусть Будда фарфоровый, то есть ненастоящий, игрушечный. Любимую игрушку ребёнок тоже прижимает к сердцу. Вот именно — игрушку! Не играем ли мы в христианство, в буддизм, в индуизм, как дети, предоставленные самим себе? И порой так заигрываемся, что платим своим психическим здоровьем, а то и жизнью. Или так и задумано? Индуизм говорит, что всё — только лила, Божественная Игра».

Предоставленные самим себе? И порой так заигрываемся, что платим своим психическим здоровьем, а то и жизнью. Или так и задумано? Индуизм говорит, что всё — только лила, Божественная Игра».

ПРОЗА, КОТОРАЯ МНОГОЕ ПРОЯСНЯЕТ

Заключает «Бамбуковую хижину» прозаический раздел «В жанре non-fiction». Собранные в нём воспоминания, «байки» и эссе не только подтверждают, но и проясняют её «Автопортрет»:

Душа — ликуя, озоруя, — болит, как рана ножевая. Меня ругайте: ведь жива я! Меня любите: ведь умру я...

Так, в «Дорожных байках», написанных лёгким, озорным языком (в манере, предупреждаю, ничуть не схожей с манерой Довлатова, — совсем иной здесь юмор, совершенно другие интонации), живописуется шестнадцатилетняя Элла, путешествующая автостопом в компании с сестрой из Москвы в Крым, далее — везде. И эта шестнадцатилетняя озорница отчётливо проследивается в характере лирической героини Крыловой.

А в «Триколоре мечты» опять разъясняются особенности зрения автора: впервые попав в Париж, о котором так долго мечтала, она сначала не видит там «ни романтического шика, ни эстетского наллома». Но, изнывая от серых стен, вскоре находит-таки «тихий пруд, поросший осокой и жёлтыми ирисами». То есть жизненные поиски опять смыкаются с поэтическими.

Порядовала и пародия на памфлеты феминок — «В защиту честных куртизанок». В том, что это именно пародия, убеждаешься мгновенно, сопоставив её текст («Мужчины — самовлюблённые эгоисты, они насильственны и похотливы» и т.п.) с любовной лирикой автора, «эротичной, как форма SS».

В общем, non-fiction достойно оттеняет, проясняет и высвечивает страницы поэтического дневника. Который ведётся вот уже двадцать лет:

Ткала Пенелопа. Хранила она для мужа заблудшего сердце. Я столько уже наткала полотна — всем ангелам хватит полотна.

Думается, всё-таки, что ещё далеко не всем. А значит, надо ткать дальше.

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

КНИЖНЫЙ РЯД

Стереоскопическое литературоведение

Это редкая и очень добротная книга. Книга заслуженного деятеля науки России, академика РАН Петровской академии наук и искусств и члена корреспондента Русской академической группы в США профессора Владимира Агеносова включает в себя наиболее существенные работы учёного, созданные им почти за пятьдесят лет научно-педагогической деятельности, и, несомненно, свидетельствует о широком интересе и взглядах автора. В «Избранных трудах и воспоминаниях» затронут довольно много тем: это и размышления автора о литературе XX века, о генезисе и проблеме философского романа, об исторической теме в литературе, о писателях русского зарубежья, в том числе о литературе послевоенной эмиграции, первооткрывателем коей можно по праву назвать Агеносова. Завершает книгу воспоминания об учителях, учениках и друзьях.

Редко бывает такое, что читать литературоведческую книгу интересно. Перед нами классическое литературоведение о классиках. При этом у Владимира Агеносова своё, индивидуальное и вместе с тем доказательно объективное представление о литературе, в том числе и о советской, которую многие предпочитают просто забыть. «И тогда, и сейчас я убеждён, что «Синяя тетрадь» Эм. Казакевича, «Маленькая желёзная дверь в стене» В. Катаева, повести Е. Драбкиной и рассказы С. Дангулова существенно обогатили литературу не только изображением Ленина, но и новыми приёмами психологического, лирико-философского или документального повествования. <...> И тогда, и теперь я убеждён в правоте горьковских заветов о том, какие книги нужны молодёжи. Немифологизированный Шолохов стал мне даже ближе, чем тот, которого мы «проходили» в школе» («От автора»).

Не правда ли, неожиданно? То есть нет отрицания того или иного направления, а есть взвучивый и всесторонний анализ конкретного явления литературы. В центре исследования — произведение искусства; эпоха, идеология, эстетические предпочтения — лишь обертон, отнюдь не главное, то, что не может ни добавить тексту художественности, ни отнять её. Такой критический взгляд честен, так как защищён от модных веяний и конъюнктурных соображений. Исследователь остаётся один на один с произведением: неважно — покрыто ли оно уже слоём многолетней пыли или сияет свеженьким лаком.

ЛИТПРОЗЕКТОР

Подмышки и мизинцы

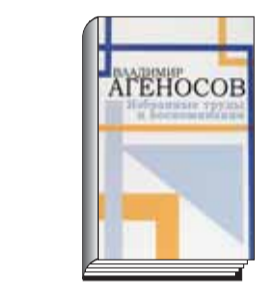
Парадокс: самыми непрочитанными обычно остаются самые нашумевшие книги. Нашумевшие сразу после выхода, расприаренные и разрешированные. По-своему это несчастливый судьба. У книги нет никакой возможности отстояться (или отлежаться), набрать градус и букет. У молодого вина, конечно, есть достоинство, но шибает оно в ноги, а не в голову, и в этом его коварство и обманчивость. Другой вопрос, что современные романисты на вечность и не уповают. Им бы портфолио собрать и в шорт-лист попасть.

Роман М. Кучерской «Бог дождя» наделал много шума. Влюбилась интеллигентная барышня накануне перестройки в монаха. А монах «повёлся», да ещё и — вот ведь незадача — записал с горя. Прошло пять лет, и стало понятно, что шум был сродни шекспировской комедии — из ничего. Книга о «чистом и юном для церкви времени, когда створки распахнулись и повеяло свежестью», по выражению автора, который нынче всё понимает о своём дитяче лучше любого критика, запахла таким православным декадансом. Но путь от Возрождения до упадка неблизок. А Кучерская его прорысила за год-другой. В одной из аннотаций было лукавое вопрошание: «Каково это — быть восемнадцатилетней девушкой в жужулы и безынтересные позднесоветские времена?» Ответчае: быть восемнадцатилетней девушкой в любые времена прекрасно и удивительно! Вас ждут интересные авантюры, спасающие от «жужулы», замирания сердца и стабильное ожидание счастья, которое, скорее всего, не оправдается. Вот и весь ска!

Неофитская вера оказалась непрочной, как домик Ниф-Нифа: дунул единойжды волк соблазна, и домик повалился. Стыдно сказать, но об этом упреждали ещё Отцы Церкви, а замечательный священник прошлого века о. Александр Ельчиновов прописал: «Только первые шаги приближения к Богу легки; окрылённость и восторг яв-

сто забыть. «И тогда, и сейчас я убеждён, что «Синяя тетрадь» Эм. Казакевича, «Маленькая желёзная дверь в стене» В. Катаева, повести Е. Драбкиной и рассказы С. Дангулова существенно обогатили литературу не только изображением Ленина, но и новыми приёмами психологического, лирико-философского или документального повествования. <...> И тогда, и теперь я убеждён в правоте горьковских заветов о том, какие книги нужны молодёжи. Немифологизированный Шолохов стал мне даже ближе, чем тот, которого мы «проходили» в школе» («От автора»).

Не правда ли, неожиданно? То есть нет отрицания того или иного направления, а есть взвучивый и всесторонний анализ конкретного явления литературы. В центре исследования — произведение искусства; эпоха, идеология, эстетические предпочтения — лишь обертон, отнюдь не главное, то, что не может ни добавить тексту художественности, ни отнять её. Такой критический взгляд честен, так как защищён от модных веяний и конъюнктурных соображений. Исследователь остаётся один на один с произведением: неважно — покрыто ли оно уже слоём многолетней пыли или сияет свеженьким лаком.



Владимир Агеносов. Избранные труды и воспоминания. — М.: АИРО-XXI, 2012. — 703 с. + 72 с. ил. — 500 экз.

Это та самая редчайшая критика, где нет примитивной установки — хвалить или ругать и высказывать свои субъективные переживания, навеянные тем или иным произведением, выплывающая тем самым только своё «я». Так пишется сегодня большинство рецензий, отчего складывается представление не столько о произведении, сколько о том, кто о нём написал, — только зачем это читателю? В книге — серьёзный добросовестный стереоскопический анализ текстов, за который авторы, несомненно, отблагодарили бы Владимира Агеносова, будь они живы. Среди них Н. Гоголь, М. Шолохов, М. Горький, М. Булгаков, Н.Г. Чернышевский, Л. Леонов, Б. Пастернак, Ч. Айт-

матов, Д.С. Мережковский, Иван Шмелёв, Георгий Иванов, Арсений Несмелов (Митропольский), Иван Елагин (Матвеев), Николай Моршен (Марченко), Леонид Ржевский (Суражевский), Эм. Казакевич, Марк Алданов и многие другие. Кроме того, Владимир Агеносов — создатель ряда школьных и вузовских учебников. Созданный в 2011 году учебник выдержал 16 изданий общим тиражом более двух миллионов экземпляров. Принципы, на которых он основан, — в разделе «Учить литературе».

Очень тёплым и живым получился раздел «Немного воспоминаний». Здесь и восхищение учителями, и гордость за талантливых учеников, и очень личное: например, о красивой жене, профессоре Пекинского университета иностранных языков Инне Ли, на которой Владимир Агеносов женился в шестьдесят два года...

Фотография существенно обогащает книгу, усиливая личностный характер и как бы приглашая читателя не только разделить с автором интеллектуальное пиршество, но и прийти в его личные покои: здесь и фото известных современных писателей, и родных и близких автора.

Анастасия ЕРМАКОВА

Ан не тут-то было: Муромец ухитряется отвертеться и убить в очередной экзотической вояж. А вдобавок ещё с Мотей приключается незапланированный «залёт» от сисадмина с сопутствующим токсоикозом. Куда деваться? Приходится пересмотреть позиции и остаться с носителем «иног типа сознания».

М. Кучерская «не спешит уйти» от накатанной со времён Арцыбашева схемы, только в отличие от Ю. Шиловой по-постмодернистски мощно рефлексивирует: «Адольтер — прошлое развлечение для обитателей женских романов». Чтобы, значит, опередить ретивых критиков. И, не в пример героине, автору этот отвод глаз — или ресниц — удаётся! На самом же деле Кучерская пишет в ином жанре — по-своему новым в свете постоянных сегодняшних наездов на интеллигенцию. Жанр этот можно определить как «роман безответственности». Внутри текста имеется ещё и вставной роман воспитания — о провинциальном учителе-краеведе и его разьяснениях, но погоды он не делает: идеальная семья Адашевых, чьё жизнеописание тётке Моте поручено приспособить под газетную рубрику, оказывается на неё влияние разве что как на редактора. Писательнице до чрезвычайности хочется, чтобы её интеллигентных «носителей» любили «подмышками и мизинцами ног». Но любить вымысленных, притом безответственных, всюду ищущих только самовыражения, декадансных не ко времени персонажей — это совсем не то, что возлюбить ближнего, какой он ни на есть. Вот и ловишь себя тут и дело на мысли: правильно наезжают!



Георгий СЕМИКИН

Майя Кучерская. Тётя Мотя. — М.: Изд-во «Астрель», 2012. — 507 с. — 3000 экз.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Путь на Олимп – через Сочи

Сочи – всероссийская здравница... Сочи – мировой спортивный центр... Сочи – родина «Кинотавра»... Сочи, наконец, резиденция президента страны... Но никто никогда не называл знаменитый курорт театральной Меккой. Да и откуда?! Своей постоянной актёрской труппы здесь никогда не было. Зимний театр, величественный памятник советской архитектуры, стоящий в центре города у самого моря, – всегда лишь прокатная площадка для заезжих гастролёров. Среди театральной публики за Сочи давно и прочно закрепилась репутация нетеатрального города.

Когда я узнала, что в Сочи приехал из Екатеринбурга известный театральный деятель Владимир Мишарин и стал директором Зимнего театра (ныне Сочинского концертно-филармонического объединения), я почему-то сразу подумала, что город ждёт перемены. Человек причудливой храброй судьбы: то он приезжает в Москву, пробует себя заместителем председателя СТД России, потом становится большим начальником в Министерстве культуры. Не понапрасну. Возвращается домой, но став избранным председателем местной организации Союза театральных деятелей. В 2010 году получает приглашение в Сочи.

Культура – такая уж сфера человеческой деятельности, которая требует особенных энтузиастов, людей неординарных идей и бесконечной удачи, да ещё способных не только придумывать, но и осуществлять сложные проекты, чего греха таить, в слишком непростом нынешнем социуме.

У Мишарина нашёлся достойный союзник-партнёр в лице Ольги Сенаторовой, талантливого столичного менеджера, когда-то, теперь уж почти двадцать лет назад, открывшей в Москве творческо-координационный центр «ТЕАТР-ИНФОРМ» специально в помощь



Сцена из спектакля «Оркестр «Титаник»

отечественным театрам. Это она в середине 1990-х придумала театральные ярмарки и начала проводить их в пору только зарождающегося рынка, когда единое информационное пространство стало распадаться, творческие связи, гастроли, привычные формы жизни театра разрушались. Её ярмарки были необходимым местом встречи, обмена опытом, поиска партнёров для потерявшегося театрального сообщества. Пятнадцать лет назад мы вместе с ней открывали газету «Театральное дело». Сегодня она задумывается о театральной ярмарке нового типа в Сочи. Сегодняшний авторский проект, который она проводит совместно с Сочинским концертно-филармоническим объединением при поддержке Министерства культуры РФ, Союза театральных деятелей России и Сочинской городской администрации, – федеральный фестиваль «Театральный Олимп». В этом году он уже второй, то есть оформившаяся в практику смелая идея, порождающая традиции.

Неслучайно амбициозное название: Олимп! В нём, по замыслу организаторов, принимают участие лучшие из лучших – театры, успешные во всех отношениях – и в деловом, и в творческом, чья жизнь за последние сезон-два была отмечена яркими художественными и социально-культурными событиями. В этом году в «олимп-марафон» включились: Оренбургский, Норильский Заполярный, Ульяновский драматические театры, Новосибирский и Краснодарский молодёжные театры, Пермский ТЮЗ, Мытищинский театр кукол «Огниво». И я с радостью наблюдаю, будучи членом творческого жюри, как в Сочи в разгар праздничного сезона ежевечерне заполняется зрительный зал Зимнего театра и люди в курортных одеждах, оторвавшись от моря, приходят и аплодируют «Ричарду III» У. Шекспира, платоновскому «Возвращению», прозе А. Аверченко, Н. Думбадзе, Б. Шергина, героям чеховского «Вишнёвого сада» в кулаках, авангардному спектаклю «Оркестр «Титаник» по пьесе болгарина Х. Бойчева.

Никто никогда не видел обитателей настоящего Олимпа – богов. Может, это и хорошо для так любимых всеми нами легенд. Их легче создавать без точного знания. И у каждого времени свои боги, легенды, образцы. В отсутствии Г. Товстоногова, А. Эфроса, М. Ульянова, О. Ефремова, И. Смоктуновского трудно определять критерии. И время не очень благоприятствует театру, и Сочи, где теперь более 800 строек, мало похож на театральный столпу. Но именно в такие «смутные» времена важно по-особому осмыслить происходящее на сценических подмостках, понять, как театру участвовать в жизни и помогать нынешним поколениям людей. Именно этим и занимались на «Театральном Олимпе–2012».

В отличие от всех существующих в России театральных фестивалей, которых насчитывается более двухсот, «Театральный Олимп» стремится соединить и совестили самое антагонистическое в при-

роде театра – творчество и менеджмент, необходимость создавать высокохудожественные произведения и продавать их. Поэтому в Сочи наряду с показом лучших российских спектаклей – визитных карточек репертуарных театров – была обширная деловая программа. Основу её составил открытый конкурс по театральному менеджменту. Выиграть главную награду – золотой приз «Театральный Олимп» – сможет лишь тот театр, который получит наивысший балл по сумме оценок двух жюри – по творчеству и по театральному менеджменту.

Признаюсь, меня поразила презентация Новосибирского академического молодёжного театра «Глобус», которую провели его руководители: опытный директор Татьяна Людмила и молодой главный режиссёр Алексей Крикливый. 46 артистов и 300 сотрудников, их обслуживающих, 40 названий в активном репертуаре, в том числе сверхпопулярные в городе мюзиклы «Алые паруса» и по «Педагогической поэме» А. Макаренко, 450 спектаклей в год, стоимость билетов от 150 до 1000 рублей, работа в социальных сетях, блогах, студии при театре по пластике, вокалу, хоровая, симфонический оркестр. Огромное количество социально-культурных мероприятий, в том

числе на «чужой» территории, как организован театральный фестиваль молодёжных субкультур «Знаки». Различные благотворительные и просветительские программы. И железная установка: не отпуская от себя ни одного из «прирученных» детства зрителей – с 3 до 83 и далее! Отсюда и слоган новосибирцев: «Глобус» – театр для всех поколений.

И всё-таки для меня ничего бы не стоило эта впечатляющая информация, если бы театр не показал на фестивале замечательный спектакль «Возвращение» по прозе А. Платонова в постановке молодого режиссёра Олега Юмова – умный, тонкий, проникающий в сложную авторскую стилистику, с блестящим актёрским ансамблем и особенно прекрасными работами Елены Гофф в роли Любови Ивановны и Дениса Василькова – её сына Петра. Значит, и сегодня есть одарённые режиссёры и по-настоящему хорошие театры, и не в Москве, а в России! И тогда значение сочинского «Олимпа» трудно переоценить! И Гран-при фестиваля – заслуженная во всех отношениях награда новосибирцев!

Ещё одно открытие: спектакль «Оркестр «Титаник» самого северного театра страны – Норильского Заполярного театра драмы имени Вл. Маяковского. Пьеса в правилах модного авангарда, корнями уходящая к С. Беккету, написана болгарским драматургом Христо Бойчевым. Постановлена совсем молодым режиссёром Тимуром Файрузовым (ещё одно открытие фестиваля, всего два года назад он окончил знаменитую «Шуку» – Театральный институт имени Б.В. Шуккина в Москве) с глубинным пониманием основ и традиций многогранного психологического театра. Оказывается, иллюзия тоже может быть реальным действующим лицом. В работе норильчан, получившей диплом фестиваля «За лучший спектакль», всё безупречно: сценография Андрея Тимошенко, музыкальное оформление Андрея Федоскина, все пять исполнителей – Андрей Ксенюк, Александр Глушко, Роман Лесик, Галина Савина, Николай Каверин. К удивлению многих, и с менеджментом северяне не подкачали – серебряный приз «Театральный Олимп» тому подтверждение.

В обилии спектаклей, обсуждений, олимп-лекций, встреч, разговоров трудно было сразу выделить почти мгновенную перепалку, возникшую в начале открытой деловой презентации Ульяновского драматического театра, когда его директор Наталья Никонорова сказала, что главная составляющая в деятельности коллектива – творческая, репертуарная, что их город Гончарова, Карамзина, Языкова, Ленина, наконец, генетически настроен на классику... Один из членов делового жюри попытался её переориентировать на разговор о менеджменте, а не о творчестве...

Сколько же бед нашему отечественному театру принесло это искусственное противопоставление, засилье интендантов, завхозов в директорском корпусе, естественно, отеснивших в пору рынка

от власти лидеров творческих – режиссёров, сколь дорого это театру стоило!.. Как бы ни умело продавала администрация театра билеты, зрителям, стране в целом не может и не должно быть безразлично, что они продают: пустую переводную комедию разномыслия сейчас по всем сценам Р. Куни или нечто действительно стоящее, духовное, сохраняющее нравственно-эстетическое здоровье народа.

Сбережение, восстановление в правах режиссуры как профессии – одно из важных достижений «Театрального Олимпа». Участие в фестивальной программе Оренбургского государственного областного драматического театра имени М. Горького со спектаклем «Ричард III» У. Шекспира (даже при очевидных художественных огрехах, уж очень труден Шекспир и путь к его сценическому воплощению!) – убедительный довод в пользу многолетнего тандема одного из могучих режиссёров Рифката Исрафилова и директора театра Павла Церемпилова.

Ульяновский драматический театр замечательно показал на «Олимпе» свой трогательный спектакль по прозе Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», где рядом с лидером труппы Клариной Шадью прекрасно работали совсем юный Максим Копылов, а ещё мастера сцены Михаил Петров, Евгений Редко, Владимир Кустарников, да разве всех перечислить? Коллектив, труппа, ансамбль – величайшие завоевания русского психологического театра. Не заезжие антрепризные «звёзды», не дешёвки-однодневки составляют мировую славу отечественной сцены, а репертуарный российский театр, который, увы, в последние два десятилетия всё чаще приходится защищать. А зрители Сочи именно Ульяновцам отдали свои симпатии, и театр увёз домой один из престижных призов фестиваля – «Олимп-браво!». Хочется произнести в адрес самого фестиваля, который свою миссию определил как поддержку именно репертуарного театра России: «Браво, «Театральный Олимп!»

Но новая мысль, но сегодня, как никогда, требует постоянных повторений: театр необходим и важен только тогда, когда им движут высокие цели, в основе лежит высокая литература и управляют им профессионалы. Но в отношении последнего утверждения бывают счастливые исключения. История искусства, в том числе театрального, знает немало прекрасных дилетантов, разрушающих правила, выбирающих нехоженые тропы, как приехавшая с далёкого Севера – из нефтяной «столицы» Когальма, что в Ханты-Мансийском округе, Елена Ерпылева, журналист, писавшая прозу, у которой ожидания нечаянно получилась пьеса... Как она рассказывает, пришлось создать театр, чтобы драматургический опыт получил сценическое воплощение... Сегодня её пьесы широко идут по стране. Организаторы фестиваля пригласили Елену поучаствовать в блоке «Олимп-опыт». В Сочи она приехала одна – слишком большое у неё хозяйство: в труппе и трудные подростки, и дети с нездоровой психикой, и родители, играющие в спектаклях с детьми, и одинокие пенсионеры. Одним словом, театр как «остров спасения» – так руководитель сформировала назначение своего детища. А фильм о театре, который Елена привезла и показала на фестивале, а пьеса о том, о чём никто сейчас не пишет, – о нравственных проблемах современной семьи, молодёжи... Завораживал масштаб личности.

Я читала одну из статей Елены, опубликованных в литературном сборнике Юргы. Это крик души, его нельзя не услышать и хочется процитировать: «Мы стали привыкать к некоему пассивному созерцанию продуктов культуры не самого лучшего качества. От этого портится эстетический вкус, появляется изменённое, а то и извращённое понимание того, что происходит. Сознание искажает реальность, и человек деградирует. Рефлекторный жест – спасти нацию с помощью развлекательной – не удался». И автор вопрошает: «Кто же сегодня занимается проблемой выживания наших детей?» В Когальме вопрос услышали. Из квартиры Елены театр переехал в настоящее театральное здание со зрительным залом, цехами, получил государственную поддержку...

Вот такой он, «Театральный Олимп»! Праздничный, требовательный, профессиональный, открытый зрителям, бережный к нашему национальному достоянию – репертуарному театру.

Владимир Мишарин считает, что Сочи как город-курорт обладает особой спецификой и ему не нужен постоянно действующий театральный коллектив, стационарный в помещении Зимнего театра. Целесообразно использовать здание как всероссийскую открытую сценическую площадку. Но именно «Олимп» городу необходим как духовный ориентир, как панорамный парад достижений ведущих репертуарных театров России. Генеральный директор МКФО выступает за развитие широкой и многообразной гастрольно-концертной деятельности, в рамках которой, как сейчас, «Театральный Олимп» оказывался бы в окружении других системных, повторяющихся и привлекающих свою публику мероприятий курорта, – фестивалей Юрия Григоревича «Молодой балет мира» и концертов Дениса Мацуева. Именно такая политика, по его мнению, поможет развить Сочи как значимый культурный центр страны.

Роскошную колоннаду Зимнего театра семи летних дней украшал красивый баннер молодого федерального театрального фестиваля со звучным слоганом: «Лучше Олимпа – только будущий Олимп!» Пусть так и будет!

Анна КУЗНЕЦОВА,
СОЧИ–МОСКВА

ФЕСТИВАЛЬ

Новая религиозная драма

Режиссёр Кирилл Серебренников в Венеции ничего не получил. Так что придётся всерьёз братья за Театр Гоголя...

Фильм «Пьета» корейца Ким Ки Дука завоевал «Золотого льва» 69-го Венецианского фестиваля. Однако до церемонии закрытия Мостры можно было предположить, что жюри во главе с голливудским классиком Майклом Манном отдаст предпочтение кому-то из американских участников конкурса. Напомним, что в этом году в основной программе картины показали Пол Томас Андерсон и Терренс Малик, а также Рамин Бахрани и Хармони Корин. Казалось, что именно между этими режиссёрами развернётся борьба за победу. Радикальных решений ожидали от художницы Марины Абрамович, вошедшей в состав жюри. Можно сказать, что её присутствие ощущалось на фестивале повсюду: в документальном фильме итальянского режиссёра Джаиды Кологранде «Жизнь Боба Уилсона и смерть Марины Абрамович», в роскошных каталогах, которыми пестрели крохотные книжные лавки фестивальной деревни.

В фесте уличного бара, который ожидал киноманов на месте неосуществлённого проекта Дворца фестивалей, рождались непринуждённые рифмы между искусством кино и архитектурной биеннале. Марко Мюллер – предыдущий идеолог Мостры – делал ставку на сокращение дистанции между экспериментальным кино и актуальными выставками. Поиск этих параллелей, забавных сюжетных переключек, часто возникающих за пределами залов кинотеатров, продолжился и при вновь назначенном кураторе Альберто Барберере. Так, например, павильон России на сей раз представлял собой интерактивную инсталляцию, в которой можно было навести компьютерный планшет на специальные квадраты в стенах и получить на экране модель того или иного объекта будущего инновационного центра «Сколково». Наш павильон подкасал неожиданный ракурс восприятия фестивальной деревни сквозь тысячи маленьких экранов разнообразных приборов, через которые местная публика смотрела на обветшавшую со времён Муссолини архитектуру и звёзд на красной ковровой дорожке.

Дотриумфа «Пьеты» Ким Ки Дук уже удостоивался на Лидо сразу четырёх наград за драму «Пустой дом» (2004). Несколько лет назад корейский режиссёр уединился от мира и снял об опыте горного отшельничества исповедальный фильм «Ариран» (2011), победивший в программе «Особый взгляд» Каннского фестиваля. Появление «Пьеты» в нынешнем конкурсе таило интригу переориентации режиссёра, ранее склонного к чрезмерной жестокости на экране. Но чуда не случилось. После кризиса Ким Ки Дук представил венецианским зрителям концептуальную, отменную снятию, но всё-таки лишённую новаторской остроты картину. Кандо – бесплодный палач, а внутри – мальчишка, не знающий женской ласки, – калечит неугодных мафии кредиторов. Отношение с незнакомкой, называющей себя его матерью, изменит его, но не спасут от распыля. В этой истории матери и сына, веры и болезненного подозрения, жертвенности и одиноче-

ства, как в современной версии «Книги жизни», каждый склонен присвоить себе роль другого. Каждый стремится стать тем, кем на самом деле являться не должен.

Одним из явных фаворитов конкурса сразу стала вторая часть трилогии австрийца Ульриха Зайдла «Рай: Вера». Начала на церемонии закрытия Зайдло вручили вполне заслуженного «Серебряного льва» за лучшую режиссуру, но позднее оказалось, что награду перепутали. К сожалению, картина «Рай: Вера» удостоилась лишь спецприза жюри. Напряжением и иронией пронизан каждый кадр этой драмы, воскрешающей в памяти такие ранние картины режиссёра, как «Соба-



Корейский режиссёр Ким Ки Дук получил «Золотого льва» за фильм «Пьета»

чья жара» (2001), отмеченная в Венеции за лучшую режиссуру, и документальный фильм «Иисус, ты знаешь» (2003). Для Анны-Марии (Мария Хофштеттер) неистовая вера становится вариантом внутреннего эскапизма. Зайдл бесстрашно соотносит потребность в культуре с сексуальной несвободой, где одержимость обращена в веру является формой навязчивого общения, а милосердие – синонимом жестокости. Актрисе Марии Хофштеттер прочили «Кубок Вольпи» за лучшую женскую роль. Однако эта награда досталась молодой израильтянке Хадаас Ярон, сыгравшей в картине Рамы Бурштейн «Заполнить пустоту» роль хасидки, вынужденной подчиниться религиозным семейным законам.

«Мастер» Пола Томаса Андерсона завоевал приз за лучшую режиссуру и награду международной критики «ФИПРЕССИ», а Хоакин Феникс и Филипп Сеймур Хоффман разделили между собой «Кубок Вольпи» за лучшую мужскую роль. Приз актёрам фильма оказался самым предсказуемым решением жюри. В основе сюжета – психологический поединок интеллектуала Ланкастера Додда (Хоффман), образующего в 1950-е новое религиозное движение, и его помощника Фредди (Феникс). Обаяние персонажа Хоффмана раскрывается в тончайшей игре на грани между плутовством и убеждённости в собственной избранности. Исхудавший Феникс перевоплощается на экране в невротика, заложника прошлого, который, очевидно, станет главным претендентом на премию «Оскар».

Премьера «К чуду» Терренса Малика, обладателя «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля за фильм «Древо

жизни» (2011), вызвал неоднозначную реакцию критиков. Лишённая внятного сюжета картина, напоминающая виртуозно смонтированный клип, сразу стала аутсайдером конкурса и в итоге осталась без единого приза. Стена бракосочетания Марины (Ольга Курилленко) и Нила (Бен Аффлек) срифмована Маликом с крупным планом рук заключённых в наручники, которых в тюрьме навещает местный священник (Хавьер Бардем). Название «К чуду» обыгрывает путешествие героев к острову Мон-Сен-Мишель в Нормандии, где они пережили кульминацию влюблённости. Атмосфера привязанности чередуется с мельчайшими оттенками не-

доверия супругов друг к другу. Предчувствие измены, как оборотной стороны веры, возникает на экране из полуматов, слёз, прикосновений, собранных в нежнейший коллаж из тысячи кадров-фотографий. Многие линии, которые могли дать сюжету драматургическую глубину, словно вырезаны режиссёром на монтажном столе. Отдельные видеосюжеты тем не менее вызывают восторг ассоциаций, которые каждый насытит собственными воспоминаниями. В программе фестиваля настроение «К чуду» можно было соотнести с конфликтным воздухом «Измены» Кирилла Серебренникова. Многие сулили Олегу Луквичёву приз за лучшую операторскую работу. Если в прошлом году на Лидо чувствовался «Фауста» Александра Сокурова, то на сей раз жюри внимания к российскому фильму в конкурсе не проявило.

Награда за лучшую операторскую работу досталась итальянцу Даниэле Чипри, который снял собственный фильм «Это сделал сын» и конкурсную «Спящую красавицу» Марко Беллоккьо. Изящная автобиографическая картина «Что-то в воздухе» Оливье Ассаяса получила приз за лучший сценарий. Досадно, что жюри проигнорировало два самых необычных хита нынешнего фестиваля: талантливейшие «Отважные каникулы» Хармони Корина и сумрачное, предельно условное «Питое время года» Петера Бросена и Джессики Вудворт. А одним из самых сильных впечатлений Мостры-69 оказалась премьера в программе «Горизонты» стоической ленты в жанре руд-муви «Я тоже хочу» Алексея Балабанова, которую наши зрители смогут увидеть уже этой осенью.

Тамара ДОНДУРЕЙ,
спец. корр. «ЛГ»

CD И СЛУШАЙ!

...а дорога предо мной далека, далека...

Под эгидой друзей «ЛГ» – благотворительного фонда сохранения искусства русского романа «Романсиада» – вышел прекрасный оформленный аудиоальбом, состоящий из двух дисков и включающий записи концертных выступлений лауреатов этого престижного конкурса 1997–2011 годов.

Издание приурочено к 15-летию «Романсиады», которая начиналась как попытка привлечь акцентированное внимание к столь любимому в России и за рубежом жанру музыкального искусства, поддержать его славы традиции и обогатить современную историю романа новыми именами.

Участуют в этом ныне уже авторитетном конкурсе молодые исполнители в возрасте от 17 до 28 лет, находящиеся в самом начале своего профессионального



широко известных произведений. И в числе тех, кто впервые тогда вышел на прославленную сцену Колонного зала Дома союзов, мы видим имена нынешних солистов ведущих театров России, Беларуси, Украины, Армении, Узбекистана, США... Художественный руководитель конкурса Галина Преображенская вспоминает: «Мало кто в начале создания «Романсиады» представлял себе будущий размах конкурса и успех его лауреатов, многие из которых сегодня стали признанными звёздами».

Хочется поздравить с маленьким, но столь значимым юбилеем Московский международный конкурс молодых исполнителей русского романа «Романсиада» и пожелать ему на ниве благородного служения идеалам и впрямь сохранять высокий уровень русского музыкального искусства.

Арина АБРОСИМОВА

Эпоха и борьба императора Николая I

Ещё недавно в школьных учебниках можно было прочитать памфлетное прозвище этого царя — Николай Палкин. Появление в печати положительных оценок императора Николая I было исключено. Между тем Пушкин писал: «Нет, я не лстец, когда царю Хвалу свободу слагаю». При этом государя с «оловянными глазами» (ими нас пугают чуть реже, чем сталинскими усами) объявляли чуть ли не убийцей великого поэта.

А вот Загоскин в «Москве и москвичах»: «Вы посмотрели бы на Кремль тогда, как загудит наш большой колокол и русский царь, охваченный со всех сто-

рон волнами бесчисленной толпы народа, пойдёт через всю площадь свершать молебствие в Успенском соборе.

— Как? — прервал Дюверние. — Да неужели ваш государь идёт по этой площади пешком при таком стечении народа?... — Да, да, пешком; и даже подчас ему бывает очень тесно. — Что вы говорите!... Но, вероятно, полиция?... — Где государь, там нет полиции. — Помилуйте! Да как же это можно?... Идти посреди беспорядочной толпы народа одному, без всякой стражи... — Я вижу, господа французы, — сказал я, взглянув почти с состраданием на путешественника, — вы никогда нас не

поймёте. Нашему царю стража не нужна: его стража весь народ русский».

Да, это был император, катившийся с горки с мальчишками, повсюду шествовавший без охраны... Больше таких не было. Вскоре после смерти Николая Павловича самодержавная идиллия рассыпалась.

У каждого правителя России — из тех, кто надолго задержался на троне, — есть «прекрасное начало». Первые идиллические годы. Потом приходит разочарование, политический стиль приедается, накапливаются претензии. Николай Павлович правил тридцать лет — целую

жизнь! Казалось, конца края не будет его царствованию, тем более что возраст по-прежнему позволял государю ещё долго сидеть на троне. От желтизны николаевского классицизма у многих уже болела голова. Но вспомним первые годы его правления, именно тогда Пушкин писал:

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нам;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.*

Оживил после чего? После летаргии позднего александровского правле-

ния, для которого поэт нашёл не менее известные слова: «Царствуй лёжа на боку!» Так бывает, когда монарха тяготит политика. А Николай Павлович оказался последним подлинным самодержцем всероссийским, опиравшимся на дворянство. После «великих реформ» его сына началось время уценённого самодержавия, переходный период...

Николай I провёл не меньше реформ, чем его сын, заложил основы индустриального развития империи. Но всеми силами сохранял политическое спокойствие. Был ли тут тупик?

Могучий самодержец

ли конституционной монархии, то ли швейцарской или американской республики активно просачивались мотивы истребления царской фамилии или расчленения России. Обсуждались (хотя многими и отвергались) и практические методы, знакомые грядущим поколениям не только по роману Достоевского «Бесы». Так, Яковлевич, готовый убить императора, предлагал отворить кабаки для черни, взбунтовать солдат и мужиков, напоить их водкой, а затем направить эту «смесь» на Зимний дворец и передать разграблению богатые кварталы Санкт-Петербурга. В случае же неудачи выработывался вариант поджога столицы и отступления к Москве для соединения с Южной ассоциацией. Пестель, не одобрявший революции снизу и размышлявший о предотвращении их последствий, вынашивал не менее радикальные

тановленным ранее соглашениям и манипулировали ими в собственных стратегических целях и дипломатических манёврах. Тем не менее под впечатлением названных переворотов и польского восстания 1830–1831 годов Россия, Австрия и Пруссия в 1833 году заключили договор, подтверждавший Венские принципы 1815 года. В результате Россия обязывалась вмешиваться в европейские дела и «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять её там, где она слабеет, и защищать её там, где на неё открыто нападают».

После заключённых соглашений русский царь оказался в сложном положении. Когда в феврале 1848 года вспыхнула очередная революция во Франции, он говорил в своём манифесте о разлитии «мятежа и безначалия» в сопредельной Германии и об угрозе Австрии, Пруссии и «Богом

Николай I хорошо понимал основополагающее значение для России крестьянского вопроса и осознавал не только нравственную несовместимость крепостного права с православно-самодержавными принципами, но и его экономическую нецелесообразность. Ведь сдерживались хозяйственная инициатива, промышленное и торговое кровообращение. Ему приписывали следующие слова: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания свода законов и уничтожения крепостного права». Царь полагал, что «сделать» человек мог лишь «хитростью и обманом с одной стороны и невежеством — с другой». За годы его правления было создано одиннадцать секретных комитетов по освобождению крестьян и принимались частные меры по ограничению их личной зависимости.

Вслед за Карамзиным он прекрасно осознавал огромную роль не формальных учреждений, а умных, честных и без лести преданных людей. Тем не менее его правительству не хватало вкуса и умения использовать таких людей, а легче жилось и думалось среди пусть порою и морально несостоятельного, но привычного казённого верноподданничества.

Кризис доверия со стороны официальной власти наглядно проявился в запрещении журнала «Европеец», созданного в начале 30-х годов Иваном Киреевским, который отличался глубоким умом и душевной чистотой, благородством натуры и пониманием собственного призвания. В число неблагоприятных одно время попадал даже воспитатель цесаревича Жуковский. Славянофилы, бывшие естественными союзниками, сделались врагами, которых московский воен-

тебе Россию такую, какую стремился её поставить: сильной, самостоятельной и добродействующей — нам добро, никому зло». Для этого и должно было служить уваровское триединство православия, самодержавия и народности, истоки которого можно усматривать в «Записке о древней и новой России» Карамзина.

Идеальные задачи в единстве православия, самодержавия и народности изнутри ослаблялись их несовершенным воплощением, недостатками складывавшейся административной системы. К тому же неизбежное усиление буржуазии направляло неуклонный ход истории новейших народов, говоря словами Н. Тургенева, по «грязной дорожке» эгоизма и корысти, расшатывало духовные основы жизни.

— Появилась ли уже при Николае I та дьявольская сила, которая займётся террором при его сыне? И каковы причины её появления?

— Терроризм как таковой в России проявился всё же позже — весной 1862 года, когда Пётр Заичневский составил прокламацию «Молодая Россия», в которой террор открыто представлялся средством достижения социальных и политических преобразований. 4 апреля 1866 года прозвучал выстрел Каракозова. В 1869 году сформировалась нелегальная организация «Народная расправа» во главе с Нечаевым.

В николаевское царствование такое трудно было вообразить. Но в его последние годы уже ощущалась и постепенно набирала силу нигилистическая атмосфера, которая проявилась и в деятельности кружка Петрашевского и логика которой прослежена Достоевским в «Бесах». По его убеждению, нечаевщина стала результатом отречения дворянства и западной интеллигенции от православия и самобытного развития, слепой веры в «новые идеи» безотносительно понимания противоречий человеческой природы.

— Среди великих русских мыслителей и писателей были и поклонники, и противники Николая Павловича. Чьё мнение для вас особенно дорого? Кто определил историческую репутацию этого императора?

— Я думаю, что наиболее точно лейтмотивы деятельности и особенности личности Николая I выразил философ Вл. Соловьёв, откликнувшийся на 40-летие со дня его кончины: «Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не было только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания...»

Кроме великодушного характера и человеческого сердца в этом «железном великане», — какое ясное и твёрдое понимание принципов христианской политики! «Мы этого не должны, именно потому, что мы — христиане» — вот простые слова, которыми император Николай I «определил» и свою и нашу эпоху, вот начальная истина, которую приходится напоминать нашему обществу!»

Однако в историческом процессе возобладала оценка революционных демократов, называвших правление Николая I периодом мрачной реакции и безнадёжного застоя, когда повсюду воздвигались деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина. Укротитель революций, жандарм Европы, тюремщик декабристов, несправильный солдафон, «исчадие мундирупо просвещения», «удав, тридцать лет душивший Россию» — таковы типичные стереотипы, докатившиеся до наших дней. Увы...

— Пришла ли пора уважительного исследования деятельности императора Николая I, в том числе и опыт поражения?

— Внушительная фигура этого императора достойна уважительной памяти. Хочется верить, мы больше не станем вычёркивать его из контекста «золотого века» нашей культуры.



Ректор Литературного института, доктор филологических наук Борис ТАРАСОВ много лет изучает наследие императора Николая I.

— Борис Николаевич! Наш герой не был старшим сыном императора Павла, в юности у него было немного шансов занять престол. Готовили ли он к царскому служению?

— Непосредственно к царскому служению он никогда не готовился, но был готов к нему, поскольку с младых ногтей руководствовался священными для него понятиями «долг» и «служение». В одном из писем он писал: «Долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, всё должно умолкнуть перед одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг».

— И вот — старшие братья, Александр и Константин, по разным причинам уступают ему дорогу к трону... Начало царствования Николая I связано с драматическими событиями русской истории. Как вы оцениваете декабристское движение? Как соотносилось в нём разрушительные и патриотические мечты русского дворянства?

— В основе увлечённости декабристов новыми идеями и их возможным приспособлением к русской действительности лежали благородные побуждения, они мечтали уничтожить «разные несправедливости и угнетения» и сблизить сословия для роста общественного благоденствия. Примеры засилья иностранцев в высшей администрации, лихоимства, нарушения судопроизводства, бесчеловечного обращения с солдатами в армии, торговля крепостными волновали возвышенные умы молодых дворян, воодушевлённых патриотическим подъёмом 1812 года.

Вместе с тем «великие истины» свободы, равенства, чести, необходимые для блага отечества, ассоциировались в сознании декабристов лишь с республиканскими учреждениями и европейскими социальными формами, которые они в теории механически переносили на русскую почву, стремясь «пересадить Францию в Россию». Отвлечённость и умозрительность такого перенесения заключались в том, что оно осуществлялось без соотнесённости с историческим прошлым и национальными традициями, веками формировавшими духовные ценности, психологический и бытовой уклад русской жизни. Искренние упования декабристов на форсированное изменение сложившегося строя, на правовую порядок, как на панацею от всех бед, вступали в объективное противоречие с их благородными намерениями. Ибо в стратегической перспективе они открывали дорогу развитию далёких от благородства меркантильных эгоистических отношений, возрастающей нивелировке народов и культур России, снижению духовных запросов личности, диктатуре денежного мешка.

— Неужели Николай Павлович лучше знал Россию?

— По своему духу, воспитанию и восприимчивым традициям Николай I чуждался «общей заразы свокорыстия», путей «коммерческих народов», господства эгоцентрических страстей, отрывающих права человека от его долга и обязанностей. Из материалов следствия над декабристами он узнавал, что они были крайне разобщены не только с правительством, но и с народом. Более того, их преобразовательские планы, обернувшиеся военным переворотом, таили в себе, по позднейшему выражению А.И. Герцена, «зародыши и умственный центр грядущей революции».

Действительно, в неотчётливые планы внедрения в России представительного правления в форме то



А. Швабе. Николай I. 1843 год

нам вверенной России». Николай I преувеличивал опасность для России европейских революций и под влиянием неискренней и недальновидной дипломатии своего министра иностранных дел Нессельроде чересчур доверял и помогал своим европейским союзникам, которые так-таки по сути не являлись.

— Идеологические бои происходили и внутри империи. Можно ли назвать крепостническую систему рабством или это публицистическое преувеличение? Как развивалась общественная дискуссия о крепостном праве при Николае I?

— Крепостническая система в России отличалась от классического рабства в тотальном и строгом смысле этого понятия, поскольку она носила подвильный характер, постоянно уточнялась и изменялась, наполнялась национальным своеобразием и индивидуальными отношениями. В рамках правительственной опеки постепенно запрещалось продавать крепостных на публичных торгах с раздроблением семей, дарить их или платить ими частные долги, отдавать на заводы и ссылая в Сибирь по своему усмотрению. Помещики получили право отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному договору, а крепостные — право выкупа на свободу при продаже имений. Дворянам, не имевшим имений, запрещалось покупать крестьян без земли, а последним с согласия помещиков разрешалось приобретать недвижимую собственность.

— Известен афоризм Николая I: «Я смотрю на человеческую жизнь как на службу, ибо каждый служит». На мой взгляд, это куда более мудрый принцип, чем демократические спекуляции. Служба, дело, а не политическое кокетство, не конкуренция компроматов и демагогии. Удалось ли ему создать эффективную административную систему? Каковы были её плоды?

— Ход жизни требовал грамотных чиновников, инженеров, агрономов, врачей, учителей, и правительство Николая I откликнулось на эти требования, развивая широкую сеть начальных, средних учебных заведений. Количество гимназий в эти годы значительно увеличилось, а число учащихся в них почти утроилось. В Петербурге был восстановлен Главный педагогический институт, открыто Высшее училище правоведения для подготовки юристов, а Технологический институт выпускал инженеров. Начали работу Строительный, Земледельческий, Межевой институты в Москве...

На период правления Николая I приходится строительство половины всей сети шоссе дорог, проектировавшихся в России до 1917 года, а также железнодорожного сообщения от Петербурга до Царского Села и до Москвы. На Волге и Балтике появились первые пароходы, мануфактуры стали заменяться фабриками с современным оборудованием.

Вместе с тем в административной системе Николая I росли противоречия, расшатывающие её изнутри.

ТЕЛЕЯЗЫК

Фальшивые копии

Смотришь телевизор и приходишь к выводу: ошибки стали нормой российского ТВ. Русский язык не является для телевизионщиков какой-либо ценностью. Примеры, подтверждающие это, и грусты, и смешны одновременно.

Умный, говорят, учится на чужих ошибках, дурак — на своих. А как назвать того, кто даже из своих ошибок выводов не делает? Предлагаю вариант: далеко не дурак...

Программа «Вести». Сергей Мингаев передаёт из Японии: «Цветущая сакура, как цунами, прокатывается по Японии, двигаясь с юга на север». Неплохой сюжет для фильма ужасов. Корреспонденту ВГТРК попробовать бы свои силы в Голливуде. Тамашные сценаристы безуспешно пытаются найти достойную замену Крюгеру, тёмной частью бензопилы и паукам-людоедам. Жаль, не знают про таланты, прозябающие на ведущем российском государственном канале и превращающие в триллер о сакуре-убийце заурядный репортаж программы «Вести». Ему вторит коллега Ольга Скабеева: «Разламываясь на две части, гибнет «Титаник» и большая часть пассажиров». Прямо не новостный рупор страны, а фабрика блокбастеров... Но шутки в сторону.

Ещё два десятилетия назад язык радио и телевидения был эталоном. Орфоэпия, безукоризненная грамотность дикторов, комментаторов и корреспондентов ЦТ служили стандартом, по которому можно было проверять словаря. Время прошло, инерция осталась. Люди по-прежнему доверяют центральному каналу. А зря.

Когда-то НТВ провозгласило: «Новости — наша профессия». Не слишком ли самонадеянно? В устах ведущей программы «Сегодня» название передачи звучит как «Сёни».

Особенно в этом преуспевает ведущая Алла Чернышёва. Глобающая половину звуков и не имеющая представления о твёрдом приступе — приёме, известном любому новичку советской дикторской школы, она даже собственного имени толком не может выговорить и вместо «Я — Алла» представляет себя как «Яля Чернышёва». Ещё один профессионал из «Сёни» — Вадим Глузскер — выдаёт образец «профессиональной» грамматики: «Ни одна из масштабных реформ Наркози не была реализована». Уведите детей от экранов ваших телевизоров. Они завалят ЕГЭ, если будут доверять всему, изречённому в федеральных эфирах. Вообще ошибки такого рода приобретают характер пандемии: множество проблем был и решены, двадцать домов разрушены!... Невдомк медийных «далеко не дуракам», что сказуемое относится к подлежащему, выраженному существительным или числительным среднего рода. Правильно будет: «Множество (несколько, двадцать, сто) профессионально непригодных было уволено». Один раз — случайность, два — совпадение, три — закономерность. Корреспонденты и ведущие ошибаются в эфире с родом глагола при числительных с частотой не реже раза в минуту. Массовый характер этой ошибки имеет лингвистические корни, которые покоятся отнюдь не в русской языковой традиции.

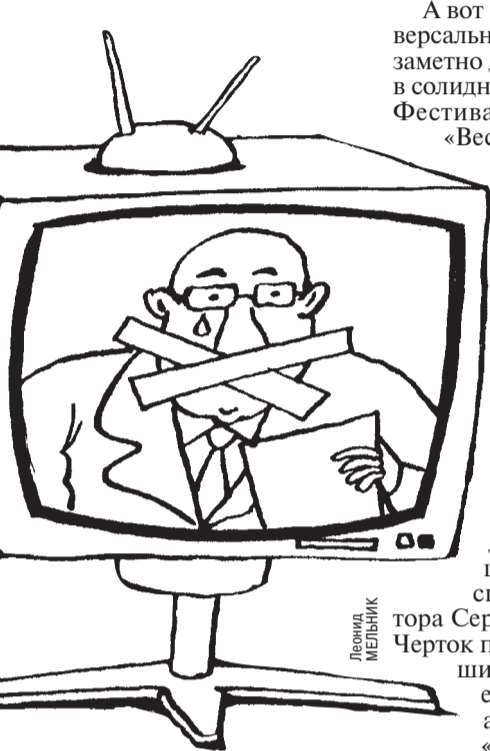
Это — типичный англицизм, присущий языку за деградировавшей грамматикой. Так, оговариваясь по Фрейду, мы незаметно подойдём к черте, за которой нормы великой и могучей станут атактивом. Ещё в XIX веке слово «язык» означало не только орган и средство общения, но и народ. Вспомните Пушкина: «И называет меня всяк сушью в ней язык...» (то есть проживающий в России народ). Притча во языцех — это не изустное предание, а то, что понятно любому народу. Получается, что самозванцы профессионалы, урода русский язык и воспроизводя чуждые грамматические нормы, по сути осуществляют взлом национального кода. Такое вот наше двадцатилетие языков, как называли наполеоновскую агрессию.

В редакциях ведущих германских газет и телекомпаний на самых видных местах размещены плакаты «Говорите по-немецки». В них настоятельно рекомендуется избегать латинизмов и англицизмов. Они чреватые недоразумениями и могут сделать посмешищем и говорящего, и СМИ, от имени которого он вещает. Может, во избежание ошибок и во исцеление синдрома Васисуалия Лоханкина последовать примеру немцев?

Предлагаю начать составлять список благоглупостей, которые усилиями отечественных деятелей телесловесности уже перестали восприниматься как «масляное масло»: профессионализм своего дела, патриот своей родины, магазин по продаже, служба сервиса, крупный мегаполис, большой супермаркет, фабричный по производству, праздничный гала-концерт, коллеги по работе, планы на будущее. В этом — отражение нынешнего обесмысливания не только

лингвистических сущностей и обесценивания не только материальных ценностей. Почему, к примеру, таким привычным для уха стало «учёный-астроном» или «врач-терапевт»? Не потому ли, что отечественные гуманитарии — потенциальные «профессионалы не своего дела» — от извозчика до сантехника...

Список благоглупостей, увь, постоянно пополняется. Свой пустой репортаж о празднике в столице Сергей Самоха из программы «Вести — Москва» снабдил подлинным шедевром для тонких ценителей Лоханкина — «фейерверк огней». Объясняя для «далеко не дуракам»: фейерверк переводится с немецкого как «огненное произведение». Ведущая новостей 5-го канала изрекла в эфире: «Фальшивые



странных людей на верблюдах, которых потом линчевала толпа» (бедные верблюды!). «Вести. Новости экономики», Олег Обухов: «Правило выполнили в жизнь досрочно» (продолжительный хохот). Александр Ревунов, «Вести»: «Апеллируя это тем, что...» (непонятно, но всё равно смешно). РЕН-ТВ, «Новости-24», Елена Хмура: «Почти все они без исключения» (гогот). Из того же угла — Михаил Осокин: «Репутация МВД переполнила чашу терпения в верхах» (одушительная оацця ТЭФИносу). Оранжевая студия РЕН-ТВ добивает зрителя юмористического супер-шоу «Новости-24» известными с экономического фронта: «Чёрные списки пассажиров всё ближе мячат на горизонте» (слов и сил смеяться больше не осталось).

А вот — образец другого универсального жанра, который незаметно для обывателя перешёл в солидный федеральный эфир. Фестиваль платного шансона «Вести — Дежурная часть» представляет восходящую звезду — Дмитрия Петрова. Петров за кадром интервьюирует ошалевшего собеседника: «А чё, кухонный нож был? Он им завалил или как?» Представитель интеллигентского шансона Нара Ширалиева. Как-никак — «Новости культуры». Беседа в студии с Михаилом Чертоком, сыном незадолго до этого скончавшегося Бориса Чертока, сподвижника строителя Сергея Королёва. Михаил Черток после кончины отца решил передать государству его обширный личный архив. Нара Ширалиева: «Сразу возникает в мозгу слово «секретность»...» Оставим на новости шансоны от культуры стилистику и перейдём к сути. Очевидно, слово «секретность» затмило всё там, где оно возникло. Ведущая спрашивает: «Почему в таком преклонном возрасте Борис Черток решил передать свой архив?» Сын, видимо, подумал, что попал в сумасшедший дом. Объяснять в кадре, что отца уже нет в живых, а архив передал в государственные руки наследник, на государственном канале бесполезно. Шоу должно продолжаться!

Ещё один жанр новостей — колыбельная. Екатерина Андреева в программе «Время» на Первом ухе который год, похоже, ошибается студийной дверью. Почему возле ведущей нет Фили и Степашки? Откуда эти интонации, заимствованные у преподавателя младших классов? Кажется, что зрителю предлагают написать диктант: «Однажды. В студеную. Зимнюю. Поруб». Такой интонационный рисунок, когда

копии известных полотен». Има не запомнил, увёкса игрой в ассоциации — представил её в незапамятные времена сдающей экзамен мэтр — Шатиловой, Кириллову или Кочергину. Они, даже очень стараясь, не смогли бы произнести её адрес эту фразу: «Сама ты фальшивая копия».

Телевидение деградирует? А может, просто наши запросы устарили. Может, мы просто не поняли, что поменялся жанр — новости, познавательные, аналитические и дискуссионные программы стали новым видом развлечения? Это клоуны нас веселят, а мы не понимаем и возмущаемся. Но тогда надо вскрыться полностью — подложить закардовый смех и аплодисменты, чтобы зреть, где смеяться. Ведущая Ярослава Танькова, «Про жизнь», ТВ Центр: «Что сделать, чтобы эти люди получили удовлетворение. Грубо говоря...» (смех в зале). НТВ, «Сегодня», Антон Вольский: «Видим

логическое ударение приходится на каждое слово, графически напоминает мёртвую зыбь. С неизбежным эффектом укачивания — во всех смыслах этого слова.

А вот — образец другого универсального жанра, который незаметно для обывателя перешёл в солидный федеральный эфир. Фестиваль платного шансона «Вести — Дежурная часть» представляет восходящую звезду — Дмитрия Петрова. Петров за кадром интервьюирует ошалевшего собеседника: «А чё, кухонный нож был? Он им завалил или как?» Представитель интеллигентского шансона Нара Ширалиева. Как-никак — «Новости культуры». Беседа в студии с Михаилом Чертоком, сыном незадолго до этого скончавшегося Бориса Чертока, сподвижника строителя Сергея Королёва. Михаил Черток после кончины отца решил передать государству его обширный личный архив. Нара Ширалиева: «Сразу возникает в мозгу слово «секретность»...» Оставим на новости шансоны от культуры стилистику и перейдём к сути. Очевидно, слово «секретность» затмило всё там, где оно возникло. Ведущая спрашивает: «Почему в таком преклонном возрасте Борис Черток решил передать свой архив?» Сын, видимо, подумал, что попал в сумасшедший дом. Объяснять в кадре, что отца уже нет в живых, а архив передал в государственные руки наследник, на государственном канале бесполезно. Шоу должно продолжаться!

Ещё один жанр новостей — колыбельная. Екатерина Андреева в программе «Время» на Первом ухе который год, похоже, ошибается студийной дверью. Почему возле ведущей нет Фили и Степашки? Откуда эти интонации, заимствованные у преподавателя младших классов? Кажется, что зрителю предлагают написать диктант: «Однажды. В студеную. Зимнюю. Поруб». Такой интонационный рисунок, когда

романтический сюжет в историю родного государства, а эта, словно живая в безвоздушном пространстве, делает вид, что не знает, какую гневную отповедь получили лживые военные фильмы Пивоварова в среде специалистов-историков, ветеранов Великой Отечественной, её здравомыслящих коллег и многочисленных телезрителей — настоящих граждан и патриотов своей страны. Хотя бы для проформы, для очистки совести, что ли, спросила у создателя этих «драм», как он воспринял обвинения в подтасовке фактов.

Но нет! Не для того делалось это интервью! В те дни, когда вся страна вспоминает о Бородинском сражении и празднует победу над Наполеоном в войне 1812 года, между просвещённой журналисткой и непотопляемым создателем исторического вранья происходит вот какой поразительный по лукавству и цинизму диалог:

С. Альперина: «А у вас как у продюсера есть своя точка зрения на то, кто выиграл ту войну?»

А. Пивоваров: «Моя точка зрения такая, что зритель, посмотрев наш фильм, сам должен это решить. Я пока не хочу навязывать своё мнение. Хотя оно, конечно же, существует».

Значит, посмотрев этот фильм, у зрителя могут быть сомнения, кто является победителем? ...Это началось не сегодня, уже многие годы я живу с ощущением, что нахожусь в оккупированной стране. Её оккупировали, разумеется, не только пивоваровы, безаказанно тиражирующие ложь о своей Родине и плумнившиеся над традиционными ценностями своего народа на федеральных каналах; её оккупировали не только их поддвоялы из многочисленных столичных СМИ либерального толка, куда десятилетиями не допускаются патриоты России, её лучшие умы. Оккупантам из «пятной» колонии, к сожалению, несть числа.

Но ведь история учит, что лихих и бесцеремонных оккупантов можно победить! Сплотившись в новой — отечественной — войне!

Сергей МАЛЮТИН, КУПСК

Фантазия Кулистикова

Когда ТВ выпускает в свет очередной проект, оскорбляющий общественную нравственность, каждый раз кажется, что пошлее уже некуда. Однако проходит время, и становится ясно: ресурс деградации не исчерпан, можно, оказывается, катиться дальше, тонуть глубже.

С гнусным хохотом и заплясавшим матерком на НТВ появилась программа, стилеобразующим элементом которой является Пётр Листерман. Это такой светский сводник, профессиональный организатор эскорт-услуг, вокруг него ходит множество слухов, им же, скорее всего, и распространяемых, а вообще по виду подобный человек, которого следовало бы для всеобщего блага изолировать в жёлтом доме.

В этом проекте под названием «Звонки судьбы» соревнуются девушки, кто с гонором, кто сговором, кто из приза — то какой-то украинский олигарх, то артефакт 90-х певец Кай Метов. НТВ демонстрирует сцены разнообразнейших унижений человеческого достоинства, женской природы, смакует особенно радикальные из них, что, видимо, должно, по мнению менеджмента, обеспечить рейтинг.

На этом в принципе можно было бы закончить заметку, но энтузиазное зрелище настолько чудовищно, что стоит кого-нибудь призвать укоротить творческую фантазию директора НТВ господина Кулистикова. И вот, собственно, главный вопрос: кому поклониться в ноги, чтоб умилился и власть употребил? Министр культуры пробовал — бесполезно! Принятые законы, которые, многие надеялись, поставят ТВ в какие-то рамки, оказались оскорбительным обманом. Значит, остались только Медведев и Путин.

Хоть и неловко обращаться к первым лицам, но делать нечего — другой управы на Кулистика в России, судя по всему, нет.

Отцы родные, вы же тоже папы, сделайте что-нибудь, избавьте страну от позора!

Сергей ОРЛОВ

Руки прочь от Александры Готовой!

Странная и позорная история произошла на ТВ Центре. Мирей Матье заявила, что её интервью каналу подверглось цензуре. Среди всего прочего журналистка Александра Глотова задала вопрос об отношении певцы к акции группы, название которой мы приводить не станем, потому что оно неприлично.

Вот какая версия перевода высказываний Матье прозвучала в эфире: «Мне кажется, они невинные, я осуждаю их действия, церковь не место для подобных акций, церковь всегда была и будет местом, куда люди приходят за светом, за очищением души, это святое место, которое надо уважать, тем более русские церкви, в них чувствуются такие горячность и усердие».

А вот какая версия размещена на сайте канала после извинений, оправданий, поканий руководства ТВ Центра, сообщившего, что Александра Глотова оштрафована и отстранена от эфиров: «Я думаю, что эти девушки не совсем отдаёт себе отчёт в своих действиях. Храм — это не место, где можно устраивать демонстрации. Выступать с требованиями нужно по-другому. Храм — это место благоговейного уединения, уважения. У вас это подобно святотатству, потому что у вас в храмах ощущается такая горячая вера. Но, будучи женщиной, артисткой и христианкой, я желаю милосердия».

Жаль, что для чистоты эксперимента не опубликован заверенный нотариусом вариант на французском, но, судя по всему, журналистка наказала за слово «невменяемые» (чем, кстати, не аналог «не отдающих отчёта в своих действиях») и отрезанный «хвост» о милосердии.

Именно эту часть либеральной общественности считает главной в интервью певцы. И именно в угоду либеральной общественности руководство ТВ Центра, вместо того чтобы поддержать своего сотрудника, подвергло её публичной порке.

Не станем рассуждать о мотивах госпожи Матье, решившей вдруг раздуть скандал на пустом месте, скажем только, что, видимо, Александра Глотова, как и большинство жителей России, в данном случае посчитала самым важным осуждение известной певцы греха, а не само собой разумеющееся желание христианина милосердствовать...

Держитесь, Александра!

Отдел «ТелеВедение»

ТЕЛЕПОЗИТИВ

Двадцативосьмилетние

Документальный фильм Сергея Мирошниченко «Рождённые в СССР», несомненно, стал главным событием нового телесезона. Хотя обсуждали большей частью другое — сведение счётов с профессией господином Лошаком, который «взорвал общественное мнение» своей псевдодокументальной претенциозной беллибердой.

Забавно, что после показа очередной серии «Рождённых в СССР» можно было переключить канал с «Культуры» на НТВ и наглядно убедиться (то называется, в прямом эфире) в превосходстве гуманистической традиции над разлагающимся постмодернизмом.

«Культура» повторила фильм, в которых, начиная с 1989 года, режиссёр каждые семь лет снимал двадцать своих соотечественников. Эта ретроспектива предвзяла показ по «России 1» новой серии, которую уже успели посмотреть зрители Московского кинофестиваля этим летом. Героям фильма исполнилось двадцать восемь.

Конечно, к Сергею Мирошниченко есть масса вопросов. Можно поспорить с его оценками, тональностью закадровых авторских комментариев,



которые касаются нашей Родины. Можно доказывать, что употреблять понятие «режим» в отношении советской власти не совсем уместно. Можно посоветовать, что роль распада Великой империи не воспринимается как личная боль автора фильма, а существует только по эту, зрительскую, сторону экрана... Но по большому счёту применительно к фильму «Рождённые в СССР» мировоззренческие позиции Сергея Валентиновича, его взгляды на историю значения не имеют.

Потому что главное в фильме — герои, двадцать детей из разных уголков Советского Союза, разных национальностей, социальных срезов. Их

судьбы — трагедии, счастье, поражения, победы — стали основой захватывающего повествования, в котором нет ничего, кроме просто жизни. И дело не в том, что режиссёру случайно попались какие-то уникальные дети. Фильм доказывает, что всякий человек при определённом ракурсе рассматривания становится уникальным. То есть важно, какой угол зрения выбрал режиссёр, о чём спрашивает, в каких ситуациях снимает, что отбирает для показа. Дело в гуманистической концепции кино и таланте художника...

Смотришь фильм целиком, на твоих глазах вырастают люди, в последней серии — взрос-

лые уже дяди и тётки, они рассказывают о себе, у них есть сужения о политике, общественных процессах, впечатления, ужимки, открытия. Большой частью крупные планы столичных, провинциальных, креативных, маргинальных, русских, евреев, киргизов... И, о чудо, не испытываешь к кому бы то ни было какого-либо раздражения! А кто-то говорит чужие, бред — то, с чем ты бы стал спорить до хрипоты, потерял бы человеческий облик, доказывая обратное... Но не в этом случае.

Сергею Мирошниченко удалось создать какой-то удивительный и странный по нынешним временам мир (тем более странный, что речь идёт о кинодокументе), в котором все люди — братья и сёстры, и всех жалко. Но мало того: ты, зритель, испытываешь не любопытство, а искренний интерес к чужой жизни и судьбе. И даже подумываешь о деятельном участии в связи с какими-то особыми серьёзными чужими проблемами. Пусть и не предпримешь ничего, но ведь движение какое-то было! А ещё фантазируешь: что же с ними будет в тридцать пять?

Вадим ПОПОВ

ТЕЛЕШОК

Ты помнишь, как всё начиналось?

В программе «Момент истины» Андрей Караулов обнаружил ранее неизвестную видеозапись одной из акций группы «Война». В ней приняли участие и те, кого теперь называют «зубными советами» (речь о «девочках»), участницах так называемого панк-молебна.

Действие происходит в «Ашане». Сюжет следующий: на глазах изумлённых покупателей, мирно занятых семейным шопингом, происходит убийство — имитационное, но очень похожее на вполне правдивое. Закрепив верёвки с петлёй на высоте метров трёх от пола, «повешенный» подвергается условные — еврей, гомосексуалист и гастрайтер. Перформанс так хитро продуман, что нанытые статисты выглядят настоящими висельниками, раскачиваются как в фильмах ужасов.

Сверхзадача спектакля в том, чтобы указать обществу на пороки его развития, а именно, на самый главный грех России — недостаточную толерантность. Вот и ушат эпитоны «венского акционизма» посетителя супермаркета уму-разуму, ушат «от противного» — это такая фишка, если кто не понял. Мол, это вы, мужчины, женщины, девушки, бабушки, мальчики, девочки из «Ашана», символизирующие народ России, готовы вешать гастрайтеров, гомосексуалистов и евреев, а мы, акционисты, демонстрируем вашу агрессивную сущность и тем самым вас воспитываем...

Ещё Андрей Караулов мельком, чтоб напомнить, показал акции в Зоологическом музее и в том же «Ашане» (перформанс с мороженой курицей), за что ему большое спасибо. Потому что включил радио — там две первые новости обязательно посвящены «девочкам», заглянешь в Интернет — все новостные ленты начинаются с них, бедолаг. И невольно подпадаешь втуне, начинаешь сомневаться в виновности, глядя на эти ангельские лица с губками и курдючками. Готов даже под впечатлением забыть былое.

А забывать не надо, нужно помнить, с чего начинали эти мастера художественного жеста, помнить их идейных вдохновителей и спонсоров, в том числе и в лице Министерства культуры.

Роман ГАЗЕНКО

Александр ЛЮБДА, ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

ГЛУБИНКА

Фермер на распутье

Что мешает работающему крестьянину вести своё хозяйство

— Николай, — сказал я ему уже в конце разговора, — ты не профессионал, ты — фермер-любитель.

Он не обиделся. Лишь грустно оглядел своё жилище, более похожее на зимовье охотника, нежели на коттедж предпринимателя, — низкие потолки, стены из тонких брёвен, не знавшие обоев, печка, на которой варится еда себе и корм скотине, аккумуляторная лампа над голубой. Холодно, неуютно. Тяжело вздохнул.

— Понимаешь, это какой-то дурдом. Деньги как не было, так и нет. Весной занимаю у знакомых, потом весь сезон отдаю. И так постоянно. Ни выходных, ни отпусков, а на жизнь зарабатывать не получается.

Когда в 90-х годах народ позвали в фермеры, Николай Грималов увидел в этом шанс. И бросился в фермерство, как в омут с оубры, — с закрытыми глазами. Без расчётов, денег, навыков, всего того, что сейчас называют бизнес-планом. Думал: только бы землю получить, а уж там всё сам сделаю.

В Выборгском районе Ленинградской области, где находится хозяйство Грималова, более 90 процентов сельхозпродукции производится крупными предприятиями. Доля частных мизерная. За почти двадцать лет фермер так и не стал на крыло сельский предприниматель. Из 1074 зарегистрированных в районе крестьянских фермерских хозяйств реально работающих всего 57. И лишь 12 из них ведут товарное производство. Средний надой на корову по району около 6 тонн в год, а у частных — всего-то чуть больше двух. И лишь одна ферма соответствует современным стандартам, так и ту купил «для жён» местный олигарх.

Словом, фермеры в районе погоды не делают. У большинства дотопные технологии, ручной труд. Фермерствуют большей частью переселенцы или горожане, которые прежде сельским хозяйством никогда не занимались.

Но обвинять власти Выборгского муниципального образования в невинности к малым формам хозяйствования было бы несправедливо. Это единственный в области

район, где есть муниципальный фонд, из которого только за прошлый год было выдано на поддержку сельхозпроизводителям всех форм собственности более 18 миллионов рублей, а за три года — 42 миллиона. Создан кредитный кооператив. Разработана своя программа развития АПК до 2015 года. Специальный человек в аппарате администрации помогает фермерам оформлять документы на получение кредитов и субсидий по процентным ставкам.

— Поддерживать нужно всех, — объясняет позицию властей заместитель главы администрации района Эдуард И (И — фамилия такая. Он — кореец). — Как тех, кто поставит продукцию на рынок, так и тех, кто хотя бы кормит себя, свою семью, родственников. Поддерживать уже за то, что живут в деревне.

А вот закупочный кооператив власти организовывать не хотят. Боятся создать конкуренцию агрохолдингам.

— Слабому легко чуть-чуть снизить цену, — говорит Эдуард Анатольевич. — Но тогда сильный поедет торговаться в Питер, оставив район с пустыми прилавками.

В целом по Ленинградской области зарегистрировано 6 тысяч фермерских хозяйств, из них работающих — 800, членов АККОР — 300.

Проблемы у многих схожи. На первом месте — проблема земли. Областные власти определили границу в 9 гектаров на хозяйство. И ни сотки больше. Хотя *пустующих участков кругом много, но у них есть хозяева — это паевые земли, оставшиеся от развалившихся совхозов*. Их можно только выкупить. Свободные земли распределяются по конкурсу. Но стоит фермеру обозначить свои намерения, как сбегаются люди, которым до этого земля была не нужна, поднимают цену и говорят: *отступи нам, и мы не будем участвовать в конкурсе*. Такой вот вид бизнеса появился.

— Бьёмся буквально за каждый клочок земли, — говорит председатель Ассоциации крестьянских и фермерских хозяйств Ленинградской области Анатолий Сорокин, — но перевернуть пласт бюрократии

очень тяжело. В Закон о земле внесено столько поправок, что даже юристы разобрались не могут: один говорит одно, другой — другое.

Кредит взять можно, но залоговой базы у фермеров нет. Старая техника никого не интересует, «землём» банки «переполнены». Дотации дают. Но за ними ещё побегать надо.

О сбыте. Чтобы наладить его, надо запустить торговую-закупочную кооперацию. А ведь примеры организации таких кооперативов в России есть. Взять хотя бы Харабалинский кооператив Астраханской области.

Сегодня здесь под одной крышей их сразу три: кредитный, снабженческо-сбытовой и производственный. Начинали с кредитного, созданного на рубеже веков по программе ТАСИС. Возглавил его в ту пору молодой, 23-летний специалист Алексей Галкин.

Позже оказалось, что деньги крестьянину — да, нужны, но куда нужнее то, ради чего он их берёт: семена, удобрения, средства защиты, техника, запчастки, системы капельного орошения, строительные материалы, плёнка, «горючка». Цены на рынке различались так, что ум за разум заходил. *«Газель» ядохимикатов в Москве можно было купить за 600 тысяч рублей, а в Астрахани она доходила до полутора миллионов*. То есть фермер получал кредит, а что на него купить, где и почём — не знал. Да и ездить по дорогам с миллионами наличных денег за пазухой и теперь небезопасно, а тогда тем более.

В то же время в администрацию района стали обращаться фирмы-производители. Они столкнулись с тем, что кому-то было продать свою продукцию — удобрения или средства защиты растений. Старой снабженческой системы уже не существовало, а фермеры-одиночки ещё не могли быть надёжными партнёрами.

Одни не могли продать, другие — купить.

— Мы стали выполнять те действия, которые фермеру одному делать невыгодно, да и не нужно, — рассказывает Алексей Галкин. — За чем, скажем, ему гнать вагон удобрений? Даже если он возьмёт все

60 тонн и за два года их потратит, но ради этого ему надо договариваться с заводом, приехать, аккредитоваться, взять лицензию на перевозку опасных грузов, код железнодорожного покупателя.

Тогда и родился снабженческо-сбытовой кооператив «Агростера».

Схема взаимоотношений с фермерами была такова. Зимой, после завершения всех сельхозработ, их собирали и спрашивали: кто что будет выращивать следующим летом и что кому для этого надо? Или они спрашивали: а что нам лучше выращивать, чтобы не попасть впрок? Составлялись списки, подсчитывалась стоимость, и каждый фермер расписывался за получение кредита. Только расписывался. На руки денег никто не получал.

Это исключало нецелевое использование средств — сразу было видно, что он не «мерседес» себе купил, а систему капельного орошения. И освобождало фермеров от ненужных рисков с «наличкой». А главное, это было выгодно. Идея в портфеле заказов большие объёмы, кооператив регистрировался в фирмах-производителях как коллективный дистрибьютор, что давало право на существенные скидки. Со скилками же пролавали и фермерам.

Скоро возникла другая проблема Харабалинцы «перекрыли кислород» одной коммерческой структуре, которая тоже занималась поставками, но не только без скидок, а ещё и с наценкой от 30 до 300 процентов. Дошло до того, что Галкина вызвал к себе губернатор Астраханской области. Дескать, зачем обижать хороших людей. Покупайте через них по их ценам, а свою налбавку как получали, так и будете получать.

Словом, кооператив бы ничего не терять, теряли фермеры. Но у харабалинцев к тому времени уже сложился принцип: «Хорошо живёт фермер — хорошо живёт мы». И предложенный губернатором путь был для них губительным.

Третьей проблемой стал сбыт. Он и сегодня остаётся самым слабым звеном во всей аграрной структуре современной России. Многие фермеры могли прекрасно работать, но



не умели и не могли торговать. Этим пользовались многочисленные перекупщики, буквально за бесенок выгребавшие то, что было выращено большими трудами и затратами. Кооператив начал налаживать порученные за десятилетия связи. Заново заключали договоры на поставку продукции с сибирскими городами — Новосибирском, Красноярском, Омском, Томском и далее через Тюмень с Магаданом. Под эти договоры получали предоплату. Но тут, как чёрт из табакерки, выскочила четвёртая проблема — дисциплина поставок. Не все фермеры готовы были работать в оговорённые сроки и по подписанным контрактам. Вот получил он аванс, вырастил урожай, а в это время к нему приезжает гость из соседней Азербайджана и предлагает купить продукцию дешевле, но за наличные деньги, которые нигде не учтены, а значит, не облагаются налогами. Фермер «в шоколаде», он возвращает взятый ранее аванс, извиняется. Ну что его — расстрелять? А контракты выполнять надо. Или платить неустойку. Подписывал-то документы не фермер, а кооператив.

Чтобы застраховаться от новых рисков, и был создан третий кооператив — производственный, который назвали «Фермер». За пять прошедших лет он стал самым крупным овощепроизводящим предприятием области. В прошлом году им было поставлено на рынок 14 тонн товарной продукции, в этом замаяхулись на 25.

Ныне в структуре, например, Астраханской региональной системы сельскохозяйственной потребительской кооперации 25 кооперативов. Среди них

14 кредитных (включая один кооператив второго уровня), 8 снабженческо-сбытовых (тоже с кооперативом второго уровня во главе), производственных, страховой и кооператив по агротуризму. Есть ещё фонд развития сельских территорий. Потому что одним производством заниматься сегодня мало. Уберут из деревни школы, больницы, клуб, следом уйдёт и фермер. Урожай он растит не ради самого урожая, а чтобы обеспечить семью, выучить детей, содержать престарелых родителей. Потому приходится заботиться о развитии не только производственной, но и социальной инфраструктуры.

Астраханские кооперативы готовы подключить к своим проектам аграриев Кубани и Ставрополя, республик Северного Кавказа.

Всё пристальнее присматриваются к соседям, всё чаще приглашают их на специальные организующие семинары и школы.

Поначало кооперативное строительство попытались было поднять под себя главы местных администраций, по крайней мере выдвигали своих претендентов на посты руководителей кооперативов районного звена. Они далеко не всегда проходили через сито общих собраний фермеров.

Но что серьёзно сдерживает, так это отсутствие правовой базы. До сих пор нет закона о кооперативной собственности, и пока во многих регионах фермеры бьются в одиночку.



Александр КАЛИНИН

МНЕНИЕ

Нужен ли памятник Колчаку?

Удивительные события происходят в Омской области. Не успели утихнуть волнения, вызванные отставкой 72-летнего губернатора Леонида Полежаева, слышавшего двух десятилетий рулившего область, и назначением на его место 50-летнего Виктора Назарова, ликвидацией нескольких бумажных изданий областной администрации, в связи с чем работы лишились сразу шесть десятков журналистов, — всплыли новые страсти. И тоже, по провинциальным меркам, несущотные. Хотя повод, сказать честно, аховый — в каком месте Омска установить памятник адмиралу А.В. Колчаку, более известному под брендом «Верховный правитель России».

Верховодил, правда, адмирал, бросивший якорь в нашем граде на слиянии Оми с Иртышом, далеко не всей Россией и недолго — с ноября 1918 по ноябрь 1919 года. Но память о себе, не скажу за всю Сибирь, в Прииртышье оставил недобрую. Только в Омске в начале своего правления при подавлении восстания рабочих и солдат 22 декабря 1918 года было расстреляно и порублено шашками больше тысячи человек. А 12 ноября 1919 года, перед тем как бежать под натиском Красной Армии, колчаковцы казнили всех политических заключённых омской тюрьмы. Позже их захоронили в братской могиле в центре города, а в 1923-м рядом с ней поставили скорбный памятник жертвам колчаковщины. Памятник и сегодня никто не обходит стороной, на его постаменте даже зимой живые цветы.

Жителей сёл и деревень, подозреваемых в связях с партизанами, колчаковцы вешали, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Бабушка моя, Мария Семёновна Березовская, урождённая казачка и уроженка богатейшей казачьей станицы Усть-Завостровской, что в тридцати верстах от Омска, до своей кончины в 96-летнем возрасте пела в хоре при имени Колчака: *«Разорил нас хуже, чем, когда после него охлепались, большевики. Сёк и стрелял без разбору — кто*

прав, кто нет. Савича, по-давшего к нему просить защитит сад, так побил — вернувшись, и помер Савич»...

Не сам «побил», конечно, адмирал «сибирского Мичурина», как величали Павла Савича Комиссарова, сотворившего чудо-сад вблизи Усть-Завостровки, колчаковским воинством загаженный и почти разорённый. Как не самолично, естественно, «сёк и стрелял без разбору» прииртышцев, в массе своей, особенно казачьей части, зажиточных, а потому самонаравных и не терпящих насилия. И неслучайно и сегодня в родном мне Омске Прииртышье злые или взбесившихся собак кличут *«колчаками»*.

Обо всём этом, как и о других деяниях под водительством Колчака, не мог, уверен, не знать экс-губернатор Леонид Полежаев, начавший в конце прошлого века на подведомственной ему территории кампанию реабилитации официально не реабилитированного и по сей день диктатора. Да очень ему жала, думается мне, восстановить «славу» Омска как «третьей столицы» России, а что воспеваемый с его подачи в местных СМИ адмирал не по локти — по горло в крови; ну, история и не такое списывала. А тут ещё ему, якобы великому учёному-океанографу и флотоводцу, каким его приняли специалисты, памятник стали открывать да мемориальные доски устанавливать — в Иркутске, Петербурге... А величия-то — островок его именем назван, что у мореплавателей, открывающих ранее неведомые суши в морях-океанах, в порядке вещей: кто первым из команды узрел, именем того и называли. Величия-то — пленение в Русско-японскую войну, а в Первую мировую — награждение орденом Святого Георгия 4-й степени за... «успешные нападения на караваны германских торговых судов». Ещё «успешнее» при правлении Колчака в должности Верховного правителя России проводились карательные операции белых войск и их союзников, в ходе которых были повешены,

расстреляны десятки тысяч человек.

Конечно, есть у Колчака и кое-какие заслуги, дане столь значимые, чтобы затмить преступления, им поощряемые, а может, и возбуждаемые. *«Адмирал» с Хабенским в главной роли не смог пригасить ненависть коренных сибиряков к расстрелянному 7 февраля 1920 года, а затем ступенно в прорубь реки Ушакówki «правителем России»*. Так что глухое недовольство омичей затеянным обелением Колчака пока помешало воздвигнуть памятник. Но обеление продолжается. Мемориальную доску повесили и восковую фигуру адмирала, сначала в историко-краеведческом музее продемонстрировав, в бывшей резиденции Колчака «поселили» — в дореволюционном особняке купца Батюшкова, где с начала нынешнего года создан Центр изучения истории Гражданской войны. По сути — музей во славу А.В. Колчака.

Вот в этом-то Центре-музее якобы по инициативе регионального Министерства культуры и провела только что Общественная палата областной слушания об установке памятника А.В. Колчаку в Омске. «Якобы» — поскольку слушания, на кои созвали местных архитекторов, преподавателей истории, членов топонимической комиссии и общественных объединений, должны были, казалось бы, определить — достоин ли такой «честь» адмирал, вельсь лишь к обсуждению место установки памятника. Его, как оказалось, уже сваяли. Но разве омичи давали на это своё согласие?... Не давали!.. Да их и не опрашивали — ни их, ни земляков, живущих в сельской местности Омского Прииртышья.

Нужен же не просто опрос, а референдум. Честный. Или, как принято сейчас говорить, — прозрачный. Моя же генетическая память вопиет: «Колчаку — нет!»

Николай
БЕРЕЗОВСКИЙ,
ОМСК

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Невостребованные лавры

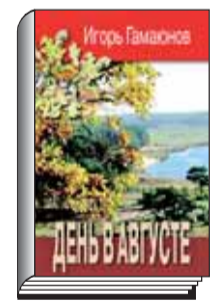
Эти заметки (на полях собственной, только что вышедшей книги) я пишу, чтобы как можно быстрее исправить случайную возникшую неточность. Книга очерковая (День в августе. — М.: Изд-во МИК, 2012. — 176 с.). Её сюжеты в основном строго документальны. В них — рассказ о нелёгкой жизни русской деревни начала XXI века. Её точный адрес — Владимирская область, Собинский район, деревня Погост (от слова — *погостить*, туда каждую десятую пятницу съезжались в старину на ярмарки торговые люди).

Красоту этих мест — пойму Клязьмы, холм на её левом берегу и венчающий его вал древнего городища — я попытался представить читателю в цветной вкладке, где и оказалось фото недостроенной церкви с выросшими на её крыше берёзами. Так вот нет сейчас уже этих берёз... И той, проржавевшей крыши — тоже нет... Как ни быстро печатаются теперь книги («День в августе» выпущен издательством за несколько месяцев), жизнь вносит поправки в документальное повествование ещё быстрее. Словом, не соответствует помещённое в книгу фото «правде факта»... Почему?..

Но вначале — об этих местах. Они известны звонкими историческими именами: здесь, в селе Чекутино, в 1722 году родился Михаил Сперанский, знаменитый русский реформатор, обосновавший необходимость отмены крепостного права; в селе Митрофаняха было родовое имение семьи Грибоедовых; таким же именем в селе Ундол владел фельдмаршал Суворов, построивший самую красивую, по мнению местных жителей, церковь, действующую до сих пор...

Как выяснили исследователи-краеведы, эти места сохранили подробности давних исторических событий. Здесь, в пойме Клязьмы, под холмом, на котором стояла древнерусская крепость, в декабре 1237 года рязанский воевода Евпатий Ко-

ловрат с отрядом в 1700 ратников встретил уходившие после разорительного набега на Рязань полчища хана Батая. Эти полчища численностью превосходили Коловратово войско во много раз, но не логика и расчёт вели русских людей в кровавое побоище. А чувство справедливого (и — необхо-



Покровская церковь вчера и сегодня

димого!) возмездия. Ратники Коловрата сражались с таким неустойчивым, как Батый, пораженным их отвагой, спрашивал взятых в плен ирзаненных воинов: «Что вы хотите?» И те отвечали: «Умереть!»

Батый распорядился отдать им тело погибшего в бою Евпатия Коловрата и «не чинить им вреда» в погребении своего воеводичника. Дополннно неизвестно, где похоронен Коловрат — увезён ли на саних по декабрьскому снегу в Рязань или погребён неподалёку от городища, на соседнем холме, у деревни Осовец, где сейчас стоит заброшенная Покровская церковь со старинным кладбищем возле неё. Ко второй версии склоняются исследователи-краеведы (Сергей Родионов. «Край мой, любовь моя...»). Поразительно то, что до Родионова окрестные жители не знали не толь-

ко о месте героической гибели Коловрата, но и о самой битве с Батыевыми полчищами, хотя пойменный лут Клязьмы у Погоста до сих пор называют «ханским лугом» или «убиенным полем». Называют, не отдавая себе отчёта, откуда эти названия.

Память, как известно, — вещь зыбкая, её нужно уве-

чуживать, но ни на въезде в деревню Погост, ни на холме, увенчанном мощным валом, где стояло городище, нет ни памятного знака, ни аншлага с кратким сообщением о том, что здесь произошло в 1237 году.

А теперь о Покровской церкви, на кладбище которой наверняка и был погребён Евпатий Коловрат. Построенная в 70-х годах позапрошлого столетия, собиравшая под свои своды население окрестных, некогда многолюдных сёл и деревень, она во второй половине прошлого века была закрыта, её разрушали дожди и ветра, и крыша её поросла берёзами — их там образовалась целая роща! В одном из своих «деревенских» очерков («Коршун над городищем», «ЛП», № 41, 19 октября 2011 г.), рассказывая о купца-меценатах XIX века, строивших в этих местах храмы, я упомянул и о брошенной Покровской церкви. «Её бы восстановить», — цитирую, — «о чём местные жители говорят не первый год. Но что-то не слышно отклика среди нынешних богатых людей. Не нужны им лавры меценатов?»

Прощаю зима, потом — весна нынешнего года, и летом, в

августе, оказавшись в Погосте (книга моих очерков уже была в тот момент в типографии), я увидел иную Покровскую церковь: старая крыша с берёзками снесена, ставится новая; грохочет отбойный молоток — подновляются кирпичные стены; вокруг — строительные материалы, суетятся рабочие в касках. Спрашиваю одного из них (см. фото), кто инициатор этого строительства. Не знает. Даёт телефон протоиерея соседней церкви в селе Заречное — о. Алексия. Звоню. Нет, не назвал мне имени мецената о. Алексия, хотя, разумеется, знал его. Объяснил: это потомок настоятеля Покровской церкви (в 70-х годах XIX века) протоиерея Сергея Алексеевича Харламова (похороненного у стен храма)... Но почему не назвать имени потомка?..

— Потому что это жертвование, — сказал мне о. Алексий, — не напоказ, а по душевному велению, которое не терпит показной публичности... Ибо такого рода публичность может ввести в соблазн самодовольства...

...И это, подумал я, в момент, когда соблазн самодовольства и расчётливо-показной публичности становится благодаря телевизору чуть ли не нормой! И ещё одно удивительное признание сделал в разговоре о. Алексий:

— Храм этот восстанавливается вопреки логике. Ведь окружающие его деревни обезлюдели, и может так случиться, что содержать храм будет кому... Но искреннее душевное движение не может не вызвать отклика в других душах, и дачники, населяющие эти места летом, придут под своды восстановленного храма...

...И вспоминал, мысленно добавив я, подвиг Евпатия Коловрата, который вопреки логике ринулся в кровавую сечу с Батыевыми захватчиками.

Да ведь и отказ человека, восстанавливающего Покровскую церковь, от лавров мецената тоже на первый взгляд — вопреки логике.

Той обывательской логике, исключающей из многочисленных человеческих отношений душевные порывы, без которых человек всего лишь недолговечная плоть.

Игорь ГАМАЮНОВ



С. Шойгу на встрече с директорами подмосковных музеев

ХРОНИКА

Кутузов в Красной Пахре

1 сентября, в канун 200-летнего юбилея Отечественной войны, на центральной площади поселения Краснопахорское был открыт шестиметровый памятник легендарному полководцу — генерал-фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову.

Установка монумента именно в этом месте неслучайна — осенью 1812 года здесь располагался штаб М.И. Кутузова, где и разрабатывались планы боевых действий русских войск.

«Мы помним героев, защитивших наше Отечество двести лет назад. Хорошо бы, и наши благие дела вспомнили хотя бы лет через сто», — говорит автор памятника скульптор Александр Рожников.

Кстати, ещё два месяца назад поселение Краснопахорское было Подольским муниципальным районом Московской области, а с 1 июля его территория стала Новой Москвой.

Потерялись французы

Приключенческая история произошла с пятью французскими туристами в ходе подготовки мероприятий, посвящённых празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике.

Как сообщил глава Можайского района Московской области Дмитрий Беланович, пять французских туристов, приехавших в Бородино посмотреть реконструкцию легендарного сражения, неожиданно пропали.

К безуспешным поискам пропавших подключились даже сотрудники МЧС, однако гости нашлись сами. Оказалось, они всего лишь отправились собирать грибы в ближайший лес и не смогли найти дорогу обратно.

«Довольно колоритная картина, когда по территории музея-заповедника «Бородинское поле» расхаживают люди в форме русской и французской армий. Мы ожидаем в гости до 400 представителей иностранных военно-исторических ассоциаций и любителей реконструкции. Для них уже подготовлены места в палаточном городке. Можно смело сказать, что в эти дни Бородино стало франко-англоговорящей территорией», — сказал министр культуры Московской области Антон Губанков.



Бородино, 2 сентября 2012 г.

Выставка молодых художников

В Культурном центре им. Любови Орловой открылась Международная выставка молодых театральных художников — недавних выпускников художественных вузов.

На выставке можно увидеть эскизы декораций и костюмов молодых театральных художников из России, Казахстана, Азербайджана, Болгарии и Эфиопии. Их работы выполнены к спектаклям по произведениям как классиков мировой литературы, так и современных авторов. При создании своих работ молодые мастера использовали всё многообразие декорационного материала.

«Поиски новых путей в искусстве — это всегда чрезвычайно интересно и увлекательно не только для творца, но и для зрителя. На мой взгляд, пространство этой выставки наполнено живой творческой энергией, что обрекает её на успех. Подобные события очень важны для Подмоскovie, ведь у региона очень большие театральные планы», — сказал министр культуры Антон Губанков.

Организаторы проекта уверены, что выставка — одно из тех начинаний, которые помогают выявить и представить широкой общественности лучшее и значимое из того, что есть в современном театральном искусстве.

Музыка в Голицыном дворце



На территории усадьбы Большие Вязёмы по случаю открытия после реставрационных работ дворца героя Отечественной войны 1812 года генерал-губернатора Голицына на открытом воздухе состоялось большое музыкально-театрализованное представление.

В торжественном гала-концерте приняли участие выдающийся оперный исполнитель Василий Герелло, ведущие солисты Мариинского театра Ирина Матаева, Михаил Кит, Екатерина Сергеева, Владимир Целебровский и Александр Трофимов, а также Военный образцовый оркестр Почётного караула под руководством Константина Петровича, хор Московского академического музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и коллектив «Orchestra «Armonia».

Поэтический конкурс

Модные гаджеты iPhone и iPad получат победители открытого конкурса детского и юношеского

поэтического творчества «Скажи-ка, дядя...», организованного Министерством культуры Московской области совместно с «Парламентской газетой» в рамках Года российской истории, 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 года и 200-летия Бородинского сражения. Участие в конкурсе могут принять молодые поэты со всей России от восьми до двадцати пяти лет. Тема стихов — великие битвы и события в истории страны, выдающиеся имена и судьбы, героические подвиги на полях сражений Отечественной войны 1812 года.

В том, что слов «патриотическое воспитание» не стоит стесняться, уверен министр культуры Московской области Антон Губанков. «Патриотическая поэзия сегодня, — сказал он, — совсем не популярная, к сожалению, тема, но нам интересен потенциал ребят, способных создавать такие стихи. Мы намеренно не ограничили рамки конкурса только Бородинской битвой. Стихи конкурсантов могут быть посвящены любому периоду истории нашей страны: от Куликовской битвы и до современных вооружённых конфликтов. Мы на самом деле не знаем, что именно подразумевают под словом «патриотизм» молодые россияне. Стихи о маме, например, могут оказаться не менее патриотичными, чем стихи о героях и победах».

Состязаться в поэтическом искусстве молодые таланты будут в трёх возрастных категориях: от восьми до десяти лет, от одиннадцати до семнадцати и от восемнадцати до двадцати пяти лет. Для подведения итогов конкурса будет создана комиссия, в которую войдут депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации. Вручение призов победителям запланировано на декабрь и пройдёт в торжественной обстановке. По итогам конкурса планируется издание сборника стихов и концерт лауреатов.

Спектакли бесплатно

Министерство культуры Московской области запустило благотворительный проект — в муниципальных образованиях Подмоскovie бесплатно покажут дневные спектакли лучших областных театров для семей с детьми-инвалидами и малообеспеченных семей.

Проект стартовал 1 сентября одновременно в двух городских округах Подмоскovie: в Егорьевске — спектаклем «Красная Шапочка» в исполнении артистов Московского областного государственного театра драмы и комедии, и Люберцах, где артисты Московского областного государственного драматического театра им. А.Н. Островского показали «Золушку».

Затем в течение месяца программа охватит городской округ Электрогорск, городской округ Домодево, городское поселение Талдом, сельское поселение Красносельское Подольского муниципального района, сельское поселение Ельцино Пушкинского района, городское поселение Уваровка Можайского района, города Красногорск, городское поселение Клин, городской округ Солнечногорск и завершится 26 сентября в сельском поселении Ошейкино Лотошинского района.

В проекте принимают участие артисты Московского областного государственного театра драмы и комедии, Московского областного государственного драматического театра им. А.Н. Островского, Московского областного государственного театра юного зрителя и Московского областного государственного театра кукол.

Посвящение в студенты

В Государственном доме-музее П.И. Чайковского в Клину прошло посвящение в студенты первокурсников Академического музыкального колледжа при Московской государственной консерватории имени

П.И. Чайковского (знаменитой Мерзляковки).

Мероприятие проводилось при поддержке Министерства культуры Московской области.

Идея проведения этого памятного для многих мерзляковцев праздника принадлежит легендарному директору колледжа (до 2004 года именовавшегося училищем) Л.Л. Артыновой (1917—2005). С 1980 по 2003 год в начале сентября первокурсники, их классные руководители, «концертная бригада», составленная из старших учащихся, и представители администрации отправлялись на автобусах в подмосковный Клин, в Дом-музей Петра Ильича Чайковского. Там проходили торжественное вручение студенческих билетов и концерт, а старшекурсники проводили для своих младших товарищей подробную экскурсию по одному из лучших мемориальных музеев России.

Многолетняя традиция, некоторое время назад прерванная, ныне возродилась по инициативе бывшего студента колледжа, всемирно известного дирижёра Владимира Юровского. Впервые в церемонии принял участие руководимый им второй сезон Государственный академический симфонический оркестр России имени Е.Ф. Светланова. С этим знаменитым коллективом в разное время выступали пианисты Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс, Ван Клиберн, Николай Петров и Денис Мацуев, скрипка Давид Ойстрах, Владимир Спиваков и Максим Венгеров, альтист Юрий Башмет, виолончелисты Наталия Гутман и Александр Князев, певцы Сергей Лемешев, Монсеррат Кабалье и Дмитрий Хворостовский. За дирижёрским пультом его стояли Евгений Светланов, Игорь Стравинский, Евгений Мравинский, Иегуди Менухин, Мстислав Ростропович, Валерий Гергиев, Геннадий Рождественский, Юрий Темирканов и многие другие выдающиеся артисты.

В программе выступления Госоркестра были произведения Вольфганга Амадея Моцарта (Концерт № 3 для скрипки с оркестром, солист — концертмейстер коллектива, народный артист России Сергей Гершенко) и Петра Ильича Чайковского (Серенада ор. 48 для струнного оркестра).



Илья КОРОНЕВ

Спасти «Пушино»

Министерство культуры Подмоскovie собрало материалы для привлечения к административной ответственности Российской академии наук и лично её президента Юрия Осипова за отсутствие должных мер по сохранению усадьбы «Пушино», расположенной в Серпуховском районе Московской области.

Кроме того, областное Министерство культуры подготовило документы для процедуры изъятия усадьбы у Российской академии наук.

«Мы не первый раз ставим этот вопрос перед Российской академией наук, и мы не намерены дожидаться полного разрушения усадьбы. Тревогу нужно бить уже сейчас — пока нам есть что спасти», — заявил министр культуры Московской области Антон Губанков.

«Усадьба «Пушино» XIX — нач. XX в.» — объект культурного наследия федерального значения. Российской академией наук работы по сохранению памятника не проводились. Длительное время усадебный комплекс не использовался, что только ухудшало его состояние.

Ещё в 2010 году комиссией Министерства культуры Московской области с участием представителя Российской академии наук и администрации Пушкина была проведена проверка сохранения части объектов усадьбы «Пушино». По её результатам РАН уже была привлечена к административной ответственности.



ИНТЕРВЬЮ В НОМЕР

Валерий ЯКУНИН:

«Театр существует для людей, испытывающих в нём необходимость!»



Московский областной Камерный театр на территории Юго-Восточного округа занимает Малую сцену Московского областного Дома искусств (МОДИ) в Кузьминках. Вот уже 23 года художественным руководителем Камерного театра является заслуженный артист РФ, заслуженный деятель искусств Валерий Иванович Якунин, который осуществляет собственные постановки в традициях русской театральной школы и пригла-

шает других режиссёров с возможностью эксперимента.

Накануне обменных гастролей между Московским областным Камерным театром и Академическим русским театром им. Е. Вахтангова из Владикавказа (Северная Осетия), которые пройдут с 24 по 30 сентября в рамках федеральной целевой программы «Культура России 2012–2016 гг.», мы встретились с Валерием ЯКУНИНЫМ.

из трёх стали мамами и на три года выпала из жизни труппы...

— Так это уже целый комплекс причин!
— Совершенно верно! Но есть случаи, когда ради спасения легендарного спектакля вводят нового актёра — как это было в «Ленком» с «Юноной и Авось». Многие зрители настолько привыкли видеть в главной роли Николая Петровича Караченцова, что не восприняли спектакль с другим исполнителем. Однако те, кто не видел Караченцова в роли Резанова на сцене, спокойно могут смотреть этот спектакль и сейчас. Так бывает. Но мы, наш театр, постепенно оказались в той ситуации, когда что-то ещё можно восстановить, а что-то ушло безвозвратно. Сейчас мы находимся в полосу, когда у нас в репертуаре русская классика осталась представленной лишь одним спектаклем, это «Пьеса для Аделаиды» В. Соллогуба. На сборе труппы по случаю открытия нового сезона я предложил ближайшим два сезона посвятить именно классическому репертуару, в том чис-

сложный вопрос — не только театральный. Даже если мы ставим спектакли по произведениям не драматургическим, а скажем, по рассказам О. Генри, то инсценировка для них сделаны всё же современными авторами. Кстати, в этом ряду — спектакль «Мари и Пьер» по пьесе М. Полищука. Это история зарождающейся любви и первых научных открытий Мари Склодовской и Пьера Кюри, будущих нобелевских лауреатов в области физики. Этим спектаклем мы собираемся и открывать, и закрывать наши гастроли во Владикавказе. Смысл не в том, чтобы обязательно включить в репертуар ту или иную российскую пьесу. Я считаю, что не имеет большого значения национальность автора, главное — интересная драматургия.

— Часто ли вы театр вообще предпринимаете гастрольные поездки?

— Нет, к сожалению. Это проблема чисто финансовая. И она знакома практически всем театрам Российской Федерации. В советское время гастрольная жизнь театров была чрезвычайно насыщенной — каждое лето все театры страны выезжали всей труппой на месяц-другой, менялись спектаклями с различными театрами в летний период. А сегодня, в наше капиталистическое время, нужно иметь исходный денежный капитал, для того чтобы ехать на гастроли, которые любому театру крайне необходимы! Это, знаете, как переливание крови! В этот раз мы меняемся с театром Владикавказа: они едут к нам, а мы едем к ним. Подобные гастроли взаимно обогащают как театры, так и публику — информационно, эстетически, эмоционально... Но всё сейчас упирается в средства. Мы бывали в последние годы в Саратове, Белоруссии, на Украине — всегда полный зал. Театр — искусство элитарное. Не в том смысле, что для элиты, — нет! Но, по подсчётам социологов, в любом городе мира в театр ходит всего три процента жителей. Понимаете? Театр существует для людей, по-настоящему испытывающих в нём необходимость! А с увеличением средств массовой информации, когда всё можно скачать и посмотреть, сидя дома на диване, попивая чай, появляется и зрительская лень. Поэтому сегодня в театр идёт только особенный зритель. Сейчас, заметьте, в театр идут не на пьесу, не на режиссёра, не на автора, а на актёра! Это очень важный момент! Зритель думает: вот я видел на экране Александра Домогаарова, а теперь хочу пойти на него в театр, на сцене посмотреть. Поэтому и актёры стараются как можно больше сниматься, в том числе и в телесериалах. И я со своей стороны всегда приветствую, когда мои актёры снимаются. Этот фактор так или иначе повышает интерес зрителя к самому театру. Сегодня этот комплексный актуальный вопрос. И мы уже не говорим о качестве театрального искусства, оно, как мы видим, в настоящее время очень разным бывает...

Беседовала
Арина АБРОСИМОВА

— Валерий Иванович, если посмотреть на гастрольный репертуар, то вы ведёте во Владикавказ спектакли «Мари и Пьер» М. Полищука, «Диалог самцов» А. Артемьенева, «Вождь краснокожих» О. Генри, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрен, «Гулять по-русски» С. Лобозерова, «Дон Кихот, его слуга, его сны и его лошадь...» М. де Сервантеса (инсценировка В. Красовского). Скажите, по какому принципу отбирались постановки для этих гастролей?

— Прежде всего по художественным достоинствам, конечно. Это спектакли, апробированные на зрителе в родных стенах. Влияет также рейтинг спектаклей, который существует в нашем театре. Кроме того, гастроли обычно попадают во временные, технологические рамки в соответствии с техническим оснащением и техникой принимающей гастролёв сцены, когда выставляются декорации, свет, музыка и т.д. Гастроли — компактная форма деятельности, поскольку сегодня на неё деньги трудно получить и трудно всё организовать. Мы очень рады тому, что наш театр попал в эту замечательную программу и имеет возможность обмениваться спектаклями с театром во Владикавказе. Но срок в семь дней диктует в том числе и количество участников: приходится думать о том, чтобы максимально использовать тех артистов, которые участвуют в поездке, и решать множество текущих рабочих проблем, от которых никуда не увернёшься.

— А премии, данные разными конкурсами вашим спектаклям, имеют значение для гастрольного плана?

— Да, у нас много премированных постановок, и, конечно, хотелось бы показать их все как можно большему числу зрителей. С другой стороны, это может быть лауреат какого-нибудь престижного фестиваля, но со слишком громоздкими для поездок и монтажа декорациями, большим количеством участников, что требует серьёзных вложений в гастрольном туре... К сожалению, в данном случае предпочтение отдаётся компактным спектаклям.

— Иными словами, тот грант, что выделен на обменные гастроли, всё-таки недостаточен и призывает к экономии?

— Любый грант подразумевает экономию. Мы для осуществления этих гастролей используем собственные средства, дотацию Министерства культуры МО — по двадцать пять процентов вложенных средств — и возможности гранта от Министерства культуры РФ — это оставшиеся пятьдесят процентов всех затрат. Вне зависимости от финансовых вопросов мы старались сформировать свой гастрольный репертуар так, чтобы достаточно широко представить спектр названий и чтобы лицо нашего театра было наиболее интересным для разного зрителя. Мы учитываем, что едем в одну из кавказских республик, где проживает много национальностей с различным менталитетом. Но мы хотим быть интересными для всех.

Наш партнёр по гастролям покажет восемь спектаклей, в Москве их ещё не видели. Я абсолютно уверен в том, что наша избалованная публика получит удовольствие: одни названия в афише вызывают интерес! Мне жаль, что сам не посмотрю...

— А почему в представленных гастрольных графиках постановках преимущество отдано зарубежным произведениям? Замечательно, что это классика — «Вождь краснокожих», «Дон Кихот», «Малыш и Карлсон», но лишь одно название — «Гулять по-русски» — имеет признак отечественной драматургии, наверное, это лубок, народная комедия... Почему с американской и европейской, а не с русской литературой и драматургией вы решили познакомиться зрителя?

— Вопрос и тема гораздо шире. Это связано и с репертуарной политикой театра, и с тем багажом спектаклей, который существовал в нашем основном репертуаре на протяжении многих лет. Скажем, у нас были спектакли, поставленные по Островскому, Чехову, Толстому, Булгакову, которые шли годами! Спектакли стареют. Стареют артисты. Меняются, в конце концов, пульс жизни и восприятие публики... И спектакли уходят. Дело даже не в том, что постарел исполнитель главной роли, а просто изнашивается спектакль, как платье... Не сама пьеса устаревает, понимаете... «Три сестры» — это вечная пьеса, она не может устареть! Но спектакль естественно устаревает по режиссёрскому решению, по эстетике, по ритму... Это ведь только в кино так бывает, что и за тридцать, и за пятьдесят лет актёр на экране совсем не изменится. А на

сцене этот трюк не работает — всё постоянно меняется! Живой театральный спектакль — это организм, который отличается от всех иных видов визуального искусства тем, что он живёт только секунду, а сейчас и больше никогда! Вы придёте завтра смотреть тот же самый спектакль, а он будет уже другим. Потому что не заснятый на плёнку, живой артист повторяет свою роль столько же раз, сколько можно сделать на ксероксе копий одной стра-



Сцена из спектакля «Гулять по-русски»

ниции, не может: у него сегодня хорошее или плохое настроение, он себя хорошо или дурно чувствует, он устал или, наоборот, возбуждён — и каждый день это будет совершенно разные спектакли! Это сложность театра. И, конечно же, его прелесть. Но время безжалостно и стремительно идёт вперёд. И тогда либо, как в «Современнике» уже трижды, в разных составах восстанавливали «Три сестры», либо уже окончательно со спектаклем расстаются. У нас спектакль «Три сестры» снят с репертуара по причине того, что две сестры

и русскому. В наших планах: «Шинель» Н. Гоголя, «Пигмалион» Б. Шоу, «Блажь» А. Островского, «Эшелон» М. Рошина — это уже советская классика... И те ветви нашего дерева, которые по разным причинам и в разное время отсохли, мы должны восстановить, а баланс между зарубежной и отечественной классикой должны привести в соответствие. Вы можете справедливо упрекнуть нас в малом количестве постановок современных пьес, но современной достойной драматургической литературы, кроме «чернушки», очень мало. Это очень

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ



г. ДОЛГОПРУДНЫЙ

«С начала всё начну — ещё не поздно»

Долгопрудный относится к «самому ближне-му Подмосковию». Одной стороной упираясь в МКАД, он уходит в вольные лесные просторы, отсюда и в творениях здешних авторов переплетаются ритмы мегаполиса и сельские мотивы.

Анастасия ЗАХАРОВА

Воспоминания

Не знаю, что со мною происходит,
Но по ночам, проснувшись
в душном мраке,
Перед глазами вижу поле, маки —
И ветер волнами по алой пене
бродит.

Возможно, это лишь пустые знаки —
Мечты о детстве и утраченной
свободе...
Взмах белых крыльев. Солнце.
Маки, маки
Гнут стебли в вековечном хороводе.

Но некому теперь смотреть
за полем.
Остался лишь букет воспоминаний,
Которые уйдут со мною вместе.

В них нет ни скуки, ни душевной боли,
Полунадежд, лживых обещаний —
Лишь ласточки. И алых маков
песня...

Юлия ДОЗОРЕЦ

Ты сидишь. И я сижу.
Вечер. Поздно. Нет просвета
Среди туч. Дрожим от ветра.
Ты дрожишь, и я дрожу.

Ты молчишь. И я молчу.
Тучи красные от улиц.
Хоть бы звёзды улыбнулись.
Ты кричишь. И я кричу.

Не дожидаться в эту ночь
Ночи, ливня, ветра с моря —
Будут тучи сыпать горем.
Горю некому помочь.

Я иду и ты идёшь. Прочь.

Я привыкла жить по инерции —
По привычке на солнце шуриться,
Набирать для статей сентенции
В диктофоне звенящей умницы,

Добавлять свои комментарии:
Мол, такая-то и такая-то
Побывала вчера в виварии
Жаль, что очень была занята, —

Не осталась в нём жить
до старости,
Но спасибо, что хоть поздравила...
Для всего, для любой малости
У меня есть свои правила.

Я привыкла быть непредсказуемой,
Улыбаться с утра приветливо.
Что считала неопишущим,
Описала я по-газетному.

Моя имя бумажными птицами
По рукам чужим разлетается,
А что кроется за страницами,
Никого, увы, не касается...

Дмитрий ДОЗОРЕЦ

Чёрный квадрат

Непонятно ничего, ну и пусть...
Факту этому я искренне рад.



Как рукой сняло тоску-грусть —
Я стою, смотрю
на «Чёрный квадрат».

Показалось вдруг, что ключ я нашёл
От неведомых, таинственных
врат.
Повернул тот ключ и быстро вошёл
В небольшой, но ёмкий чёрный
квадрат.

Там дорога, уходящая вдаль,
Удивительно красивый закат,
И в искрящихся снежинках февраль...
Не квадратный всё же этот
квадрат.

Век двадцатый — он разорван
и смят,
Полупропан, полупроклят,
полусвят...
Может быть, он от невзгод и утрат
Превратился в самый чёрный
квадрат.

И поверженных в нём идолов сонм,
И скрывается здесь Авея брат,

И несбывшийся в нём сказочный сон —
Всё вместились в этот чёрный
квадрат.

У него нет ни друзей, ни подруг.
Одинок он, черноте уж не рад.
Я возьму и нарисую рядом круг,
Веселее чтобы стал мой квадрат.

Галина ЛЕОНТЬЕВА

Слышишь, время возвращаться!
Кто уехал, пусть вернётся!
Снег на ветках, снег на крышах,
топнут в нём заботы наши.

Слышишь, время возвращаться!
И посуда к счастью бьётся,
и у всех коверных рыжих
нос веснушками украшен.

Словно праздник приближая,
гонит ветер лист по насту.
Через сучки призражаешь.
Слава Богу! Ну же, здравствуй!

Людмила КУЗЬМИНА

А солнцем лист согретый
Трепещет, как флажок.
Окончен праздник лета!
Так тихо. Так свежо...
Всю черноту в природе
Забелит скоро снег,
И кровь заколордит
В мечтаньях о весне.
Как жить со всеми в мире,
Но быть для всех чуждой,
Одной, в пустой квартире,
С мятущейся душой?

Татьяна АЛЕНЧИКОВА

С начала всё начну — ещё не поздно.
Труд доброты не пропадет зря.
Я вверх смотрю, а значит — вижу
звёзды,
Пусть даже их зажгли не для меня.

Лидия РЫБАКОВА

Сольвейг

Путешественник возвратился в дом,
мир, как книжицу, пролистав.
И вернул ей экипж, как забытый
сон, —
предварительно отобрав.

От волос её веет ладаном,
столько лет прошло — всё прошло.
Почки лопались, листья падали
и снега стучали в стекло.

Он явился. От солнца бронзовый.
Не стращаю приключений прах.
И чужих духов запах розовый
кое-как отстирав с рубах.

Он вернулся всезнающей-странником
в дом, где властвует тишина.

Где крыльцо запело старинником.
Где, старая, ждала она.

За окном, в застеколье, душно так,
даже мысли — и те молчат.
Всё глядела в окно и слушала,
как часы на стене стучат.

Не терзая себя вопросами,
не жалея других мужских,
молча слёзы роняла росами,
не считала своих морщин.

Думал он — разлука с копеечку.
Как звёзды августовской след.
Верил — встретит всё ту же девочку,
что рукою махала вслед.

А она надтреснутым голосом
о тоске кричит в зеркала
или медленно красит волосы
цветом воронова крыла.

Две столицы

Зыбкий свет ночей целлофановых
сквозь прямые, как струны, линии...
Мне привыкнуть придётся заново,
что московские ночи — синие.
И к прошитой осями темени,
чтоб нырять в неё, будто в воду сом.
И от вечной нехватки времени,
не стыдясь, бежать за автобусом.
В кружесейной сети перелучной
адреса искать по шапшю.
И на запах батонков к булочной
торопиться всегда к закрытию.
Здесь подвёзды, а не парадные,
здесь бордюры, а не поребрики,
здесь Неглинная, здесь Басманная,
здесь асфальт, на солнце серебряный.
А вокруг — не сады, а скверики,
и смешение стилей пёстрое...
Как Колумб открыл Америку,
открываю Москву непросто я —
не по-питерски вечно спешащую,
откровенную, в чем-то лживую,
карнавальную, настоящую
и до боли в глазах красивую!

Детектив, уходящий корнями вглубь веков, — жанр не новый. И всё-таки в каждый период времени он приобретает актуальное значение лишь потому, что даёт ответ на жгучие современные вопросы. Вот и новый роман Эдуарда Крянжянского «Чингис Хаим», исполненный в жанре живого расследования с присутствиям ему атрибутиками — погонями, убийствами, загадками, родился именно в наши дни как авторская рефлексия на процессы глобализации и переустройства мира в новых условиях. В центре романа — проблема самозванных многочисленных «пророков» Господа, на протяжении многих веков добивавшихся межконфессионального размежевания, которое, как считает автор, изжило себя в наши дни. Именно воплощение случившихся исторических событий и легло в основу сюжета романа, недавно вышедшего в издательстве «Бослен». Сегодня с разрешения автора публикуем в сокращении одну из глав. Краснянский Эдуард Владимирович — писатель, журналист. Автор восьми романов, в основном в жанре актуального политического детектива, среди которых такие, как «Заложник», «Укрепрайон Рублёвка», «Кремлёвский опекун», «Дефолт совести», «Восстание вассала», «210 по Менделееву» (в соавторстве с А. Смоленским).



Эдуард КРАСНЯНСКИЙ

Трактат маркиза, или Что скрывает старый свиток

— О-о! — засмеялся вдруг Багрянский. — Простите, совсем не подумал, что мои слова можно истолковать таким образом. Действительно, ваши опасения, наверное, имеют под собой почву, когда речь идёт о давнем убийстве отца Александра. Судя по тому, что наши славные правоохранительные органы в течение стольких лет не продвинулись ни на шаг, рисковно предположить, что вас шантажировали, причём не один раз. Однако будьте покойны, в данном случае тенденциозность исключена, дело касается событий многовековой давности.

— Многовековой? — Вадим опешил. Он и вправду растерялся, не зная, что сказать. — Но... я не историк.

— У вас логический склад мышления и редкое чутьё. Талант на такие дела! Я специально интересовался: за восемнадцать лет работы в журналистике вы провели более тридцати самостоятельных расследований.

— По правде говоря, не считал...

— А я посчитал и даже пересмотрел все публикации. Кстати, не только ваши, но выбор пал на вас!

На другой стороне трубки Платонов тяжело вздохнул. Он вновь вспомнил далёкое сентябрьское утро. Подмосковный полустанок. В кармане новенькое, только что выданное редакционное удостоверение. На полустанке его неожиданно встретило жидкое милиционерское оцепление, кучки сонных зевак, спешащих на работу, следы крови на тропинке, ведущей к платформе. Кого-то убили полчасика назад. Зеваки шёпотом передавали друг другу имя убитого. Оно молодому репортёру ни о чём не говорило — местный священник отец Александр.

Вадим тут же стал спрашивать людей, выдал ли пару слов из какого-то полкадистого милиционера. Потом отыскал почту и отбил в редакцию телеграмму с информацией об убийстве. Неопытному выпускнику МГУ никто бы не доверил такую сложную тему. Но по стечению обстоятельств или, если угодно, по воле судьбы он оказался первым из тех, кто сообщил сенсационную весть и как бы застопил на неё права.

— Пусть попробует, — согласился главный редактор, внимательно всматриваясь в Платонова, когда тот вернулся в Москву и вместе с заведующим отделом новостей заглянул к шефу в кабинет. — Парень не растерялся, проявил инициативу. Надо же когда-то начинать...

И Вадим начал, не предполагая, во что вывязался. Дело получило широчайшую огласку. Могила он тогда подумал, что в течение многих лет будет постоянно возвращаться к нему, несмотря на протесты, негласные запреты, попытки шантажа? И потом, досконально изучив нелёгкую судьбу отца Александра, неординарного богослова и удивительного человека, просмотрев сотни документов и выслушав десятки свидетельств окружающих его людей, он напишет книгу, в которой осмелится изложить свою версию событий. В отличие от беззастенчиво сменявших друг друга следователей Платонова, судя по угрозам, «копуну» где-то недалеко от истины. Хотя до истины так и не докопался.

...— Я никогда не углублялся в историю, а тут — сотни лет! — всё ещё колеблясь, пробормотал он в трубку на стойчивому коллеге, терпеливо ожидающему ответа на другом конце провода.

— Чувствую, вы всё-таки заинтригованы. Как, честно говоря, и я сам, — Багрянский сделал небольшую паузу и, не услышав возражений, продолжил: — Вряд ли имеет смысл и дальше продолжать отвлечённый разговор. Не лучше ли встретиться и подробно всё обсудить? Поверьте, ни один журналист не пройдёт мимо такого предложения.

— Хорошо, я готов встретиться.

— Вот и прекрасно! Тогда завтра к одиннадцати в «Александр Хаусе». Там вас встретят и проведут к господину Духону.

Духон?! Банкир, олигарх... Любопытно...
...Проклятье! Выезжая со двора, он едва не наскокил на вырвавшийся перед самым носом «Пассат» с затемнёнными стёклами. Платонов ударил по тормозам, хотел выmaterить незадачливого водителя, но в последний момент разглядел что-то, напоминающее сутану священника, невольно смутился, промолчал и обречённо влился в плотный транспортный поток.

го Платонов ожидал встретить здесь чиновника столь высокого ранга. Журналисту ещё не доводилось общаться с политическими фигурами такого уровня.

— Проходите, Илья Сергеевич, — радушно приветствовал его хозяин. — У нас все в сборе. Багрянского вы знаете. А это полковник Леонид Мацкевич, по батюшке, как и вы, — Сергеевич. Он признанный аналитик, мастер разгадывать секреты и влезать в душу, даже когда его не просят. Ну и наконец самый молодой член нашего небольшого коллектива — Вадим Платонов, журналист и писатель. Кстати, на днях вышла его книга об обстоятельствах убийства отца Александра.

Суворов поздоровался со всеми персонально, на мгновение задержав в своей ладони руку Платонова.

— Наслышан о ваших расследованиях, — отметил он. — Боюсь, некоторым они пришлись не по вкусу, но в данном случае можете рассчитывать на мою поддержку.

Суворов тут же перешёл к делу. Чувствовалось, что он не привык попусту растрчивать время. Рассказывал дипломатично лаконично, последовательно, не отвлекаясь на ненужные детали. И хотя тон его был сдобрен изрядной дозой самоиронии, не возникало сомнений, что он подходит к вопросу, ради которого все собрались в

— НКВД, что же, и до древних добралось? — не унился Духон.

— Смотря что иметь в виду. Существует богатейший архив, к которому я как аналитик имел доступ. Если помните, в конце 40-х — начале 50-х Сталин загорелся идеей переместить в Москву центр православия, объединив его вокруг Русской православной церкви. Может показаться бредом, но тогда на раскрутку этого дела были брошены лучшие интеллектуальные силы страны, а МГБ негласно координировало всю работу. Но наш вождь и учитель быстро поостыл, возможно, убедительства убийства отца Александра.

— И как же это, вы думаете, может быть связано с маркизом де Лодвелом?

— Ничего я пока не думаю. Скорее всего, вообще не связано. Я привёл этот пример в качестве иллюстрации к тому, что история во все времена писалась крайне тенденциозно. Таков её удел. Копии латинских переводов из Толедо посылались непосредственно в Рим. Наверняка Папа и его окружение далеко не

обосновавшегося в Иерусалимском королевстве. К середине XII века как раз там они обрели несметное богатство и силу.

— Вот именно! А не может быть так, что Орден храмовников вообще не особенно считался в Ватиканом?! Ведь даже разгромив его через две сотни лет, Папа так и не добрался ни до их тайн, ни до их сокровищ, — вслух задлся вопросом Багрянский. — Я вполне допускаю, что маркиз искал покровительства именно в Иерусалиме потому, что имел при себе какой-то особо ценный и неугодный Риму документ!

— О, как вас занесло, — рассмеялся Суворов. — Логично, конечно. Драматично тоже. Наконец, загадочно. Но одновременно как-то слишком зыбко. Что это за документ, ради которого стоило так рисковать? К тому же, добравшись до Иерусалимского королевства, получив именную меч и тайную грамоту Ордена, мой предок не угомонился, а отправился в Грузию. Спрашивается, чего ему далась Грузия? Зачем удостоенному почётных регалий знатному крестоносцу, католику податься в далёкую, неведомую и, вдобавок ко всему, православную страну?

— Ну, расстояния маркиза не пугали, в этом мы убедились. А что до неведомой страны, то не такая уж она была неведомая для крестоносцев. Я, пожалуй, единственный из вас, господа, кто профессионально изучал в Тбилисском университете историю Грузии, — оживился Багрянский. — И должен вам заметить, господа, что грузинские учёные не особенно жалуют эту тему. Однако в диссертации моего педагога, которую он усиленно пропагандировал студентам, мне как-то попалась любопытная историческая справка. Она касалась знаменитой Дидгорской битвы в 1121 году, когда 50-тысячное грузинское войско под предводительством царя Давида Строителя наголову разбило 300-тысячную объединённую армию мусульман. В самом центре боевых построений грузинского войска на Дидгорском поле сражался тогда отряд крестоносцев! Каково?! А вы говорите...

— А вы не думаете, что, возможно, это некий миф, который кому-то понадобился? Например, Сталину! — неуверенно произнёс Вадим Платонов, который до этого момента лишь всё внимательно слушал.

— Очень любопытно, — почему-то заволновался Духон. — Но зачем Сталину подобный миф? Другое дело, грузинские историки. Их можно понять: не хотят делить лавры своих предков. Каково это — несколько сотен закованных в броню рыцарей в центре сражения! По нынешним меркам, целый танковый корпус!

— О чём мы спорим, господа? Как нас этот спор приближает к ответу на вопрос, зачем, например, маркиз Лодвел отправился в Грузию? Я, кстати, уже вычитал ковенные свидетельства о том, что перед его предпологаемым визитом в Грузию царь Давид Строитель тайно встречался с иерусалимским королём Болдуином II, — попытался вернуть дискуссии в нужное русло бывший министр. — Это было время между первым и вторым Крестовыми походами, когда вновь образованным государствам крестоносцев крайне важно было срочно укрепить свои позиции в Малой Азии. А Давид у них в тылу как раз успешно воевал с арабами и турками-сельджуками, вдобавок стал теснить Византию на юго-восточном побережье Чёрного моря. Одни и те же противники, схожие политические интересы. О межконфессиональных разногласиях в таких случаях принято забывать.

— Не будем забывать, Илья Сергеевич, — невозможно забыть бывший главный аналитик ФСБ, — ваш предок всё-таки был не столько рыцарем или, например, монахом, — что тоже не исключено, — сколько учёным. Древняя рукопись, на которую у нас имеются ковенные указания, — дело всей его жизни. А теперь предположим, что маркиз не до конца уверен, что его труд, даже взятый под опеку могущественным Орденом, находится в полной безопасности. Поэтому, как мне представляется, воспользовавшись случаем, появившимся, скорее всего, спонтанно, он и отправляется в страну, где до него уже вряд ли дотянется рука папских легатов. Возможны и другие мотивы: маркиз отправляется в Грузию по следам, подсказанным самими документами, в надежде отыскать какое-то недостающее звено.

— А почему бы не объединить обе версии? — предложил Платонов, всё ещё мало понимающий, зачем его сюда звали. — Они нисколько не противоречат друг другу. И потом, простите, господа, что вмешиваюсь, по-моему, мы слишком увлеклись разными версиями. Для чего? Лично я так до конца и не пойму, что замыслено. И зачем приглашён сюда журналист, далёкий от всего, что здесь обсуждается. Давайте всё-таки расставим координаты.

— Вот что значит современная журналистика. Люди мыслят исключительно прагматично. Это мы со стари-



от всего приходили в неописуемый восторг. Религиозные каноны покоятся на неоспоримых догмах, а в хранилищах знаменитой Толедской библиотеки явно скопилось много такого, что могло внести в них смуту и разнобой.

— Как я понимаю, это лишь предположения, — вновь заметил олигарх.

— Разумеется, предположения. К сожалению. Толедская библиотека, как и вся школа, была полностью разгромлена берберами в середине XII века. Обратите внимание. Риму без особого труда удавалось мобилизовать огромные массы крестоносцев, но он даже палец о палец не ударил, чтобы попытаться защитить уникальные духовные сокровища, можно сказать, у себя под боком. Толедо был брошен на произвол судьбы. Конечно, проще всего объяснить это обычной средневековой междогматической, но в данном конкретном случае Ватикан мог намеренно самоустраниваться, чтобы уничтожить некоторые, возможно, неудобные ему древние свидетельства.

Все замолчали, переваривая услышанное. Вольно или невольно Мацкевич несколькими ёмкими фразами сочинил потенциальную грандиозную интригу тысячекратной давности. Багрянскому уже рисовались с гиком врывающиеся в этот чудесный город берберы на горячих арабских скакунах, разграбленный почти грандиозный Толедский собор на вершине городского холма, разрушенные под ним стены купеческих домов, горящие в пламени рукописи...

Мысленно перепрыгнув на несколько веков вперёд из горящей древней столицы Испании — Толедо, он подключился к дискуссии, обратившись непосредственно к дипломату.

— Вашему уважаемому предку, Илья Сергеевич, сильно повезло. По-видимому, он заблаговременно покинул город. Причём, если верить предьявленному документу, отправился маркиз не в Рим, что казалось бы логичным для учёного, а за тридевять земель — в Иерусалим. Как ни странно, этот чреватый бурями, пиратскими налётами и морскими сражениями маршрут показался ему менее опасным. Вас это не наводит на мысль, Илья Сергеевич?

— Вот вы спросили, и, как говорится, сразу навело, — согласился Суворов. — Возможно, он заметал следы и искал контакты с другими представителями Ордена,

офици олигарха, крайне серьёзно.

Он сообщил о неожиданном полученном в наследство рыцарском мече, о надписи на его рукоятке, о намёках на некую тайну, хранение которой было доверено его предку — маркизу де Лодвелу древним Орденом. Наконец, Илья Сергеевич добрался до старинной грамоты, обнаруженной им уже в архиве отца.

— Маркиз был не просто крестоносцем, — важно заметил он. — Прежде чем отправиться на Святую землю, мой предок несколько лет жил в Толедо и всеерьёз занимался наукой. Если верить документам, то можно предположить, что мой предок свободно владел арабским и древнееврейским языками, изучал и переводил на латынь древние рукописи. Лично я не удивился, что если и существует в реальности ещё одна нераскрытая тайна рыцарей Храма, то она каким-то образом связана с научной деятельностью маркиза.

— Тем более если она им самим и обнаружена, — вдруг поддал голос полковник Мацкевич. — Вы захватили перевод? А то испанским я, к сожалению, не владею.

— Да, да, конечно, — быстро ответил Суворов, доставая из кейса листы бумаги и протягивая их аналитику. — Вот перевод, вот и сам оригинал.

Мацкевич внимательно просмотрел оба документа, как бы сопоставляя их.

— Очень любопытная графика и сама печать. Нет никаких сомнений в их подлинности, — задумчиво произнёс он. — Не знаю, слышали вы или нет, но дело в том, что в XI—XII веках в Толедо сосредоточился весь центр восточной и европейской мысли. Толедская школа переводчиков вошла в историю мировой науки и культуры того, что возвратила цивилизации наследие древних эллинов, которое сохранилось лишь в арабских источниках. Исключительную ценность представляли латинские переводы древнееврейских рукописных памятников и комментарии к ним. Полагаю, там можно было отыскать целый кладезь всевозможных тайн и сведений.

— Ну, Леонид Сергеевич, вы даёте! Bravo! — не сумел скрыть своего восхищения Духон. — Вы никогда даже не заикались о том, что так неплохо знакомы с древней историей!

Друзьям было хорошо известно, что до ухода на пенсию полковник возглавлял аналитический отдел сначала КГБ, а затем и ФСБ. Он прекрасно ориентировался в специфике и методах работы современных спецслужб, считаясь большим мастером разгадывать логические головоломки. Но чтобы знать о толедской школе переводчиков, эллинов, древнееврейских рукописях, такого от старого служаки никто не ожидал!

— Не преувеличиваете, мои познания не простираются дальше общих сведений. Но вообще-то у нас обычно недооценивают масштабы и характер деятельности спецслужб, — хитро прищурился Леонид Сергеевич, и Платонов с приятным удивлением обнаружил, что в глазах этого неприметного, сухопарого мужчины светится весьма незаурядный ум.

ком Багрянским решили пригласить вас и намеренно не вводить в курс дела. Сами поймёте. Надемся, — весело произнёс Духон.

Дипломат почему-то молчал. Похоже, он о чём-то сосредоточенно думал. Поэтому хозяину кабинета ничего не оставалось делать, как продолжить самому.

— Насколько я понимаю, Илья Сергеевич в данном случае выступает, условно говоря, в роли заказчика. Но одно дело, если заказчиком движет естественное для потомка любопытство к истории своего рода. И совсем другое дело — если он ставит целью досконально разобраться в историческом контексте со всеми вытекающими последствиями, — продолжил хозяин кабинета.

По напряжённому и совершенно непроницаемому выражению лица Суворова невозможно было предугадать ответ.

— Господа, насколько я могу судить, здесь присутствуют исключительно серьёзные и ответственные люди, — наконец, словно очнувшись, как-то чересчур жёстро заявил Илья Сергеевич. — Признаюсь, мне было бы комфортнее больше не приводить никаких новых доводов и ограничиться лишь заявлениями в бытовательском любопытстве. Но, боюсь, всё равно они никого не убедят. В том числе и меня самого. ...В тексте послания к потомку, ну, то есть ко мне, был ещё один существенный момент, о котором я до последней минуты предпочитал не упоминать, — Суворов сильно волновался, подбирая каждое слово. — Там чёрным по белому сказано, что возможно, когда-нибудь потомки маркиза Орсишоа Силгилама де Лодвела смогут привести свою тайну до ушей светского мира и тем самым — ни много ни мало — открыть истинный путь для человечества. Присутствует и намёк на то, что для этого достаточно ознакомиться с неким трактатом, над которым работал сам маркиз.

Все замолчали, обдумывая услышанное.

— Опять трактат... — первым произнёс Мацкевич. — Трактат, которого нет. Что в нём такое могло содержаться, предназначенное для ушей человечества?

— Может, секрет долголетия? — брякнул наугад Багрянский.

— Больно мелко, — возразил Духон. — Тут что-то другое, господа. Но, по крайней мере, нам теперь ясно, почему уважаемый Игорь Сергеевич так загорелся идеей докопаться до семейной тайны. Как я теперь понимаю, именно потому, что она отнюдь не семейная, а принадлежит человечеству! За это стоит поломать копыя. Согласно, господа? Вадим Петрович, надеюсь, вы уже поняли, как роль отводиться лично вам?

— Начиная догадываться, — солидно произнёс Платонов.

— Для начала придётся лететь в Грузию. Я бы и сам не прочь, но по разным причинам, которые не будем уточнять, я отпадаю. Господин Суворов сам по себе фигура слишком заметная. Полковника нашего там просто загребут как шипона. Лёвущку в Тбилиси слишком хорошо знают, он там родился и вырос... Вы, таким образом, тут единственная независимая и не ангажированная персона. К тому же с вашим опытом вы наверняка справитесь лучше любого из нас. О расходах не беспокойтесь! Наши Сергеевичи, — он посмотрел в сторону Мацкевича и Суворова, — подсказку, что там перво-наперво делать. Когда предполагаете отчалить?

— Хоть в понедельник! — обрадовался журналист.

— Загляну в библиотеку, попытаюсь восполнить некоторые пробелы в истории. Вечером полазаю в Интернете... И вообще подумаю на досуге.

— Прекрасно! Мы и рассчитывали на вашу расторопность, — довольно отметил Духон, — не забудьте купить несколько сим-карт для мобильника. Пригодятся. Элементарная предосторожность не повредит. Мелочь, но чем чёрт не шутит!

Хозяин кабинета встал и, отперев сейф, протянул Платонову ещё какой-то небольшой предмет.

— Вот, Вадим, возьмите! Этот аппарат нигде не зафиксирован. Используйте его для конфиденциальных разговоров. Старайтесь звонить, главным образом, Льву. Если засекет, он как-никак ваш коллега. Меньше подозреив.

Оказавшись на улице и сев в машину, Платонов завёл мотор и инстинктивно взглянул на противоположную сторону набережной. «Пассат» с затемнёнными стёклами там не было. Прежде чем отехать, Вадим неожиданно для самого себя достал телефон, который дал ему Духон, повертел его в руках и неуверенно набрал номер. Абонент не ответил.

Почувствовав облегчение, Платонов нажал на газ. В дороге он вертел рулём, не оглядываясь по сторонам. А зря. Стоило журналисту осмотреться, и он бы вновь заметил «Пассат», с которым едва не столкнулся утром у собственного дома. Тот следовал на некотором расстоянии позади...



ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Самоконтроль

Увидев идущего на встречу старосту дома, Лаптев остановился возле припаркованной на газоне иномарки.

— Видаль! — заговорил он. — Что хотят, то и творят! Весь двор машинами заставили, а мы дыши выхлопными газами! Устроили автостоянку!

Староста промолчал. — Скоро прямо в подъезд будут заезжать на своих «меринах», — не унимался Лаптев. — Детишкам уж и поиграть негде!

Староста как воды в рот набрал.

— Чего, Петрович, молчишь? Пора наводить во дворе порядок!

— Да ты хоть знаешь, чей этот «форд»? — негромко заметил Петрович.

— А то! — орал Лаптев. — Той самой соплячки с третьего этажа, что у нас без году неделя живёт...

— Да будет тебе известно, что у этой, как ты говоришь, «соплячки» мама — судья! А папа...

— Прокурор! — веселился Лаптев.

— Нет, — парировал Петрович. — Оперативный сотрудник ФСБ! Майор! Ты бы поприветствовал языком...

— А чего? Я ничего... Раз папа в ФСБ, пусть паркуются, хоть на крыше!

— Выхлопными газами он, видишь ли, не хочет дышать!

— Да, ладно тебе, Петрович, пугать...

— А я не пугаю, Борис Иванович, я предупреждаю. Или забыл, кто перед выборами больше всех про партию вордов и жуликов кричал?

— Так у нас в стране демократия...

— А по ночам на плакатах кандидатов усы рисовать — тоже демократия?

— Они всё равно во второй тур не прошли...

— Если бы не твои усы и рога, то, может, и прошли! Но в любом случае порча агитационных материалов налицо!

Лаптев сник. Он заперся дома и с ужасом поглядывал на стоящую на газоне иномарку. Ночью он собрался нацарапать на ней гвоздём нехорошее слово. А утром написал на соплячку жалобу в ГИБДД... Хорошо, что не успел осуществить задуманное, а то пришёл бы её папа — и вычислил автора. По почерку... А мама отменила ему в суде штраф на всю катушку.

И тут Лаптев вспомнил, как вчера от безделья нарисовал

Лаптев включил телевизор. Увидел изображение оппозиционера и сразу переключился на спортивный телеканал. Вдруг квартиру уже поставили на прослушку.

Перед началом хоккейного матча звучал Гимн России. Лаптев выткнулся по струнке и, приложив правую руку к сердцу, запел: «Славься, Отечество, наше свободное...»

Лаптев выткнулся по струнке и, приложив правую руку к сердцу, запел: «Славься, Отечество, наше свободное...»



рога и хвост какому-то депутату в местной газете. Вдруг на свалке на газету наткнулся бомжик... И отнесут куда следует! Лаптев вздрогнул и принялся рыться в мусорном ведре. Нашёл, порвал в клочья. Для надёжности смысл клочки в унитаз.

Посидел, подумал и пошёл на антресоли. Там лежала стопка газет одной из оппозиционных партий — уничтожил все до одной! А вместе с ними и статью о группе Pussy Riot, исполнившую панк-молебен в храме Христа Спасителя. Случись что, могут заподозрить в сочувствии.

Общую тетрадь, куда по молодости лет записывал разные частушки, залил чернилами. «До свидания, родная, уезжаю в Азию. И в последний раз сегодня на тебя залазию...» Да за такую похабшину судья может под статью подвести! Она на обвинительных приговорах собаку съела.

Лаптев включил телевизор. Увидел изображение оппозиционера и сразу переключился на спортивный телеканал. Вдруг квартиру уже поставили на прослушку.

Перед началом хоккейного матча звучал Гимн России. Лаптев выткнулся по струнке и, приложив правую руку к сердцу, запел: «Славься, Отечество, наше свободное...»

Лаптев выткнулся по струнке и, приложив правую руку к сердцу, запел: «Славься, Отечество, наше свободное...»

Моя судьба меня подстерегла
И вытщила при честном народе
За шиворот из тёмного угла
На Божий свет, к неведомой свободе.

Мне был не нужен даже за гроши
Сей поворот — на вид довольно жалкий.
Я упирался фибриной души —
Ведь ничего не делал из-под палки.

Грозился пальцем, вслух протестовал —
Сопровивляясь, в общем, произволу.
И против ветра, что есть сила, плевал.
Не обиняя, пожалуй, только школу.

И ликовали все мои враги —
Кромсали смехом душу по-живому!

А встал бы, как всегда, не с той ноги,
И жизнь пошла, быть может, по-другому.

В бутылку едва не полез.
Но вовремя, как на лабоды,
Узел непустой интерес
К моей одиозной персоне.

Я рад, чтохватило ума
Сменить и пластинку, и тему.
Пускай разрешит сама
Хоть разполобовно проблема.

Подальше держусь от греха.
Кручу, что есть силы, педали.
Пока за мои потроха
Хорошую цену не дали.

Александр ПОПОВСКИЙ,
пос. ПЕРВОМАЙСКИЙ Челябинской обл.

Олег ГОНОЗОВ,
ЯРОСЛАВЛЬ

ВОДА

Когда я включаю горячую воду,
когда констатирую: мирно течёт,
осанну по трудовому народу,
распать бы хотел тех, кто выписал счёт.

АБРАКАДАБРА

Прикольно космос бороздим.
Миллиарды в океан идеам.
И что смешно: конец один.
И что печально — ожидаем.
Перетекает песнь козла
В лукавый гимн безумству храбрых.
Козла абракадабра — зла,
добро и есть — абракадабра.

БЕЗРУКОВ

Вот идёт по Москве — руки в брюки,
Вот играет легко и рассеянно
Абсолютно здоровый Безруков
Абсолютно больного Есенина.

ПЕСНЯ

От заката до рассвета,
как-то всё переметров,
заявляю: песня — это
три куплета и припев.

ВЕЧНОСТЬ

Что думаю подчас о первом встречном
В моей вполне устроенной судьбе?
О вечном он задумался. О вечном.
Ая, простите, только о себе.

Анатолий МИТНИКОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

Новые анекдоты о старом

— Поручик, расскажите, за что вам присвоили звание Ржевский.

— Это за взятие Ржева. Сидим раз, в карты играем, вдруг крик: поручик, ваша жена приехала! Я с перепугу вскочил на коня, и до Ржева галопом, а все остальные за мной. Только во Ржеве вспомнил, что я не женат...

— Поручик. А правда ли, что женщины за вами толпой бегали...

— Да, было, когда я из Франции два чемодана дамского белья привёз на продажу.

— Поручик, вы опять вернулись из города пьяный. Небось в кабаке весь день просидели?

— Да нет, я бродил весь день по улицам в какой-то тоске... Видимо, и забродил.

— Поручик, а как вы отделяете дам света от дам полусвета?

— Выключаю свет и на ощупь...

— Поручик, говорят, вы последнее время сильно слабеете.

— Да, последний раз сдал себе четыре туза.

— Ржевский, как объяснить, что в последнем бою вы не позволили дружить на вырубку?

— Так в той лавке, что я захватил, вы ручки на одного с трудом хватало...

— Поручик, а правду ли говорят, что наездники со временем становятся похожи на своих коней.

— То-то я вчера полковнику рассказал анекдот, и он заржал.

— Поручик, а верите ли вы, что в будущем будут резиновые женщины?

— Женщины и сейчас понятие весьма растяжимое.

— Поручик, вы, говорят, за кампанию 1812 года много французов уложили?..

— Не знаю насчёт французов, а французенок изрядно...

— Поручик, говорят, вы на плечах противника входили в города?

— Было и такое — когда подо мной коня убили, пришлось на плечах...

Александр БРЮХАНОВ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КУЛЬПОХОД

Свадебный подарок

Недавно в одной популярной газете был помещён большой, на четверть половины формата А2, цветной портрет А.В. Сухово-Кобылина. В данном случае драматург был «лицом» металлургического завода в нижегородской Выксе, где работал, как говорилось в рекламном слогане, «над своей первой и лучшей пьесой «Свадьба Кречинского».

Лучшая она, может, и лучшая, только литературные огрехи её всё равно заметны. Что касается сюжета, то афера Кречинского с подменной бриллиантовой булавки на фальшивую у нынешних зрителей, знающих по действиям всякого рода комбинаторов, вызовет лишь снисходительную усмешку — не тот масштаб был у Михаила Васильича. Вдобавок за полтора века у пьесы сложилась богатая сценическая история — её ставили ведущие российские и советские театры, в этих спектаклях «засветились» М. Щепкин, М. Ермолова, Ю. Юрьев, И. Ильинский... Теперь «Свадьбу Кречинского» поставил Театр имени Моссосвета. Кстати, здесь она уже когда-то шла с феноменальным М. Названовым в заглавной роли.

Режиссёр-постановщик П. Хомский не побоялся заочной конкуренции с именитыми предшественниками. Более того — он сделал ставку на актёрскую игру, где и добился успеха. Если к исполнителем эпизодических ролей ещё могут быть кое-какие претензии, то все из них достаточно выразительны, то главные удались на славу.

Перво-наперво хочется сказать о Валентине Тальзиной и Евгении Стеблове, играющих тётку и отца невесты Кречинского. Блистательный дуэт мгновенно покориет зал, зрители буквально ловят каждое их слово. Поражает и умение этих мастеров «играть без мяча» — даже когда у них нет реплик, крайне интересно наблюдать за тем, как те реагируют на происходящее. Они демонстрируют пример высшего актёрского пилотажа.

Если героев В. Тальзиной и Е. Стеблова можно считать комедийными благодаря режиссёрской трактовке, то оруженосец Кречинского незадачливый Расплюев является чисто комическим персонажем. Однако Александр Ленков не идёт по пути наименьшего сопротивления — он сыграл в этом фанфане драму маленького человека.

У Анатолия Васильева, играющего Кречинского, самая трудная роль — он практически не покидает сцену, у него много монологов. Так что помимо актёрского мастерства ему пришлось продемонстрировать и недюжинную физическую подготовку.

Зрителям хорошо известно содержание пьесы. Если кто не знал, то быстро догадается, чем кончится дело. Разумеется, Кречинский потерпел фиаско, убиты горем близкие со стороны невесты и жениха. В выигрыше остались лишь «родственники со стороны зрителей», получившие в подарок театральное зрелище.

А.Х.

ДВЕРИ «КЛУБА ДС»



Напоминаем, что чувство юмора авторов далеко не всегда совпадает с чувством юмора редакции

КНИЖНЫЙ РЯД

Тихий ветер памяти

Из Алтайского края, из глубины России, ко мне пришёл увесистый пакет, который невольно заставил встряхнуться и вспомнить прошлое, — прислал его мой старый товарищ Виктор Иванович Ащеулов. В пакете находились две книги: одна о Василии Макаровиче Шукшине, вторая — об Анатолии Пантелеевиче Соболеве.

О Шукшине сказано уже много, добавить что-либо новое трудно, но в книге «Жил такой парень» подмечены некие тонкости, связанные с местным колоритом, с Алтаем, с людьми здешним. У себя, в родной деревне, Шукшин был совсем иным, чем, допустим, в асфальтовой Москве, и этот «другой Шукшин» интересен не менее, чем Шукшин, который давно и хорошо известен. «Жил такой парень» — это слово о великом мастере кино и литературы, сказанное теми, кто знал его и любил, кто запомнил его таким, каким он был когда-то на Алтае (и не только там), и пронёс этот светлый лик через свою жизнь.

Среди таких людей, помнящих родство, — немало именитых писателей, Виктор Ащеулов собрал их воспоминания, стихи, устные рассказы (письменные тоже), а также воспоминания родни, земляков, перелопатил, положил на бумагу — получилась поучительная и нужная книга.

Любой человек, взяв её в руки, порадуется обязательно.

Теперь о книге «Память людская — тоже жизнь», посвящённой Анатолию Соболеву. Блестящий прозаик, красивый человек, моряк, прошедший войну на Севере в водолазной команде, автор многих популярных повестей, он всегда был безжалостен к себе, к тому, что пишет, не терпел в литературе даже самой малой, самой крохотной халтуры — всегда работал с полной отдачей, на пределе. Это была работа на износ. Работать по-иному он просто не мог. Возможно, именно поэтому Соболев очень рано ушёл из жизни. А с другой

стороны, позади ведь была война... Не стало его в дни писательского съезда в Москве, делегатом которого он являлся, летом 1986 года.

А писателем Соболев был удивительным. Сюжеты выстраивал так, что обязательно потом находился какой-нибудь реально живущий человек, который приходил к Анатолию Пантелеевичу с утверждением:

— Это происходило со мной!



Виктор Ащеулов. Жил такой парень: Сборник воспоминаний и стихотворений о Шукшине. — Белокуриха, 2011. — 999 экз.

Память людская — тоже жизнь... — Белокуриха, 2011. — 500 экз.

Память людская — тоже жизнь... — Белокуриха, 2011. — 500 экз.

Память людская — тоже жизнь... — Белокуриха, 2011. — 500 экз.

Напрасно Соболев доказывал визитёру, что сюжет повести выдуман от начала до конца, расписан вымышленными деталями и наполнен придуманной художественной тканью, герой «блуждал в тумане» не верил этому. Например, Соболев написал как-то повесть «Три Ивана» — про трёх русских военнопленных, бежавших из гитлеровского концлагеря.

По дороге беглецов выследили и поймали в овраге немецкие мальчишки. И, недолго думая, расстреляли, поскольку у этих юных недоумков оказалось оружие.

Соболев, знавший войну в деталях, сказал после выхода книги:

— Мне кажется, что это вот то самое, что называется лицом фашизма, — когда дети расстреливают взрослых.

Он был тысячу раз прав — мудрый человек и пронзительный писатель Анатолий Соболев. И в прозе своей был убедителен и правдив, уж коли к нему пришёл искалёченный мужчина с крупными чертами лица и отрезанным левым ухом и рассказал, что одним из троих бежавших был он. Лишь ему удалось выжить.

Но биографии-то всех троих были выдуманы автором, а сама история была подсказана каким-то второстепенным фактом, почерпнутым то ли в газете, то ли услышанным в обычном бытовом разговоре.

А после публикации повести «Грозная степь» даже есть эпизод, как некий лихой комсомолец сбрасывает крест с церковного купола, а в него, стремясь предотвратить святотатство, дважды стреляют с земли, но не попадают, Соболев получил покаянное письмо из Ульяновска от подполковника в отставке, который признался, что эта история происходила с ним — молод тогда был и дурак дураком...

Вот так и смыкаются иногда литературная выдумка и жизнь, в книге Виктора Ащеулова это подмечено весьма точно. Впрочем, после прочтения один грустный вывод всё-таки напрашивается: очень уж упал ныне уровень литературы, ни в какое сравнение не идут подделки иных художников (от слова «худож») с тем, как и о чём писали раньше и вообще как работали настоящие мастера прозы и поэзии — те же алтайцы Василий Макарович Шукшин и Анатолий Пантелеевич Соболев. Читать их можно часами, не отвлекаясь и не уставая при этом.

Про современных так называемых мастеров этого не скажешь. Куда мы идём, к какой черте? Кто ответит на этот вопрос?

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ЭПИТАФИЯ



Последний фельетонист

Скончался Александр Моралевич

миллиу. И если находишь, то, пробегая по диагонали юморески, стишки и анекдоты, откладывал чтение нового фельетона «на десерт». Была ещё одна причина для этого. Начиная читать Александра Юрьевича где-нибудь в людном месте, сейчас же привлечёшь внимание публики смехом, сдерживать который было бесполезно. Ибо в изобилии присутствовало в его вещах то самое вещество юмора, которое невозможно поделить. Моралевич был настолько известен, а его фельетоны так боялись, что по Советскому Союзу рыскало единоразом сразу несколько леж-Моралевичей, которые вымогали деньги из тогдашних миллионеров, пользуясь поддельными удостоверениями.

Его фельетон кромсали в Агитпропе, считая антисоветскими, и лишь заступничество главных редакторов «Крокодила» да огромный талант спасали его от увольнения из журнала, в котором мэтру довелось проработать тридцать лет. «Сменили строй, как имя, отчество...». Казалось бы, должен был прогреть Моралевич. Но... Те же люди из Агитпропа, моментально перестроившиеся, вновь встали перед ним плотными серыми рядами. Моралевич писал столь же блестящие эссе и фельетоны, но двери демократических газет оказались для него закрытыми.

Слишком нестандартен, яростен был его стиль. Он был последним фельетонистом России. Жанр фельетона ушёл из современной прессы. Его заменили журналистские расследования, короткие реплики различной степени язвительности, критические эссе. Но того сложного высокохудожественного сплава уже, пожалуй, не вернуть.

Куприн когда-то написал очерк на кончину Марка Твена «Умер смех». В этом очерке есть строчки, звучащие так, словно бы их писали сегодня, после просмотра «Криво зеркала»: «Что нас смешит теперь? Оперетка, в которой все герои поменялись нижним бельём? Французский анекдот из области спальни и клезета? Зрелище толстого старика, проваливающегося в кинематографическом эссе из третьего этажа в подвальный? Имитация национального говора? Пародия? Шарж? Пародия на шарж?»

С уходом Моралевича можно сказать: «Умер фельетон». Светлая вам память, дорогой Александр Юрьевич!

Георгий ПОПОВ,
ВОЛГОГРАД